

ГОД НАУКИ
2017

А. В. Кузнецова-Тимонова

Воины- интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе

1975- 1992

Александра Кузнецова-Тимонова

**Воины-интернационалисты
из Беларуси в гражданской
войне в Анголе 1975-1992**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2017

Кузнецова-Тимонова А. В.

Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе 1975-1992 / А. В. Кузнецова-Тимонова — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2017

ISBN 978-985-08-2130-0

В книге изложены события гражданской войны в Анголе (1975-2002 гг.), причины и обстоятельства, при которых туда направлялись советские военнослужащие – в том числе белорусы, уроженцы БССР и те, кто являются гражданами Республики Беларусь в настоящее время. Подробно рассмотрены условия несения службы в Анголе советскими военными советниками и специалистами, их участие в боевых операциях, взаимодействия с ангольскими и кубинскими военнослужащими. Значительная часть книги представляет собой воспоминания непосредственных участников событий. Издание представляет большой интерес для профессиональных историков и всех, кто интересуется военной историей XX века.

ISBN 978-985-08-2130-0

© Кузнецова-Тимонова А. В., 2017
© Издательский дом “Белорусская наука”, 2017

Содержание

Предисловие научного редактора	6
Введение	8
Категории воинов-интернационалистов в Анголе, или Кого именно «там быть не могло... [3]»	10
Возвращение забытой войны. Источники и историография	13
О чем эта книга	25
Часть I. Гражданская война в Анголе: истоки, события, результаты	27
Особенности борьбы Анголы за независимость: геополитические противоречия	27
Три «кита» национально-освободительного движения: зарождение разлома	29
Начало гражданской войны: от Алворских соглашений до сражения под Кифангондо	31
Еще одна «странная война»	36
Хроника переломных моментов: операция «Саванна»	42
От «Протеа» до «Навстречу Октябрю»	45
Ангольский «Сталинград»	51
Долгий путь к миру	54
Уважение или забвение, или Чем встретила Родина	57
Часть II. Человек на войне: воспоминания ветеранов войны в Анголе	58
«Мг. – это не майор, а мистер»	60
«Мне почему-то хотелось попасть на войну... Может, потому что я потомок белорусских партизан?»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

А. В. Кузнецова-Тимонова

Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе 1975-1992

© ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2017

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2017

* * *

Добры дзень, радзімая, добры дзень, каханая!
Зноў паштоўку шлю табе, можа як дайдзе...
Толькі не хвалойся там – нават не паранен я,
Мы ўсе тут вучымся на чужой бядзе!
Ой-ёй-ёй, ой, Божа ж мой!
Ой-ёй-ёй, што ж тэта са мной?
А ў Анголе ўсё не так... у марах Беларусь мая!
Веру, што ўсё скончыцца, я звярнуся дамоў.
Моцна абдыму цябе, пацалую горяча...
І пасля на чарачку запрашу сяброў
Ой-ёй-ёй, ой, Божа ж мой!
Ой-ёй-ёй, што ж тэта са мной?
Вось і ўсё, каханая, выбачай, што кратка.
Чую вой – заходзяць зноў з поўдня «Міражы»...
Дасылаю нітачку з абгарэлай вопраткі,
Калі што і здарыцца – маме не кажы!
Ой-ёй-ёй, ой, Божа ж мой!
Ой-ёй-ёй, што ж тэта са мной?

Сергей Ерошов¹

¹ Автор – выпускник МГПИИЯ (МГЛУ), проходил службу в Анголе в 1986-1988 годах в качестве военного переводчика. Стихотворение записано военным переводчиком И. А. Ждаркиным в 1988 году. Нынешнее место жительства С. Ерошова установить не удалось. – РОО «Союз ветеранов Анголы»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://veteranangola.ru/main/poetry/s_ershov. – Дата доступа: 29.04.2010.

Предисловие научного редактора

Книга А. В. Кузнецовой-Тимоновой «Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе. 1975-1992» является четвертой в серии публикаций сотрудников отдела военной истории Беларуси Института истории НАН Беларуси, посвященных теме участия представителей нашей республики в локальных войнах и вооруженных конфликтах на территории других государств в XX веке. Первой была монография И. Ю. Воронковой «Беларусь и война в Испании. 1936-1939 гг.». Второй – книга А. М. Литвина «На той войне незначительной: советско-финская война (1939-1940 гг.) в истории Беларуси». В 2015 году вышла еще одна работа И. Ю. Воронковой: «Военные конфликты на Дальнем Востоке и Беларусь 1921-1941 гг.». Все эти труды – результат многолетней работы по реализации проектов «Беларусь в войнах и военных конфликтах XX века» и «Военная история Беларуси», которыми сотрудники отдела занимаются с 2005 года.

Представители Беларуси – граждане современной независимой республики, уроженцы белорусских земель, белорусы по национальности – принимали участие в локальных войнах и вооруженных конфликтах в разных точках планеты.

Многие из них еще живы и могут рассказать о своей военной и гражданской судьбе, назвать неизвестные доселе факты и события, поделиться своими личными впечатлениями. Все это – наша история! К сожалению, с каждым годом люди уходят из жизни, не оставив свидетельств и будучи незаслуженно забытыми.

Многие аспекты участия уроженцев и жителей Беларуси в гражданской войне в Анголе в качестве военных советников и специалистов до недавних пор оставались совершенно неизвестными и неизученными. Фактически начало освещению в прессе и научно-популярной литературе этой войны и отдельных аспектов вовлеченности в нее представителей Вооруженных Сил СССР положили сами участники, начав делиться своими воспоминаниями с учеными и выпускать собственные мемуары. В данной ситуации задача ученого заключается в том, чтобы собрать как можно больше свидетельств непосредственных участников и очевидцев событий, подкрепить или опровергнуть эти данные информацией, полученной из документов или научной литературы, выявляя таким образом достоверные сведения.

А. В. Кузнецова-Тимонова успешно проделала именно такую кропотливую работу. Результатом стало первое в Беларуси и одно из первых в целом исследование истории гражданской войны в Анголе, роли в этой войне Советского Союза, места, которое события вооруженного конфликта в далекой африканской стране заняли в истории нашей республики.

Автором изучено максимальное количество опубликованных источников, обработано более двух десятков воспоминаний участников войны в Анголе, проведен анализ основных этапов и ключевых моментов вооруженного конфликта. Самостоятельно составлена классификация должностей советских военнослужащих, которые они занимали в вооруженных силах Народной Республики Ангола, подробно очерчен круг обязанностей и определена специфика их исполнения. Эта книга позволяет перечеркнуть тот мифический «знак равенства», который порой пытаются поставить между советскими военнослужащими, исполнявшими интернациональный долг в разных точках планеты, и наемниками, сделавшими войну своей профессией.

Опубликованные в монографии в разделе «Человек на войне» воспоминания непосредственных участников событий являются, кроме источника сведений о стране и войне, великолепным иллюстративным материалом, позволяющим прочувствовать эмоции, которые испытывают в экстремальной ситуации люди разного возраста и эмоционального склада,

увидеть особенности «психологии комбатанта». Все эти воспоминания собраны и обработаны лично автором книги. А. В. Кузнецова-Тимонова самостоятельно составляла опросные листы, исходя из анализа хода событий гражданской войны в Анголе, грамотно проводила интервью, чтобы раскрыть максимальное количество не известных доселе фактов и получить ответы на все основные вопросы. Лишь несколько писем были написаны ветеранами самостоятельно и довольно кратко, а связаться с ними для личной беседы оказалось проблематично. Однако работа продолжается, и эти пробелы обязательно будут восполнены.

Воспоминания подобраны таким образом, чтобы отразить личные впечатления о ходе и особенностях войны и воинской службы представителей большей части категорий участников событий: советников, военных специалистов, переводчиков, матросов и офицеров ВМФ. Хронологический порядок расположения воспоминаний поможет читателю проследить развитие событий, особенности положения советских военнослужащих в Анголе на разных этапах войны и в разных регионах страны.

Интервью подполковника запаса Вооруженных Сил Российской Федерации И. А. Ждаркина, относящееся к концу 1990-х годов, стоит среди воспоминаний ветеранов особняком и воспринимается как своеобразный постскриптум. Независимая Республика Беларусь не принимала участия в войне в Анголе (которая затянулась до 2002 года) ни в какой форме. Однако немало белорусов осталось после развала Советского Союза служить в Российской Армии и, как и И. А. Ждаркин, могли быть направлены в Анголу в составе российского контингента «голубых касок», то есть миротворческих сил ООН. Их судьбы – это тоже история нашей страны.

Книга А. В. Кузнецовой-Тимоновой «Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе. 1975-1992» обязательно займет достойное место в историографии локальных войн и вооруженных конфликтов второй половины XX века.

Доктор исторических наук, профессор Алексей Михайлович Литвин

Введение

Тема участия советских военнослужащих в боевых действиях на территории государств, которым Советский Союз на протяжении своего существования оказывал экономическую и военную помощь, весьма интересна и актуальна. С одной стороны, она до сих пор довольно слабо изучена, поскольку стала объектом профессиональных научных исследований только в последние два десятилетия. С другой – эта проблема, наверное, как никакое иное направление отечественной истории XX века, обросла легендами, слухами и домыслами. И, соответственно, рядовые читатели и зрители либо вообще не имеют о тех событиях никакого представления, либо их представление базируется на сюжетах американских боевиков или строчках песни из репертуара группы «Чиж и С^о», текст которой написан от имени американского летчика и иллюстрирует войну во Вьетнаме²:

«Кто же тот пилот, что меня сбил?» –
Одного вьетнамца я спросил.
Отвечал мне тот раскосый,
Что командовал допросом:
«Сбил тебя наш летчик Ли Си Цын!»

Это вы, вьетнамцы, врёте зря!
В шлемофоне четко слышал я:
«Коля, жми, а я накрою!
Ваня, бей, а я прикрою!»
Русский ас Иван подбил меня!

Доля правды в этой песне, конечно, есть, и немалая. Только как же все происходило на самом деле? В каких именно странах, лидеры которых решались взять курс на построение социализма, оказывались советские офицеры и солдаты? С кем они там воевали и воевали ли вообще? Каким образом осуществлялось направление наших соотечественников в эти страны? В каком качестве они там находились – в качестве советских военнослужащих, исполнявших интернациональный долг, или наемников, проливавших свою кровь за повышенные денежные оклады? Что дала советская помощь собственно этим «странам третьего мира» и их населению? В каком качестве в данном случае выступал Советский Союз – защитника угнетенных народов или такого же империалиста, как и его геополитические соперники, только под другим флагом и лозунгами?

И именно для того, чтобы не позволить никому в погоне за дешевыми сенсациями зачеркнуть или перевернуть одну из значимых страниц истории боевой славы нашей страны, нашего оружия, нашей армии – русской, советской, белорусской – на все эти вопросы нужно стараться отвечать правдиво и объективно. Поскольку где бы ни приходилось нашим военнослужащим представлять и защищать интересы своей Родины, они делали это с честью и достоинством. К сожалению, на Родине об этом не всегда вспоминали вовремя. И одна из задач историков – исправлять такие ошибки, насколько это в их силах.

Книга, которую вы держите в руках, представляет подробное исследование (в том числе изнутри, глазами непосредственных участников) событий, происходивших во второй половине 1970-х – конце 1990-х годов в одной из крупнейших, богатейших и в то же время несчастнейших стран юга Африки – в Анголе. Крупнейшей – поскольку ее площадь состав-

² Автор слов и музыки не известен, чаще всего в примечаниях указывают, что слова и музыка народные. – *Прим. А. К.-Т.*

ляет более 1246 тыс. км². Богатейшей – потому что в ее недрах скрыта едва ли не вся таблица Менделеева, от нефти и урана до цветных металлов и алмазов, а субтропический климат благоприятен для развития сельского хозяйства и сбора урожая дважды в год. И несчастнейшей – поскольку на ее территории в течение без малого сорока лет шла война, лилась кровь и гибли люди.

4 февраля 1961 года в Анголе началась война за независимость от Португалии, которая продолжалась до весны 1975-го. Практически сразу же она переросла в войну гражданскую, поскольку силы, которые сражались с войсками метрополии, имели отличные друг от друга состав (в том числе этнический) и взгляд на будущее своей страны. Гражданская война приостановилась было в 1992 году; в стране даже состоялись демократические выборы. Вот только с ними не согласилась проигравшая сторона, и конфликт вспыхнул с новой силой. Окончательно боевые действия прекратились лишь в 2002 году. Таким образом, только в последние пятнадцать лет в Анголе установился относительно прочный мир.

На протяжении почти 17 лет – с ноября 1975 по 1992 год – в Анголу для помощи правительственным войскам в том или ином качестве направлялись советские военнослужащие. Среди них было довольно много белорусов по национальности, уроженцев БССР и тех, кого воинская служба привела в Краснознаменный Белорусский военный округ и кто после окончания службы остался здесь жить – то есть в настоящее время являются гражданами Республики Беларусь. Некоторых из них, к сожалению, уже нет в живых. Однако многие до сих пор остаются в строю и охотно делятся своими воспоминаниями и опытом с новыми поколениями. Ветераны той войны готовы рассказать, при каких обстоятельствах они были командированы в Анголу, чем им приходилось там заниматься, какой след в их дальнейшей жизни, в их душе оставили эта южная страна и эта война.

Категории воинов-интернационалистов в Анголе, или Кого именно «там быть не могло...»³

Необходимо сразу подчеркнуть, что РЕГУЛЯРНЫЕ СОВЕТСКИЕ ВОИНСКИЕ ЧАСТИ В АНГОЛУ (в отличие от Афганистана) В КАЧЕСТВЕ ВОЮЮЩИХ ЕДИНИЦ НЕ ПОСЫЛАЛИСЬ НИКОГДА. Однако мы можем обозначить следующие группы должностей, которые занимали советские военнослужащие в Анголе:

*военные советники,
военные специалисты,
военные переводчики,
прочие (в их числе – экипажи военных самолетов и боевых кораблей, солдаты срочной службы).*

Рассмотрим подробнее особенности каждой должности и круг обязанностей, которые советские военнослужащие должны были выполнять в рамках оказания военной помощи ангольскому правительству.

Военные советники при командирах различных уровней (командир батальона, командир бригады, командующий военным округом, начальник штаба, различные сотрудники Генерального Штаба ВС Анголы, и т. д.). Как правило, *советники* находились в звании подполковника и выше, реже – майора. Всем советническим аппаратом руководил главный военный советник (далее ГВС. – прим. А. К.-Т.), штатная категория – генерал-лейтенант. В разные годы эту должность занимали два представителя Беларуси: в марте 1976-1977 годов – минчанин генерал-лейтенант **Илья Филиппович Пономаренко**, в 1977-1980 годах – уроженец деревни Серяги Слуцкого района, участник Великой Отечественной войны генерал-лейтенант **Василий Васильевич Шахнович**. О последнем стоит заметить, что для многих подчиненных он остался образцом ГВС в отношении профессионализма, боевых и личностных качеств. В. В. Шахнович запомнился и родным и сослуживцам прежде всего как военной-интеллектуал, умело проводивший полученные знания в жизнь, умевший принимать правильные решения в каждой конкретной ситуации, и в характере которого решительность и твердость сочетались с благородством и человечностью⁴.

Вот что вспоминает военный переводчик, полковник в отставке С. А. Коломнин: *«Из всех ГВС в Анголе (а мне за две командировки в эту страну удалось видеть в работе четырех «главных»: генералов И. Пономаренко, В. Шахновича, Г. Петровского и К. Курочкина), на мой взгляд, именно Василий Васильевич в наибольшей степени соответствовал непростой, требовавшей не только высоких командных и профессиональных качеств, но и выдающихся дипломатических способностей и знаний местных реалий должности Главного военного советника.*

У него был богатый опыт общения с иностранными офицерами и генералами. В мае 1969 года он был направлен в Сомали в качестве Главного военного советника – советника командующего Сомалийской национальной армией Сиада Барре. И сумел после государственного переворота в октябре 1969 года и провозглашения Сиада Барре президентом Демократической Республики в Сомали продолжать выполнять обязанности Главного

³ «Нас там быть не могло...» – название песни, написанной военным переводчиком Александром Поливиним, служившим в Анголе в конце 1980-х годов. Эта песня стала неофициальным гимном движения ветеранов Анголы. – Прим. А. К.-Т.

⁴ *Богдашич, С.* Жизнь под грифом «секретно» / С. Богдашич, В. Тишкевич // «Инфа-Кур'ер»: Слуцк – Солигорск – Старые Дороги – Копыль – Любань. – 05.05.2010. – Режим доступа: <http://kurjer.info/2010/05/05/zhizn-pod-grifom-sekretno-general-vasilij-shaxnovich-byt-bol-she-izvesten-v-afrike-chem-na-svoej-rodine-sluchchine/> – Дата доступа: 18.10.2010.

военного советника в стране до августа 1971 года. Шахнович находился в близких, дружеских отношениях с Сиадом Барре, за выдающийся вклад в дело создания и укрепления сомалийской армии он был удостоен звания Героя Сомалийской Республики.

Генерал Шахнович запомнился мне, тогда молодому лейтенанту, своим спокойствием и рассудительностью. На ежедневных утренних совещаниях в советской военной миссии в Луанде он никогда не суеился, ни на кого не повышал голоса. Вместе с тем решения принимал быстро, приказы и указания советникам отдавал негромко, но властным, не терпящим возражений тоном – все они быстро и четко выполнялись.

А вот с подсоветной ангольской стороной генерал Шахнович вел себя совершенно по-другому, очень дипломатично. Тактично и внимательно выслушивал любого, будь то министр обороны, начальник генштаба или простой лейтенант, избегал резких и скоропалительных публичных суждений при них, даже если было видно, что офицер не справляется с поставленной задачей. Чувствовался его огромный опыт работы с иностранными офицерами. В. В. Шахнович, несмотря на свое высокое звание и боевой опыт, был из тех, кто прекрасно различал грань между взаимоотношениями со своими прямыми подчиненными и общением пусть и с младшими по званию и неопытными ангольскими офицерами. Вместе с тем после принятия решения и выдачи каких-либо рекомендаций министру обороны или начальнику Генерального штаба он настойчиво добивался их выполнения.

Именно при генерал-лейтенанте В. В. Шахновиче была заложена основа регулярных вооруженных сил Народной Республики Ангола – ФАЛЛА, сформировались в основном их оргштатная структура и вооружение. Созданы полноценный Генеральный штаб, военные округа и штабы округов, сформированы пехотные и механизированные бригады ФАЛЛА, окончательно оформились виды Вооруженных сил: Сухопутные войска, ВВС/ПВО, Народный Военно-Морской флот Анголы. Для борьбы с вооруженной оппозицией к концу 1978 года в составе ФАЛЛА были сформированы легкие пехотные бригады (ЛПБр), советнические функции в которых выполняли кубинские военнослужащие»⁵.

Военные специалисты по обеспечению работы советской боевой техники (танков, бронетранспортеров, боевых машин пехоты, ракетных установок, зенитно-ракетных комплексов различных модификаций, самолетов, вертолетов и др.), специалистов по призыву и комплектованию войск, боевому составу и численности вооруженных сил, и т. д. Среди специалистов были офицеры (как правило, от старших лейтенантов и выше) и младшие командиры (прапорщики, старшие прапорщики). Статус специалиста отличался от статуса советника: специалисты обязаны были обучать личный состав правительственных войск Анголы, а в случае необходимости самостоятельно обслуживать технику и проводить регламентные работы. Предполагалось, что определение необходимого количества специалистов производит принимающая сторона, равно как и она же осуществляет оплату труда. Однако в случае командирования в Анголу работа специалистов, как и советников, фактически оплачивалась из кармана Министерства обороны СССР.

Экипажи военных самолетов, в составе которых были не только военные, но и гражданские пилоты. Поскольку подготовка ангольских летчиков шла медленнее, чем хотелось бы, долгое время воздушное сообщение между городами и военными округами осуществляли кубинские и советские летчики. Доставка советской боевой техники производилась в том числе и по воздуху, особенно в первый период боевых действий: для этого использовались сверхтяжелые самолеты Ан-22 «Антей», экипажи которых проводили в Луанде в общей сложности по несколько месяцев.

⁵ РОО «Союз ветеранов Анголы»: официальный сайт [Электронный ресурс] / Гостевая книга, запись от 5 сентября 2011 г. – Режим доступа: <http://www.veteranangola.ru/main/guestbook?page=2>. – Дата доступа: 06.09.2011.

Переводчики португальского языка, которые отвечали за успешную коммуникацию советских, ангольских и кубинских военнослужащих и фактически обеспечивали эффективную работу советников и специалистов. Эта группа советских военнослужащих в Анголе была самой востребованной. Ведь без переводчиков практически никто из прочих советников и специалистов просто не смог бы работать с подсоветной стороной по причине языкового барьера: примеры изучения советскими военными советниками и специалистами португальского языка встречались нечасто, а из ангольских офицеров лишь немногие достаточно хорошо говорили по-русски. Переводчики становились кем-то вроде неофициальных дипломатов, и именно они обязаны были сглаживать все мелкие и не очень конфликты, которые могли возникнуть (и возникали неизбежно) между советниками и подсоветными.

Всех переводчиков можно разделить на две большие группы. Первая – это *курсанты* (в основном – выпускники ускоренных курсов португальского языка) Военного института иностранных языков (ВИИЯ⁶). Большинство из них выпускались после ускоренной 10-месячной подготовки (т. н. «ускора») в звании младших лейтенантов и на два года направлялись в командировку в Анголу. Бывали случаи, когда курсанты ехали «на стажировку» после второго курса и возвращались в том же статусе. Многие за время учебы в ВИИЯ направлялись в подобные командировки по 2-3 раза, в Анголу, Мозамбик либо в другие страны (в зависимости от изучаемых языков). В результате срок обучения в институте растягивался у них на 6-7 лет вместо пяти.

Вторую группу переводчиков составляли *выпускники гражданских вузов, по основной специальности переводчики или учителя иностранных языков* (как правило, испанского). Эти молодые специалисты направлялись в командировки в Анголу по линии Министерства обороны СССР в звании лейтенантов на два года. После окончания командировки они (уже в звании старших лейтенантов) имели возможность остаться в армии и продолжить службу в качестве военных переводчиков, в той же Анголе или в других местах. Однако пользовались этой возможностью немногие: большинство предпочитало возвращаться к гражданской жизни. Положение выпускников МГПИИЯ (и многих других гражданских вузов) имело ключевую особенность: *до поездки в Анголу они не изучали португальский язык, не знали его, и вынуждены были овладевать необходимыми для успешной службы знаниями уже на месте*.

Встречались случаи привлечения выпускников МГПИИЯ к работе в качестве бортпереводчиков в составе летных экипажей. Такая работа предполагала владение английским языком, который они, естественно, изучали. Однако бортперевод в педагогическом институте не преподавался, и учиться этому сложному делу также приходилось по ходу службы – фактически прямо в полете.

Представители военно-морского флота. К этой группе мы относим экипажи военных кораблей, которые несли боевую вахту по берегам Анголы и доставляли военные грузы; группы советских морских пехотинцев, обеспечивавших охрану отдельных зданий, миссий, также несших боевую вахту на кораблях и пребывавших в состоянии боевой готовности на случай обострения ситуации в Анголе; специалистов материально-технического обеспечения и ответственных за качество работы спутниковой связи между городами и округами.

Солдаты срочной службы направлялись в Анголу (в довольно редких случаях) в качестве радистов, водителей автомобилей, БТРов, БРДМов.

⁶ Позже переименован в Военный Краснознаменный институт Министерства обороны (ВКИМО), в настоящее время – Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (ВУМО РФ). – Прим. А. К.-Т.

Возвращение забытой войны. Источники и историография

Что касается популяризации подвигов наших воинов-интернационалистов, то, к сожалению, богатейшие событиями, самые что ни на есть «острые» сюжеты пока не нашли своего отражения ни в литературе, ни в кинематографе. И слово «подвиг» мы употребляем здесь совсем не для гиперболы. Просто не каждый гражданский человек понимает, что в условиях боевых действий подвигом может являться повседневная работа, сделанная, несмотря ни на что, качественно и в срок, даже если вокруг рвутся снаряды, летят пули и падают бомбы.

Пожалуй, из всей когорты людей, многие из которых вписали без преувеличения достойные, героические, а порой и трагические, но от этого не менее почетные страницы в нашу историю, всерьез прославлены в произведениях искусства только «испанцы» (те, кто воевал в Испании на стороне республиканцев против Франко в 1936-1939 годах⁷), и «афганцы»⁸.

Что касается событий в Анголе, то, наверное, самыми яркими произведениями, хотя бы косвенно освещающими события многолетнего вооруженного конфликта, можно назвать роман Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить...», по которому снят не менее замечательный многосерийный фильм (хоть там фигурирует вымышленная страна Нагония, параллели провести нетрудно), и повесть Александра Проханова «Африканист». Впрочем, и в этих книгах речь ведется о противостоянии советской и иностранных (американской, южноафриканской) разведок. Об участии наших военнослужащих в боевых действиях на территории Анголы не сказано ничего.

Получается, правдивых историй пока нет. Зато мифология присутствует, особенно в американском кинематографе. Например, американский фильм «Красный Скорпион» (Red Scorpion) повествует о том, как капитан советского спецназа Иван Раченко (актер Дольф Лундгрэн), получив задание внедриться в ряды оппозиции в африканской стране и убить ее главаря, проникается к этому главарю симпатией и, поняв, что русские устраивают террор против мирного населения, уничтожает советскую военную базу. Убивая своего генерала, он провозглашает: «I am Spetsnaz!»⁹ В американском же полуфантастическом боевике «Хищник» (Predator) действие тоже происходит в Африке. Герой Арнольда Шварценеггера – командир группы специального назначения ЦРУ, успевшей повоевать на всем земном шаре, – обзревает с горы военную базу, откуда слышится испанская (т. е. кубинская) речь и где белый, приговаривая на плохом русском «Я убью тьбя», пытается бойца другой американской спецгруппы.

Ввиду засекреченности большей части документов, основным источником сведений остаются воспоминания непосредственных участников событий, их личные дневниковые записи, письма, возможно, полевые заметки, которые велись в процессе выполнения интернационального долга. Некоторые из них опубликованы в виде книг или вывешены на Интернет-площадках. Дополнив почерпнутые оттуда сведения информацией, взятой из уже опубликованных научно-популярных или публицистических работ историков, политологов и

⁷ Особенно примечательны роман Э. Хэмингуэя «По ком звонит колокол», роман в стихах Е. Долматовского «Добровольцы», повесть Б. Васильева «Офицеры». Конкретно о белорусах и уроженцах Беларуси, принимавших участие в войне в Испании, написана монография И. Ю. Воронковой «Беларусь и война в Испании (1936-1939 гг.)» (Минск: Беларуская навука, 2009).

⁸ Уместно назвать произведения А. Проханова, песни ансамбля «Голубые береты», многочисленные кинофильмы и телесериалы (например, «Афганский излом», «Охотники за караванами»), а также мемуары самих ветеранов Афганистана.

⁹ «Я спецназ!» (англ.). – Прим. А. К.-Т.

журналистов, мы попытаемся представить цельную картину событий гражданской войны в Анголе и место в ней наших соотечественников – граждан и уроженцев Беларуси.

Хронологически все книги и иные публикации, так или иначе затрагивающие проблему гражданской войны в Анголе, можно поделить на две большие группы. Первая: книги и статьи в периодических изданиях, написанные и опубликованные в годы, когда военный конфликт был в разгаре. Вторая: произведения, вышедшие из печати уже после окончательного завершения боевых действий и установления мира. Поскольку война в Анголе (не считая периода борьбы республики за независимость) продолжалась 27 лет и завершилась официально только в 2002 году, большую часть публикаций можно отнести к первой группе.

Однако более уместной и грамотной с научной точки зрения мы считаем не хронологическую, а тематическую и методологическую классификацию историографии и источников информации по истории гражданской войны в Анголе и участия в ней наших соотечественников. Причем важно обозначить сразу: публикации, посвященные советским ветеранам Анголы, уже появились, однако исследований о представителях Беларуси среди них нет. Данная книга – первое исследование подобного рода.

Итак, тематически мы можем обозначить следующие группы публикаций.

1. Работы, посвященные проблеме борьбы Анголы за независимость от метрополии – Португалии (1961-1975 гг.), а также месту всего сорокалетнего военного конфликта в Анголе на геополитической «шахматной доске» второй половины XX века. Для нас они представляют определенный интерес, поскольку позволяют проследить генезис военного конфликта и перерастания освободительной войны в гражданскую и оценить важность локальной войны в одной африканской стране в глобальных масштабах мировой истории и политики.

В этой группе отмечаем монографии российских историков-африканистов А. А. Токарева «ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе¹⁰» и В. Г. Шубина «Горячая „холодная“ война»¹¹.

В книге А. А. Токарева подробно исследуется история одного из направлений национально-освободительного движения – ФНЛА. Внимание уделяется и предпосылкам его возникновения, и роли разведслужб США в формировании этой партии и лично в судьбе ее лидера Жозе Жилмора, выступавшего на политической арене под псевдонимом Холден Роберто. А. А. Токарев – автор единственной на сегодняшний день в мире работы по истории и роли ФНЛА в событиях военного противостояния в Анголе. Весьма подробно и грамотно он освещает обстоятельства, которые отличали ФНЛА от прочих национально-освободительных движений (МПЛА, УНИТА) в Анголе; выделяет ключевые пункты, по которым эти движения (или политические партии) не могли достичь соглашения между собой и без изменения взгляда на которые неизбежно должны были начать враждовать между собой – что, в итоге, и произошло. Вниманию читателей представляется четкая и обстоятельная характеристика основных этапов борьбы Анголы за независимость, степени и силы авторитета ФНЛА, МПЛА и УНИТА в глазах местного населения, и главное – подробное описание событий непосредственного перехода войны за независимость в кровопролитную гражданскую войну. А. А. Токарев акцентирует внимание на ключевой роли ФНЛА и личной ответственности Роберто в развязывании вооруженных столкновений накануне провозглашения Анголой независимости, прохождении «точки невозврата» в эскалации гражданской войны.

¹⁰ Токарев, А. А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе / А. А. Токарев. – М.: Ин-т Африки РАН, 2006. – 184 с.

¹¹ Shubin, V. The Hot „Cold War“. The USSR in South Africa / V. Shubin. – London, Pluto Press, 2008; Scottsville: KwaZulu-Natal Press, 2008. – 320 p. Позже переиздана на русском языке: Шубин, В. Г. Горячая «холодная» война: Юг Африки (1960-1990 гг.) / В. Г. Шубин. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 368 с.

Также автор настаивает на важности влияния на политику Роберто и ФНЛА его прямых спонсоров (ментальных и материальных) – разведслужб США и соседнего Заира. Подчеркивается тот факт, что Роберто был официально завербован ЦРУ еще в конце 1950-х годов и во многом выполнял прямые указания своих кураторов из этого ведомства.

В. Г. Шубин в книге «Горячая „холодная“ война» уделяет внимание более широкому кругу вопросов российского / советского / снова российского присутствия в южной части Африканского континента. Упоминаются эпизоды участия почти двух сотен российских добровольцев в англо-бурской войне 1899-1902 годов, и автор недвусмысленно определяет эмоциональные и геополитические причины этого участия: «Объективной причиной была человеческая симпатия к «пострадавшей стороне», к «слабым», типичная для русского менталитета. И все-таки, возникновение «любви к бурам» было также, несомненно, подсказано сильной антипатией к Великобритании. Ведь война в Южной Африке началась, когда российско-британское соперничество, особенно в Центральной Азии, превратило их отношения в довольно далекие от дружелюбных»¹².

В работе В. Г. Шубина проводится анализ влияния СССР на становление и развитие национально-освободительных движений в разных странах Юга Африки – в частности в Анголе, Мозамбике и Намибии. Соответственно, вооруженным конфликтам в каждой из этих стран посвящена отдельная глава. Это одна из первых книг, в которой подробно описывается роль советского советнического и дипломатического аппарата в достижении Анголой независимости от лица именно МПЛА. Это касается финансовой помощи, предоставления возможности обучения кадров в советских вузах, снабжения оружием, боеприпасами, средствами коммуникации. Собственно войне в Анголе посвящена отдельная 100-страничная глава, в которой В. Г. Шубин детально и профессионально освещает начало и общий ход войны за независимость 1961–1975 годов; события португальской революции и подготовки к получению Анголой независимости (останавливаясь на роли в этих событиях влиятельных государств – США, СССР, Кубы, ЮАР); начало собственно гражданской войны в 1975 году, получение МПЛА советской военной помощи и появление в Луанде первой группы советских военных советников и специалистов; основные боестолкновения (уделяя особое внимание сражению под Куито-Куанавале в 1987-1988 годах). Отдельная подглава «Генерал Константин» посвящена работе советского советнического аппарата и лично одному из выдающихся его руководителей – генерал-лейтенанту К. И. Курочкину.

В. Г. Шубин отмечает довольно интересный момент: «осведомленность» разведки ЮАР о том, что «советскими войсками в Анголе командует генерал Константин Шаганович – эксперт по химической войне, а его заместителем является Михаил Петров»¹³. Этот ошибочный тезис кочует из одной западной публикации в другую до сих пор, и никто не озадачивается установлением истины, хоть это и не составляет особого труда. Довольно символично, что в имени вымышленного «Константина Шагановича» соединились элементы имен двух действительно ярких, неординарных генералов, занимавших в разные годы должность главного военного советника в Анголе – К. И. Курочкина и В. В. Шахновича.

Уделяет внимание военному конфликту в Анголе – причем как войне как таковой, так и геополитическому аспекту, и международному резонансу крупных бое столкновений на ангольской земле в 1970-1980-е годы – крупнейший британский политолог, историк, геополитик и профессиональный разведчик Питер Кальвокоресси. Во втором томе фундаментального исследования «Мировая политика после 1945 года»¹⁴ (хронологически автор про-

¹² *Shubin, V. The Hot „Cold War“.* – P. 1.

¹³ *Shubin, V. The Hot „Cold War“.*

¹⁴ *Кальвокоресси, П. Мировая политика после 1945 года: В 2 кн. Кн. 2 / П. Кальвокоресси; пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2000. – 464 с.*

слеживает мировую историю до 1993 года) выделена глава о событиях, происходивших в 1960-1990-е годы в Анголе и Мозамбике. Кальвокоресси подчеркивает разобщенность национально-освободительного движения в Анголе, несовместимость конечных политических целей и методов. Он же определяет наличие собственных интересов на юге Африки и у США, и у СССР и Кубы, и, в особенности, у ЮАР – и, соответственно, неизбежность участия этих стран в военном конфликте в том или ином качестве. Еще П. Кальвокоресси прямо указывает, что первой и единственной страной, оказавшей МПЛА и Аугуштиньо Нето именно военную помощь – то есть направившей в Анголу свои регулярные войска, – была Куба, по личной инициативе Фиделя Кастро.

Кальвокоресси также освещает основные боестолкновения, происходившие на территории Анголы в 1975-1992 годах и непосредственное участие в них представителей других государств. Он подчеркивает, что Вашингтон и Претория оказывали оппозиции в лице УНИТА (и именно с подачи спецслужб США ФНЛА постепенно лишилась своего влияния и сошла с политической арены) финансовую и военную помощь, а подразделения регулярной армии ЮАР, и в особенности – авиация ЮАР, принимали непосредственное участие в боевых действиях на стороне УНИТА. И, соответственно, именно участие в войне армии ЮАР мешало договориться с правительством президента Анголы Ж. Э. душ Сантуша о выводе из страны кубинского воинского контингента.

Упоминает П. Кальвокоресси и одно из крупнейших сражений ангольской гражданской войны – в районе города Куито-Куанавале – имевшее широкий международный резонанс. Поскольку итог этого сражения обозначил фактическое военное поражение армии ЮАР и совместную победу ангольской армии и кубинских подразделений. Результатом стали подписание мирных Биссекских соглашений в 1991 году вывод всех иностранных войск и военных специалистов из Анголы и подготовка к проведению в стране демократических выборов. Как известно, мира тогда это в страну не принесло. Кальвокоресси подчеркивает, что именно лидер УНИТА Жонас Савимби, не признав безоговорочную победу на выборах своего соперника душ Сантуша, возобновил военные столкновения с правительственными войсками¹⁵.

Одним из ценнейших источников по теме являются мемуары кадрового – как он сам себя назвал, «полевого» – офицера ЦРУ Джона Стокуэлла. Он служил в этой организации в 1964-1976 годах и по выходе в отставку опубликовал свою книгу «В поисках врага»¹⁶, послужившую причиной крупного скандала и одним из поводов ухода в отставку тогдашнего директора ЦРУ. Позднее в США вышли еще несколько его книг, ряд статей и очерков аналогичной тематики, вызвавших, соответственно, еще несколько громких скандалов в политических верхах США.

Дж. Стокуэлл, будучи ведущим сотрудником Африканского отдела ЦРУ и одним из руководителей секретной программы ЦРУ по Анголе, был очень хорошо осведомлен и о политических и экономических интересах ведущих американских ТНК на юге Африки, и о тайных взаимоотношениях американской разведки со спецслужбами ЮАР, и о прочих «закулисных» действиях ЦРУ, направленных на эскалацию военного конфликта в Анголе и фактическое втягивание ее в гражданскую войну. Эти факты он подробно изложил в своей книге, подчеркнув, что многие шаги были предприняты спецслужбами втайне от американского правительства, а средства на их осуществление получены обманным путем. Стокуэлл настаивает и на том, что едва ли не главным инициатором американского вмешательства в Анголе был Генри Киссинджер (на тот момент – госсекретарь США), искренне считавший необхо-

¹⁵ Кальвокоресси, П. Мировая политика после 1945 года. Кн. 2. – С. 274.

¹⁶ Stockwell, J. In Search of Enemies / J. Stockwell // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.thirdworldtraveler.com/Stockwell/In_Search_Enemies.html. – Дата доступа: 01.08.2011.

димым не допустить Советы в Африку без боя и попросту искавший после болезненного военного и политического поражения США во Вьетнаме новой возможности «бросить Советам вызов¹⁷». Ведет он речь и о значительной финансовой помощи, которую представители США оказывали сначала ФНЛА и лично Холдену Роберто (ему фактически выплачивался оклад содержания), а позднее – УНИТА.

Стоит упомянуть в этом разделе книгу английских публицистов «Грязная работа ЦРУ в Африке»¹⁸, переведенную на русский язык и изданную в Москве в 1983 году. Авторы Э. Рей, У. Шаап, К. Метер, Л. Вульф и Ш. Макбрайд дают беглый, однако точный анализ деятельности в Анголе и сопредельных странах юга Африки разведслужб США, Португалии, ЮАР и частично Франции. Акценты ставятся на подготовку в Анголе вооруженного переворота, активной вербовки наемников для участия в боевых действиях на стороне ФНЛА и УНИТА, помощи Южно-Африканской Республике в наращивании военного потенциала, что противоречило резолюции ООН в отношении этой страны. Отмечены случаи фальсификации событий начального периода гражданской войны в западных СМИ: придуманный захват группы советских советников бойцами УНИТА в г. Маланже в октябре 1975 года (опровергнуто официальным заявлением ТАСС), недостойное поведение кубинских военнослужащих (опровергнуто корреспондентом «Вашингтон Пост» К. Мэрфи) и т. д. Приводятся факты, подтверждающие сотрудничество Ж. Савимби с португальской разведслужбой ПИДЕ (причем еще с 1972 года), которое он на протяжении всей жизни отрицал¹⁹.

Авторы определяют информационное противостояние союзников МПЛА и его противников как «пропагандистскую войну» и подчеркивают, что повод – стремление советской стороны создать страны-сателлиты в Центральной Африке и на Юге континента – был целиком и полностью надуманный, что было позднее признано лично одним из самых ярых противников СССР – Алленом Даллесом²⁰.

2. Книги и статьи, в которых исследуются события уже гражданской войны в Анголе, с 1975 до конца 1980-х годов. В этой группе уместно обозначить несколько подгрупп – книг и иных публикаций, посвященных исследованиям более узких проблем, напрямую касающихся обстоятельств службы в Анголе советских военных советников, специалистов, переводчиков и прочих военнослужащих.

2.1. Исследование крупных сражений и в целом особенностей ведения боевых действий противоборствующими сторонами в разные годы войны. В ряду публикаций по этой тематике центральное место занимает изданная в 2014 году книга С. А. Коломнина «Русский след под Кифангондо. Неизвестные страницы истории Черной Африки»²¹.

Будучи профессиональным журналистом, а также военным переводчиком, прослужившим в Анголе в период гражданской войны не один год, С. А. Коломнин является автором огромного количества статей и заметок, в которых отражены самые различные аспекты истории войны в Анголе и, в частности, судьбы советских военнослужащих – ее участников. Многие из них использованы при подготовке нашей монографии и будут названы ниже. «Русский след под Кифангондо» – одна из крупнейших его работ, результат многолетнего труда, сбора информации из самых разных источников. В совершенстве владея португальским и английским языками, С. А. Коломнин проработал большое количество литературы,

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Грязная работа ЦРУ в Африке: Сборник материалов / сост. Э. Рей, У. Шаап, К. Метер, Л. Вульф; пер. с англ. В. В. Борисова. – М.: Воениздат, 1983. – 349 с.

¹⁹ Там же. – С. 275–277.

²⁰ Там же. – С. 256.

²¹ Коломнин, С. А. Русский след под Кифангондо. Неизвестные страницы истории Чёрной Африки / С. А. Коломнин. – М.: Этника (ИП Трошков А. В.), 2014. – 128 с. [вклейки].

официальных документов, газетных и Интернет-публикаций. Итогом стало детальное восстановление событий конца 1975 – начала 1976 года в Анголе, обстоятельств начала серьезных боестолкновений между боевыми подразделениями МИЛА, с одной стороны, и ФИЛА и УНИТА – с другой, и крупнейшего сражения начального периода гражданской войны – битвы в районе поселка Кифангондо 23 октября – 10 ноября 1975 года, победа в которой дала возможность МИЛА сохранить контроль над Луандой, провозгласить независимость страны от своего имени и заручиться международной поддержкой в лице ООН.

В своей книге С. А. Коломнин затрагивает позиции лидеров всех трех крупных политических движений Анголы (Нето, Роберто, Савимби), изучает обстоятельства оказания им помощи (военной и финансовой) иностранными государствами. Среди ключевых особенностей битвы под Кифангондо он выделяет следующие. Во-первых, это была совместная победа вооруженных отрядов МИЛА (тогда еще даже не армии в полном смысле слова) и кубинских интернационалистов, одержанная как над оппозиционными МИЛА формированиями (ФИЛА), так и над иностранными интервентами (подразделениями регулярных войск Заира) и отрядами профессиональных наемников. Во-вторых, главную роль в достижении этой победы сыграло применение кубинскими военными самого современного на тот момент оружия – советской реактивной системы залпового огня БМ-21 «Град» (впервые в истории Черной Африки).

2.2. Участие регулярной армии ЮАР в гражданской войне в Анголе на стороне УНИТА. Отдельного внимания заслуживают обстоятельства боевых столкновений подразделений армии ЮАР с бригадами ФАЛЛА, в которых находились советские советники, а также обстоятельства обстрелов самолетов с советскими экипажами на борту отрядами ПВО ЮАР. Эта тема частично раскрывается в книге П. Хлебникова «Необъявленные войны США»²². Опубликованная в 1984 году, она освещает события войны в Анголе только до середины 1983-го. П. Хлебников настаивает на ответственности США в поддержании и продолжении вооруженного конфликта в Анголе и Мозамбике, подчеркивает, что полное перевооружение армии ЮАР было проведено фактически за счет дотаций США – причем выделенных стране победившего апартеида в обход резолюции ООН. Автор описывает неоднократные интервенции на территорию Анголы подразделений армии ЮАР (с юга) и Заира (с севера) в 1975-1983 годах. Он акцентирует внимание на крупнейших военных операциях «Протеа» (началась 23 августа 1981 года), в которой участвовал воинский контингент численностью 11 тыс. человек при поддержке авиации и танков, а также «Лотос-83». Подчеркивает П. Хлебников и тот факт, что военная помощь ЮАР со стороны США увеличилась с приходом в Белый дом президента Р. Рейгана, назвавшего ЮАР «союзником США во всех войнах, которые они вели»²³, а африканскую проблему – «русским оружием, нацеленным на нас»²⁴. В то же время П. Хлебников настаивает на самостоятельности МПЛА в войне – что тоже не является объективным.

Большой интерес для исследователя представляет книга М. П. Вышинского «Юг Африки. Документы обвиняют»²⁵, изданная в 1983 году. Примечательно данное автором определение «прифронтовых» государств, к которым, кроме Анголы, отнесены Мозамбик, Зимбабве, Замбия, Танзания, Ботсвана: «Независимые государства юга Африки, подвергающиеся шантажу, угрозам и прямому вооруженному насилию»²⁶. Подсчитываются военные

²² Хлебников, П. Необъявленные войны США / П. Хлебников. – М.: Мысль, 1984. – 271 с. – (Империализм: хроника преступлений).

²³ Хлебников, П. Необъявленные войны США. – С. 153.

²⁴ Горбунов, Ю. Милитаризация ЮАР / Ю. Горбунов // Азия и Африка сегодня. – 1981. – № 3. – С. 27–28.

²⁵ Вышинский, М. П. Юг Африки: документы обвиняют / М. П. Вышинский. – М.: Юридическая литература, 1983. – 152 с.

²⁶ Вышинский, М. П. Юг Африки: документы обвиняют. – С. 36.

расходы ЮАР, общее число прямых военных интервенций на территорию Анголы и мелких вооруженных провокаций против ФАГОТА и гражданского населения в течение 1976-1980 и 1981-1983 годов. Приведены многочисленные доказательства военной агрессии ЮАР в Анголе – не столько в качестве поддержки формирований УНИТА, сколько в качестве полноценной воюющей стороны.

Отдельные публикации ученых-африканистов – И. Ястребовой²⁷, Л. Фитуни²⁸, Ю. Горбунова²⁹, Б. Васильева³⁰ – посвящались общим вопросам милитаризации ЮАР, утратившей после завоевания Анголой и Мозамбиком независимости «санитарный кордон»: наращиванию военного потенциала, созданию и развитию мощнейшего на Африканском континенте ВПК, увеличению срока воинской повинности (в частности, разрешению метисам и мулатам, а позднее и черным африканцам, служить в армии ЮАР), а также проведению многочисленных вооруженных интервенций со стороны ЮАР на территорию Анголы.

2.3. Массовая вербовка в США и странах Европы для службы в рядах оппозиционных движений – ФНЛА и УНИТА – профессиональных наемников, проблемы организации этого движения, оплаты их службы. Эта проблема, приобретшая острую актуальность в наши дни ввиду распространения во многих странах мира деятельности частных военных компаний, частично раскрыта в книге Б. Р. Асоян «Дикие гуси» убивают на рассвете³¹. Автор подробно описывает деятельность в Анголе печально знаменитого батальона армии ЮАР «Буффало», сформированного по приказу и под руководством ЦРУ и южноафриканской службы безопасности БОСС для проведения диверсий против МПЛА и СВАПО на территории Анголы и оккупированной ЮАР Намибии. Этот батальон весьма красноречиво прозвали «Армией убийц». Свое название он получил от города Буффало в северной части Намибии, где располагалась его основная база. А цель создания такого отряда наемников была проста: «уничтожение на юге Анголы гражданских и экономических объектов с целью создания там мертвой зоны»³². Не вызывает сомнений, что большей частью своих военных побед войска УНИТА обязаны были этому диверсионному подразделению.

Особое место среди работ, освещающих эту неприглядную сторону военного конфликта в Анголе, занимает книга кубинского журналиста, политического исследователя Рауля Вальдеса Виво «Ангола: крах мифа о наемниках»³³. Она посвящена публичному судебному процессу над наемниками из разных стран (США, Великобритании, Франции и т. д.), воевавшими на стороне ФНЛА и УНИТА и попавшими в плен правительственных войск в 1976-1977 годах.

Р. Вальдес Виво довольно подробно освещает роль спецслужб США в собственно организации сопротивления ангольскому правительству со стороны ФНЛА и УНИТА. Особое внимание автор уделяет процессу вербовки наемников: публикации объявлений рекламного характера в периодической печати США, Великобритании и Бельгии, предпочтение в вербовке европейцев для северного фронта – то есть для ФНЛА, а американцев – для УНИТА. Упоминает он и то, что предпочтение вербовочной организацией «Афро-американская техническая помощь Анголе» (руководитель – американец, ветеран Вьетнама Лэри Митчелл)

²⁷ Ястребова, И. Крепнет антирасистский фронт / И. Ястребова // Азия и Африка сегодня. – 1975. – № 9. – С. 20.

²⁸ Фитуни, Л. Ангола: пять лет по пути социалистической ориентации // Л. Фитуни. – Азия и Африка сегодня. – 1980. – № 11. – С. 31–33.

²⁹ Горбунов, Ю. Милитаризация ЮАР.

³⁰ Васильев, Б. Грязные дела черного петуха/Б. Васильев//Азия и Африка сегодня. – 1985. – № 2.-С. 44-46.

³¹ Асоян, Б. Р. «Дикие гуси» убивают на рассвете: Тайная война против Африки / Б. Р. Асоян. – М: Политиздат, 1984. – 175 с.

³² Там же. – С. 73.

³³ Виво Вальдес, Рауль. Ангола: крах мифа о наемниках / Рауль Вальдес Виво; перевод и исп. В. Волкова и В. Чиркова. – М: Прогресс, 1977. – 101 с.

отдавалось отставным военным, имеющим боевой опыт (Вьетнам, Корея), причем афроамериканцам. Самыми желательными кандидатами были чернокожие кубинские эмигранты.

2.4. Непосредственная деятельность в Анголе советских военнослужащих, военная помощь СССР ФАЛЛА, взаимодействие с кубинским воинским контингентом. Этот аспект событий гражданской войны в Анголе – как раз наиболее интересный для нас, поскольку наша книга также посвящена ему – стал активно подниматься в научной и научно-популярной литературе с середины 1990-х годов и до сих пор находится в стадии разработки. С тех пор выпущено несколько комплексных исследований участия представителей СССР и России в войнах и военных конфликтах второй половины XX века, в которых войне в Анголе уделяется незаслуженно малое внимание (вплоть до полного упоминания), поскольку основной акцент ставится на более известные широкому кругу читателей события в Афганистане (1979-1989 гг.) и Кубе (1962 г.). Однако постепенно этот пробел восполняется.

Главное место среди публикаций этой тематики занимает книга С. А. Коломнина «Русский спецназ в Африке»³⁴. Она представляет собой сочетание исследования особенностей службы советских военных советников и специалистов в Анголе и собственных впечатлений автора от службы в Анголе в качестве военного переводчика. Работа уникальна по следующим показателям:

1) она первая, в которой освещены обстоятельства направления в Анголу советских офицеров и курсантов ВИИЯ, а также отдельные события самой гражданской войны в той стране;

2) она написана непосредственным участником событий, проводим в воюющей стране не один год, имевшим возможность сравнить положение в Анголе в различные периоды войны, а также положение советских специалистов под командованием разных главных военных советников;

3) при ее написании автор опирался как на личные впечатления, так и на документы, и зарубежные (португало- и англоязычные) публикации.

В то же время она имеет ряд недостатков, основные среди которых: отсутствие четкой структуры, отсутствие завершенности изложения многих событий, обрывочность сведений.

В комплексном коллективном исследовании «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века»³⁵, изданном в 2002 году в Москве, гражданской войне в Анголе посвящен крупный раздел, в котором наряду с подробным описанием вооруженного противостояния МПЛА и ФНЛА и УНИТА частично отражено участие в этих событиях советских военных советников, специалистов, переводчиков и др. Полностью приведены уникальные документальные свидетельства: текст интервью последнего советского главного военного советника В. Н. Беляева, освещающего многие подробности советского присутствия в Анголе в конце 1980-х – начале 1990-х годов; дневник военного переводчика подполковника И. А. Ждаркина (участника одного из самых тяжелых сражений – битвы за Куито-Куанавале 1987-1988 гг.), который велся непосредственно по ходу событий. В. Н. Беляев в своем интервью освещает многие аспекты советской военной помощи ангольскому правительству: перечисляет поставленные виды вооружений, особенности ведения боевых действий, процедуры выведения из Анголы советской военной миссии в 1990-1992 годах, подчеркивает положительную роль советско-ангольского сотрудничества в истории юга Африки.

Кроме того, в книге представлено исследование современных российско-ангольских межгосударственных отношений. В частности, это касается содействия российской стороны

³⁴ Коломнин, С. А. Русский спецназ в Африке / С. А. Коломнин. – М.: Яуза, 2005.

³⁵ Россия (СССР) в войнах второй половины XX века [участие российских (советских) военнослужащих в боевых действиях за пределами Российской Федерации (СССР) после Второй мировой (1946-2002)]. – М.: Триада-фарм, 2002. – 494 с.

работе Контрольной комиссии ООН и пребывания в Анголе российского миротворческого контингента: аэромобильного отряда сухопутных войск и авиационной группы.

Довольно важное место отведено участию представителей СССР в гражданской войне в Анголе исследователями С. Я. Лавреновым и И. М. Поповым в совместном труде «Советский Союз в локальных войнах и конфликтах»³⁶. В посвященной этим событиям главе «Горячие дни в Анголе» авторы особое внимание уделили поставкам вооружения из СССР для нужд МПЛА и еще создававшейся тогда ангольской правительственной армии, в частности – установок БМ-21 и БМ-31, якобы прозванных «сталинскими органами» и сыгравших ключевую роль в победе МПЛА в битве под Кифангондо.

Также авторы акцентируют внимание на сроках прибытия первой группы советских военных специалистов в Луанду (16 ноября 1975 года), отмечают ее немногочисленность – около 90 человек – и постепенное пополнение. Вызывает недоумение, однако, утверждение авторов, что кубинские власти направили в Анголу воинский контингент только после убедительных просьб со стороны Москвы. На самом деле вышло с точностью до наоборот: Москва фактически была вынуждена поддержать кубинскую инициативу.

Освещая развитие ангольско-кубинско-советского сотрудничества, С. Лавренов и И. Попов уделяют внимание комплектованию кубинского воинского контингента. Отмечают они и факт масштабной военной и финансовой помощи УНИТА и ФНЛА, которую оказывали США, Заир, Китай (последний – вплоть до отправки военных советников в отряды ФНЛА).

Научная и научно-популярная литература не содержит достоверных данных ни о количестве советских (и тем более белорусских) военнослужащих, проходивших службу в Анголе в разные периоды гражданской войны, ни о числе погибших. Например, в справочнике «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь»³⁷ указано, что за все годы гражданской войны в Анголе погибло всего 11 офицеров и служащих Советской Армии – что в корне неполно и неверно: на сегодняшний день установлено уже более ста погибших, из них – пять белорусов и уроженцев Беларуси³⁸.

В отдельных книгах историко-документальной хроники «Память» упоминаются уроженцы и граждане Беларуси, в разные годы проходившие службу в Анголе. Так, в книге, посвященной Бресту, есть заметка о погибшем в Анголе в ноябре 1985 года полковнике М. М. Жерносеке³⁹. В книге «Память» о Гродно обозначены имена подполковников Н. Ф. Дорошенко, И. А. Самсевича, Н. Р. Уткина, служивших в Анголе в 1980-е годы в качестве военных советников и награжденных боевыми орденами и медалями за исполнение интернационального долга⁴⁰. Упоминаются «военнослужащие, которые участвовали в боевых действиях на территории других государств», в книге «Память» по Слонимскому району – это подполковники Д. А. Василевский и А. С. Веревкин⁴¹. Больше информации об участниках гражданской войны в Анголе во всех многочисленных книгах «Память» не содержится.

³⁶ Лавренов, С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах / С. Я. Лавренов, И. М. Попов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 778 с.

³⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков и др. – М.: Вече, 2010. – 624 с.

³⁸ Подробные сведения о советских военнослужащих, погибших в Анголе, опубликованы на сайте российского Союза ветеранов Анголы. – Режим доступа: <http://www.veteranangola.ru/main/bookmem/dekabr79>; <http://www.veteranangola.ru/main/bookmem/1993>; <http://www.veteranangola.ru/main/bookmem/noyabr75>. – Дата доступа: 04.03.2016.

³⁹ Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Брэста: У 2 кн. Кн. 2. – Мінск: БЕЛТА, 2001. – С. 669.

⁴⁰ Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Гродна. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 666–673.

⁴¹ Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Слонімскага раёна. – Мінск: БЕЛТА, 2004. – С. 672.

3. *События, происходившие в Анголе в 1990-е годы: попытки примирения воюющих сторон и участие в этом процессе миротворческих сил ООН, положение гражданского населения, внешняя политика правительства Ж. Э. душ Сантуша.* В этом разделе русскоязычных публикаций крайне мало. Мы можем отметить брошюру, которую опубликовал на русском языке в Институте Африки РАН ангольский исследователь Б. Л. даш Дореш Себастьяш⁴². Речь в ней идет о внутреннем положении Анголы в 1990-е годы: попытках примирения воюющих сторон, подготовке и проведении демократических выборов – и отказе Савимби подтвердить их итог и инициировании им же новой волны вооруженного противостояния. Так же автор настаивает на ответственности Контрольной миссии ООН в том, что война в стране возобновилась и продлилась еще десять лет: эмиссары ООН не придали значения предупреждениям диссидентов УНИТА о наличии в распоряжении Савимби более двух десятков тысяч хорошо вооруженных бойцов, которые располагались на юго-востоке страны и находились в состоянии полной боевой готовности. Также Себастьяш утверждает, что ни одна из противоборствующих партий не заслуживала полного доверия, и если УНИТА разрушала страну физически, то МПЛА, в силу долгого несменяемого правления – коррупцией и высокомерием, и выбор осуществлялся по принципу «из двух зол меньшее»⁴³.

Подглава «Пропавшие российские летчики» коллективной монографии «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века»⁴⁴ посвящена проблеме опасностей, подстерегавших экипажи российских самолетов, осуществлявших перевозки на внутренних ангольских авиалиниях по договорам с ангольским правительством. Для них существовал огромный риск быть сбитыми отрядами УНИТА или захваченными в плен на аэродромах в районах, которые контролировали оппозиционные силы. Авторами книги приведены в качестве примера пять случаев пленения российских летчиков или захвата самолетов вместе с экипажами в конце 1990-х годов; при этом отмечено, что среди попавших в плен и пропавших без вести летчиков были и работавшие по контракту граждане Республики Беларусь.

В этой же группе мы можем привести коллективную монографию «Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев», изданную в Москве в 2004 году⁴⁵. Она представляет собой комплексное исследование истории локальных войн и военных конфликтов второй половины XX века и их места в истории СССР и позднее России. Авторами подчеркнута, что историю взаимоотношений СССР (России) с большинством стран Африки «условно можно разделить на три этапа:

- 1) поддержка – в том числе военным путем – национально-освободительных движений;
- 2) активное военно-политическое сотрудничество после завоевания африканскими государствами независимости;
- 3) резкое ослабление позиций на континенте»⁴⁶.

Ярче всего эти тенденции проявились во взаимоотношениях с Анголой, Эфиопией и Сомали. В этой книге уделено внимание развитию событий в Анголе в 1990-е годы: проведению демократических выборов, возобновлению боевых действий по инициативе Ж. Савимби, попыткам примирения воюющих сторон с помощью ООН, поддержке, которую оказывали западные страны МПЛА – поскольку партия отказалась от марксистских лозун-

⁴² Дореш Себастьяш, Б. Л. даш. Ангола. Современное состояние. Перспективы развития. Отношения с Россией / Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 7. – М.: ПА РАН, 1999. – 172 с.

⁴³ Там же. – С. 17

⁴⁴ Россия (СССР) в войнах второй половины XX века.

⁴⁵ Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев: Коллектив авторов: под ред. Н. И. Резника (преде), А. А. Кольтюкова [и др.]. – М.: Издательский дом «Звонница – МГ», 2004. – 424 с.

⁴⁶ Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев. – С. 107.

гов, и появлению внутри УНИТА «обновленной» оппозиции, готовой вести не войну, а мирные политические переговоры.

В отдельную группу мы выделяем публикации мемуарного характера. Постепенно хоть и ограниченными тиражами, но появляются книги, написанные самими участниками событий, содержащие личные воспоминания советских воинов-интернационалистов в Анголе о том, что это была за война, с кем там приходилось воевать, как после этого ветераны той войны были встречены на Родине, и как эта война отразилась на их дальнейшей судьбе. В этот ряд можно поставить книги бывшего военного советника Николая Ковтуна «*Ангола в сердце моем*⁴⁷», еще одного бывшего военного советника Евгения Чернецова «*Самые памятные дни*⁴⁸», а также воспоминания бывшего военного переводчика Игоря Ждаркина «*„Такого не было даже в Афгане...“: Воспоминания участника войны в Анголе (1986-1988 гг.)*⁴⁹». Последняя книга примечательна, во-первых, тем, что ее автор – белорус, уроженец Гомеля, и в воспоминаниях упоминает много имен земляков, которых удалось впоследствии найти. Во-вторых, подполковник запаса И. А. Ждаркин служил в Анголе в разные периоды войны, сначала в 1986-1988, и позже – в 1997-1998 годах, в составе миротворческих сил **ООН**.

С 2006 года в Институте Африки Российской академии наук под редакцией Г. В. Шубина и А. А. Токарева⁵⁰ выпускаются сборники воспоминаний участников различных войн и военных конфликтов второй половины XX – начала XXI века. Эти сборники объединены в серию «Устная история забытых войн». В них опубликовано большое количество воспоминаний ветеранов войны в Анголе, в том числе белорусов и граждан Беларуси – офицеров запаса *А. А. Григоровича, В. В. Костраченкова, А. Э. Алексеевского, О. А. Грицука* и т. д. В 2014 году в ЮАР была издана книга воспоминаний „*Cuito Cuanavale, Fronline Accounts by Soviet Soldiers*“⁵¹, в которой опубликованы фрагменты воспоминаний участников одного из самых знаменитых сражений этой войны – битвы за Куито-Куанавале 1986-1988 годов, именуемого «ангольским Сталинградом». Среди них – воспоминания граждан Беларуси: военного советника подполковника запаса *П. П. Бондаренко*, военных переводчиков старших лейтенантов запаса *С. П. Демидчика* и *О. А. Грицука*.

Настоящим кладезем информации о гражданской войне в Анголе и участии в ней советских военнослужащих является Интернет-сайт, созданный региональной общественной организацией «**Союз ветеранов Анголы**»⁵². Сама организация находится в Москве, а несколько ее филиалов уже открыты в России и Украине. На этом сайте собрана, пожалуй, вся доступная на настоящий момент информация о войне в Анголе. Здесь можно найти книги, научные публикации, воспоминания, заметки, опубликованные в СМИ, видеозаписи телепередач, песни. Создана «*Книга памяти*». В нее последовательно заносятся имена всех погибших в Анголе, которые удастся установить, и имена тех, кто постепенно уходит из жизни в настоящее время – к сожалению, этот процесс остановить никто не в силах. Собрана

⁴⁷ Ковтун, Н. Г. Ангола в сердце моем. Путевые заметки-воспоминания советского военного советника / Н. Г. Ковтун. – Киев, 2010.

⁴⁸ Чернецов, Е. П. Самые памятные дни / Е. П. Чернецов. – М.: ИП Белый, 2013. – 144 с.

⁴⁹ Ждаркин, И. А. «Такого не было даже в Афгане...» Воспоминания участника войны в Анголе (1986-1988 гг.) / И. А. Ждаркин. – М.: Memories, 2008.

⁵⁰ А. А. Токарев – кандидат исторических наук, полковник запаса, ветеран гражданской войны в Анголе, прибыл туда в составе самой первой группы советских военных специалистов в ноябре 1975 года. В настоящее время заведует Центром исследований Юга Африки Института Африки РАН. Г. В. Шубин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН. 1 февраля 2016 года Г. В. Шубин умер в Москве. – *Прим. А. К.-Т.*

⁵¹ Cuito Cuanavale, Fronline Accounts by Soviet Soldiers / Edited by dr. G. Shubin, I. Zhdarkin, V. Barabulya, dr. A. Kuznetsova-Timonova. – Jacana Media, Sunnyside Auckland Park, South Africa.-2014.

⁵² www.veteranangola.ru.

богатая фотогалерея. Постоянно обновляется информация о широкой общественной деятельности Союза. И самым, пожалуй, ценным и интересным для читателей может стать раздел «Вспомнить все!», который содержит тематические воспоминания, впечатления, описание ярких моментов «ангольской» жизни. Темы заявлены самые разнообразные: от «Как я узнал, что мне предстоит командировка в Анголу» и «Ангольская книга о вкусной и здоровой пище» до «Мой второй день рождения» и «Страшно...». Нашим соотечественникам также нашлось на этом сайте место: в той самой рубрике «Вспомнить всё!» размещены воспоминания о разных эпизодах службы и военного быта бывшего военного специалиста *Виктора Магонова* (белорус, проживает в Минске), бывшего военного переводчика *Игоря Ковалевича* (белорус, проживает в Бресте). В «Фотогалерее» выложены фотографии представителей нашей республики. Впрочем, думаю, многие согласятся с утверждением, что тот отрезок истории, в котором мы все были не представителями ближнего или дальнего зарубежья, а гражданами единой великой страны, сложно распилить на полтора десятка частей. И для истории самой войны в Анголе и советского в ней участия (а именно эту историю воссоздают авторы и посетители сайта) национальная принадлежность ветеранов не очень важна.

О чем эта книга

Настоящая монография состоит из двух частей. В первой части вниманию читателей предлагается подробная историческая справка о предыстории гражданской войны в Анголе и о причинах перерастания локальной войны в дефакто международный конфликт, в который так или иначе оказались вовлечены крупнейшие мировые и континентальные державы. Здесь же описан ход основных событий вооруженного противостояния, обозначены особенности ключевых военных операций и общий характер хода боевых действий. Вторая часть представляет собой воспоминания непосредственных участников событий, изложенные в форме как интервью (вопрос – ответ), так и самостоятельного рассказа (письма).

Всего на настоящий момент сотрудниками отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси выявлены имена 160 военнослужащих – ветеранов Анголы, имеющих отношение к истории нашей республики. Эта цифра не окончательная, поскольку поисковая работа продолжается. Не всех удастся найти, не с каждым получается встретиться. Некоторых, к сожалению, уже нет в живых.

Материал, предлагаемый вашему вниманию, без преувеличения уникален. Во-первых, это эксклюзивная информация: абсолютное большинство опрошенных ветеранов впервые делились воспоминаниями о командировке в Анголу для широкой печати. Во-вторых, в интервью и письмах каждый герой обозначил личное отношение к событиям, собственные эмоции, переживания, впечатления. В-третьих, эти воспоминания очень ярко иллюстрируют, насколько отличалось восприятие каждым ветераном войны в Анголе происходившего с ним там – в зависимости от возраста, положения, занимаемой должности, обязанностей, наконец, черт характера и обстановки, в которой приходилось служить. Ведь кому-то довелось всю командировку провести в относительно спокойной столице Анголы Луанде, оказываясь в прочих районах только в краткосрочных поездках с инспекционными целями. Иным пришлось год, а то и два, прослужить в бригаде, которая вела полноценные боевые действия, и с оружием в руках защищать свою жизнь. Одни имеют за службу в Анголе боевые награды, признаны ветеранами войны и пользуются соответствующими, хоть и небольшими, льготами воинов-интернационалистов. А у других нет даже свидетельства о пребывании в «горячей точке», поскольку эти командировки осуществлялись в режиме строгой секретности, и зачастую своевременность получения удостоверения (как, впрочем, и заслуженной награды) зависела только от порядочности командования и непосредственного начальства.

Мы предлагаем читателю воспоминания представителей всех категорий военнослужащих, которым доводилось выполнять интернациональный долг в Анголе в разные годы: военных советников, специалистов, переводчиков, моряков. Все воспоминания, зафиксированные в виде интервью, сопровождаются обязательным указанием, где, когда и кем была сделана запись. Письма участников приведены с указанием даты, когда письмо было получено сотрудниками отдела военной истории Беларуси Института истории НАН Беларуси, а также – кем отредактированы и подготовлены к печати.

Воспоминания в книге расположены в хронологическом порядке. В начало выведены рассказы тех, кто командировался в Анголу (как правило, на тот момент только в ее столицу) в 1975-1976 годах, а завершается монография повествованиями тех, сроки чьих командировок пришлись на 1988-1990-е годы и даже более позднее время. Таким образом, читатель получает возможность проследить, как изменялась обстановка в воюющей стране, как изменялись условия службы для наших соотечественников, как изменялась (если вообще изменялась) мотивация, какие впечатления и какие последствия для себя увозили с собой из Анголы советские воины-интернационалисты. В чем-то высказанные воспоминания и впе-

чатления совпадают у всех (или, по крайней мере, у большинства) респондентов, в чем-то – кардинально отличаются. И все это – их и наша с вами история и память.

Хочется выразить огромную благодарность всем тем, кто согласился встретиться с нами и поделиться своими воспоминаниями. Возможно, именно эта книга поможет найти доселе не известных нам ветеранов войны в Анголе и других «горячих точках холодной войны» и пополнить нашу копилку воспоминаний и интервью. Наша цель – продолжение подобной серии публикаций и написание большой подробной книги о том, какое место занимает далекая африканская страна Ангола в истории Советского Союза и Республики Беларусь. Мы обращаемся ко всем участникам событий и членам их семей: пожалуйста, отзовитесь, ваши воспоминания очень важны!

Хочется выразить огромную благодарность *Союзу ветеранов Анголы* в лице *Вадима Андреевича Сагачко, Сергея Анатольевича Коломнина, Андрея Александровича Токарева и Игоря Анатольевича Ждаркина* за доброе отношение и плодотворное сотрудничество, которое, мы надеемся, будет продолжаться. Без их помощи и поддержки работа над настоящим изданием велась бы гораздо дольше. Отдельно хотим поблагодарить полковника в отставке *Михаила Геннадьевича Поваляева*, заведующего сектором истории послевоенных вооруженных конфликтов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, за предоставленные материалы и помощь в сборе информации для монографии.

Книга, без преувеличения, открывает новые страницы нашей истории, малоизвестные широкой общественности, хотя очень важные, яркие и богатые событиями. Мы уверены, что книга будет представлять большой интерес – как для профессиональных историков, так и для всех читателей, интересующихся событиями второй половины XX века.

Часть I. Гражданская война в Анголе: истоки, события, результаты

Особенности борьбы Анголы за независимость: геополитические противоречия

Боевые действия в Анголе продолжались с перерывами сорок один год. Сначала (с 4 февраля 1961 года) это была война за независимость Анголы от метрополии – Португалии, которую, с одной стороны, вела португальская колониальная армия, а с другой – несколько разных вооруженных формирований национально-освободительного движения. А с лета 1975 года, когда провозглашение независимости Анголы стало лишь вопросом времени, борьба за власть между тремя партиями, сражавшимися против португальцев, вылилась в гражданскую войну, которая продолжалась еще 27 лет – до гибели в феврале 2002 года предводителя одного из движений Жонаса Савимби.

Ангола оказалась «завязана» в причудливый политический узел, прежде всего из-за своего уникального географического положения и огромного богатства природных ресурсов. Получение Анголой независимости обещало колоссальные убытки транснациональным корпорациям (ТНК), имевшим здесь производственные базы, офисы и получавшим довольно крупные прибыли. Американский капитал представляли в Анголе компании United Steel (занималась разработкой месторождений железной руды), Gulf Oil, Техасо, Mobil (нефти), Diamond Distribution (алмазов), Tenneco, Tenneco Corporation (фосфатов); ЮАР – Bonuskor (нефти), Diamul (алмазов), Johannesburg Corporation (серы), Consolidate Investment Company (имела концессию на все ископаемые юга Анголы, за исключением нефти и фосфатов); немецкий – Bermann, Krupp (железной руды), Ürangezelschäft (урановых руд); французский – Total (нефти); бельгийский – Petrofina (нефти); британский – Anglo-American Corporation (алмазов – совместно с США); японский – Nippon Mining (меди), Compania Mineira do Lobito (на 50 %; железной руды)⁵³.

Географическое положение Анголы делало ее своеобразным ключом к югу Африки, а тот или иной поворот событий в этой стране становился решающим для всего региона. Здесь пересекались глобальные интересы СССР, США, Китая, Кубы, ЮАР. Как писал в своей книге «Русский спецназ в Африке» С. Коломнин, «никогда еще прежде у СССР не возникало такого мощного и надежного союзника на Юге Африки. Поэтому цель была очевидной: всеми доступными силами и средствами помочь новому руководству страны и превратить Анголу в эталон африканского социалистического государства, целиком и полностью ориентирующегося на Советский Союз»⁵⁴. Такого же курса придерживалось в этой части света и руководство Республики Куба.

В то же время в интересах США было установление собственного контроля – желательно руками Южно-Африканской республики, с которой, несмотря на все санкции ООН против проводившейся там политики апартеида, они поддерживали дипломатические отношения и которой оказывали экономическую помощь (в особенности на военные нужды). Целью самой ЮАР было сохранить в южноафриканском регионе status quo, основанный на безоговорочном господстве белого меньшинства, и не допустить приближения независимых

⁵³ Вальдес Виво, Рауль. Ангола: крах мифа о наемниках / Рауль Вальдес Виво; пер. с исп. В. Волкова и В. Чиркова. – М.: Прогресс, 1977. – С. 7–8.

⁵⁴ Коломнин, С. А. Русский спецназ в Африке / С. А. Коломнин. – М.: Яуза, 2005. – С. 3.

африканских государств, тем более социалистической направленности, вплотную к границам незаконно оккупированной южно-африканскими войсками Намибии. Примечательно, что советская периодическая печать все граничившие с ЮАР, а до 1980 года и с Южной Родезией (сейчас – Зимбабве) государства метко окрестила «прифронтовыми».

Датой начала вооруженного конфликта в Анголе можно назвать 4 февраля 1961 года – то есть, начало войны за независимость от Португалии. Этот день еще называли «ангольской Монкадой»⁵⁵. Противником повстанцев выступали части португальской колониальной армии.

⁵⁵ По аналогии со штурмом кубинских казарм Монкада, совершенным группой повстанцев во главе с Фиделем Кастро 26 июля 1956 г. – *Прим. А. К.-Т.*

Три «кита» национально-освободительного движения: зарождение разлома

Мы не ставим целью подробное освещение этапов войны за независимость Анголы, которая продолжалась до революции 1974 года в Португалии. Достаточно обозначить, что в ходе этой войны оформились три лагеря национально-освободительного движения: МПЛА⁵⁶ – Партия труда, основанная в 1956 году (именно она начала вооруженную борьбу против португальских колониальных властей) под руководством Антонио Аугуштиньо Нето; ФНЛА⁵⁷, организованный в 1962 году Холденом Роберто⁵⁸ (настоящее имя – Жозе Жилмор);

УНИТА⁵⁹, образованный в 1966 году Жонасом Савимби⁶⁰, вышедшим из состава ФНЛА. На северо-западе Анголы, в провинции Кабинда (анклаве страны на территории соседнего Заира), действовало еще одно национально-освободительное движение – ФЛЕК⁶¹.

Эти три национально-освободительных движения очень сильно отличались друг от друга, имели разные цели и задачи, а самое главное – ориентировались на разные социально-политические модели построения будущего Анголы. Имеет смысл охарактеризовать их подробнее.

Государственная модель ФНЛА базировалась на племенной основе (его предшественниками были националистические организации племен баконго) и сепаратистской направленности. В ходе вооруженной борьбы проявились расистский характер этого движения (ярче всего он выражался в лозунгах «Убивайте всё, что белого цвета»⁶²), а также трайбализм, который поощрялся предводителем движения Х. Роберто в четырех формах: 1) религиозный – все должны быть протестантской веры; 2) этнический – все должны быть выходцами из Сан-Сальвадора; 3) лингвистический – обязательность владения языком народности баконго – киконго; 4) идеологический – все должны были защищать интересы Роберто⁶³. С самого начала ФНЛА ориентировался на США и получал от них довольно значительную помощь: как в процессе войны за независимость, так и в первые годы гражданской войны ЦРУ финансировало деятельность Роберто. Сам Роберто был завербован американской разведкой предположительно в 1959 году во время участия в 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

УНИТА первоначально формировался вокруг своеобразной «оппозиции» внутри ФНЛА всех не-баконго, в особенности представителей одной из самых крупных народностей юга Анголы – овимбунду Годом его основания считается 1966-й: именно тогда произошло окончательное отделение УНИТА от ФНЛА. Существует версия, что до самой пор-

⁵⁶ MPLA – Народное движение за освобождение Анголы (Movimento Popular de Libertação de Angola). – *Прим. А. К.-Т.*

⁵⁷ FNLA – Фронт национального освобождения Анголы (Frente Nacional de Libertação de Angola). – *Прим. А. К.-Т.*

⁵⁸ Распространенная ошибка: правильно этот псевдоним в переводе с португальского языка выглядит так: «Роберто (имя) Олден (фамилия; буква Н (Holden) в португальском языке не имеет). Мы в тексте будем придерживаться укоренившегося в литературе и публицистике варианта: Холден Роберто. – *Прим. А. К.-Т.*

⁵⁹ UNITA – Национальный Союз за полное освобождение Анголы (União Nacional para a Independência Total de Angola). – *Прим. А. К.-Т.*

⁶⁰ Снова фонетическая ошибка: имя лидера УНИТА правильно произносится как «Жонаш» (Jonas; буква S на конце слова в португальском языке произносится как «ш»). – *Прим. А. К.-Т.*

⁶¹ FLEK – Фронт освобождения анклава Кабинда (Frente para a Libertação do Enclave de Cabinda). – *Прим. А. К.-Т.*

⁶² Токарев, А. А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе / А. А. Токарев. – М.: Ин-т Африки РАН, 2006. – 184 с. – С. 54.

⁶³ Там же. – С. 56.

тугальской революции 25 июня 1974 года лидер этого движения Ж. Савимби работал на португальскую тайную полицию и португальскую военную разведку⁶⁴.

Как писал кубинский журналист Рауль Вальдес Виво, первоначально устав и программа УНИТА имели демократическую, национально-освободительную оболочку:

- «1) необходимость вести борьбу с колонизаторами на ангольской территории;
- 2) борьба должна быть вооруженной;
- 3) неприятие как капитализма (программа ФНЛА), так и коммунизма (стратегия, приписываемая МПЛА) и вступление на путь построения социализма;
- 4) объединение всех антипортугальских сил, в том числе МПЛА и ФНЛА, и после завоевания независимости в ходе выборов народ должен решить, кому отдать предпочтение – Нето, Роберто или Савимби;
- 5) борьба против расизма и трайбализма»⁶⁵.

МПЛА представляла собой самое многочисленное и самое организованное национально-освободительное формирование в колониальной Анголе. Датой ее основания можно назвать 10 декабря 1956 года. Именно МПЛА начала 4 февраля 1961 года вооруженную борьбу за освобождение от Португалии, и уже в марте-апреле был создан 1-й (Северный) военно-политический район. Исследователи отмечают, что в первой половине 1960-х годов и МПЛА, и ФНЛА участвовали в войне довольно активно, но МПЛА отличалась более высокой организованностью борьбы и более широким ареалом действий, стараясь распространить свое влияние на всю территорию Анголы. В то же время активность ФНЛА наблюдалась лишь на севере – в ареале проживания народности баконго.

Как отмечает в своей монографии А. А. Токарев, принципиальные расхождения между МПЛА, ФНЛА и УНИТА заключались в следующем:

1) *Разная этническая база организаций.* ФНЛА опирался на баконго, УНИТА – на овимбунду. Наиболее многочисленные сторонники МПЛА принадлежали к народности амбунду, но руководство МПЛА старалось максимально расширять этническую базу движения.

2) *Ориентация всех трех организаций на разные внешние силы* – Запад, Китай, страны ОВД. В Африке они также пользовались поддержкой разных политических сил и государств (ФНЛА опирался на Заир, УНИТА получал помощь от ЮАР).

3) *Разные идеологические ориентиры*⁶⁶.

Таким образом, почва для перерастания войны за независимость в гражданскую войну была заложена в самом характере развития национально-освободительных движений, в их внутри- и внешнеполитической ориентации, а также в личностных качествах лидеров этих движений. Каждый из них был достаточно амбициозен, чтобы претендовать на роль главы нового государства и постараться не отдать эту роль другому. Политическое и вооруженное противостояние развивалось словно на трех уровнях одновременно: на локальном национальном уровне – между МПЛА и ФНЛА и УНИТА (позднее между МПЛА и только УНИТА); на региональном – между Анголой и ЮАР; на международном – между США и СССР и их союзниками.

⁶⁴ Грязная работа ЦРУ в Африке: Сборник материалов / сост. Э. Рей, У. Шаап, К. Метер, Л. Вульф; пер. с англ. Л. В. Борисова. – М.: Воениздат, 1983. – 342 с. – С. 275–288.

⁶⁵ Вальдес Виво, Рауль. Ангола: крах мифа о наемниках. – С. 44.

⁶⁶ Токарев, А. А. ФНЛА... – С. 81.

Начало гражданской войны: от Алворских соглашений до сражения под Кифангондо

После государственного переворота и свержения фашистского режима в Португалии борьба за независимость перешла в следующий драматичный этап. Новое португальское правительство вело переговоры с лидерами каждого из трех национально-освободительных движений, которые, в свою очередь, вели переговоры между собой о будущем Анголы. Если опустить подробности и отдельные промежуточные соглашения, то 4 января 1975 года в Момбасе (Кения) была подписана совместная Декларация трех движений, а 11 января того же года в Алворе (Португалия) – четырехстороннее соглашение между МПЛА, ФНЛА, УНИТА и временным правительством Португалии, которое предусматривало следующее:

создание временного правительства, включающего представителей всех движений, которое должно приступить к своим обязанностям 31 января 1975 года;

создание смешанных административных органов и вооруженных сил из представителей трех Движений;

созыв учредительного собрания 11 ноября 1975 года, на котором должен быть избран президент, которому будет передана власть в новом государстве.

Так обозначилась конкретная дата провозглашения независимости страны. Переходное правительство было сформировано в срок. Вот только уже на этапе его формирования стало очевидным следующее: **ни одна сторона не намеревалась складывать оружие, а наоборот, готовилась добиваться того, чтобы 11 ноября провозгласить независимость Анголы только от своего имени.** Уже 23 марта начались вооруженные столкновения между ФНЛА и МПЛА, а 30 марта в Луанде был введен комендантский час. Фактически это означало начало гражданской войны. В ночь на 11 июня начались масштабные столкновения между вооруженными отрядами МПЛА (ФАПЛА⁶⁷) и бойцами ФНЛА и УНИТА, которые шесть дней спустя завершили вытеснением противников ФНЛА из столицы Анголы. После этих событий повернуть время вспять и попытаться восстановить мир было уже невозможно.

После изгнания сторонников ФНЛА и УНИТА из Луанды в контролировавшихся ими кварталах были обнаружены следы террора и ритуальных убийств, характерных для баконго. 25 июля Холден Роберто призвал к тотальной войне против МПЛА. И если УНИТА до этого держал видимый нейтралитет, то после объявления ФНЛА войны МПЛА сделал то же самое. Как утверждал Верховный комиссар Португалии в Анголе А. Силва Кардозу, именно ФНЛА и лично Холден Роберто несли главную ответственность за новые вооруженные столкновения.

Разумеется, что ни один лагерь из трех не мог бы сражаться в одиночку, без помощи извне. Вернее, не просто не мог: ведь каждое из национально-освободительных движений в разной степени стало порождением как внутренних, так и внешних обстоятельств и смогло развиваться до столь крупных масштабов благодаря поддержке мощных союзников. Если не перечислять все страны, которые так или иначе оказывали помощь противоборствующим сторонам, то в целом это были два военно-политических блока – страны НАТО и ОВД, а конкретнее – США и СССР.

Интерес США и его союзников к Анголе был очевиден, если вспомнить количество иностранных монополий и ТНК, которые в случае победы МПЛА лишались своих владений

⁶⁷ FAPLA – Народные вооруженные силы освобождения Анголы (Forças Armadas Populares de Libertação de Angola). – Прим. А. К.-Т.

и разработок. Помимо экономического, очевиден был политический интерес – не допустить распространения влияния СССР на юге Африки. «Будучи уязвленным недавними историческими событиями и глубоко расстроенным провалом во Вьетнаме, госсекретарь США Г. Киссинджер искал возможности бросить Советам вызов» и объявил ФНЛА и УНИТА союзниками Запада в Анголе. На момент провозглашения тотальной войны МПЛА Холден Роберто получил от США финансовую помощь в размере приблизительно 17 млн долларов. К концу октября 1975 года правительственная организация США – так называемый «Комитет 40» – одобрил передачу лично для Роберто еще 300 тыс. долларов⁶⁸.

Помимо помощи США, ФНЛА и УНИТА пользовались поддержкой Пекина. По договоренности с китайским правительством на помощь ФНЛА были направлены 112 китайских инструкторов для обучения бойцов «фронта» в военных лагерях на территории Заира (Х. Роберто пользовался поддержкой президента Заира Моиса Чомбе; по одной из версий, они были женаты на сестрах) и большие партии оружия – в основном автоматы АК-47 китайского производства.

К концу лета обозначился четкий альянс ФНЛА+УНИТА в борьбе против МПЛА. Тогда же было объявлено об увольнении со своих постов директоров частных банков на всей территории страны. Противниками МПЛА это было расценено как первый шаг к национализации частного капитала. В результате иностранные монополии «всполошились». Подразделения армии ЮАР перешли границу Анголы с территории Намибии и заняли ГЭС на реке Кунене, объяснив это тем, что ГЭС была построена при участии ЮАР, в том числе финансовом, и питает энергией значительную часть Намибии. Часть бойцов ФНЛА – которые в основном представляли собой бывших военнослужащих отрядов МПЛА, перешедших на сторону противника, – влились в состав южноафриканского батальона «Браво», которым командовал офицер южно-африканской армии Ян Брайтенбах. Этот батальон вскоре стал действовать на юге Анголы против МПЛА и кубинцев.

Огромную роль в истории гражданской войны в Анголе сыграли наемники, воевавшие на стороне ФНЛА и УНИТА. В США и отдельных странах Западной Европы была налажена целая индустрия по их вербовке. Бывший офицер ЦРУ Джон Стокуэлл писал: «Под предводительством директора ЦРУ мы солгали Конгрессу и «Комитету 40», которые курировали программу ЦРУ по Анголе. Мы вступили в тесные взаимоотношения с ЮАР. И мы активно вели пропаганду в американском обществе, что привело к ужасным результатам: американцы, введенные в заблуждение нашими сподвижниками, отправились в Африку – воевать в условиях, близких к самоубийству⁶⁹». Неизвестно, насколько это правда, только согласно показаниям тех наемников, которые в ходе боевых действий попали в плен либо сдались добровольно, «в американской, английской, бельгийской печати в декабре 1975 года, а также в январе и феврале 1976 года регулярно публиковались сообщения об отъездах очередных групп наемников в Анголу. 2 февраля 1976 года «Санди тайме» (Англия) писала, что на вербовку английских наемников для Анголы предполагается потратить более 10 миллионов фунтов стерлингов (20 миллионов долларов), в основном за счет ЦРУ США⁷⁰». Согласно исследованию Р. Вальдеса Виво, в вербовке наемников существовало определенное «разделение труда»: в Европе шла вербовка в основном на Северный фронт, в ФНЛА, а в США – для Южного фронта, причем здесь отдавалось предпочтение эмигрантам с Кубы (ведь предстояло воевать в том числе и против кубинцев) и лицам африканского происхождения. Вер-

⁶⁸ Stockwell, J. In Search of Enemies / J. Stockwell // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.thirdworldtraveler.com/Stockwell/In_Search_Enemies.html. – Дата доступа: 01.08.2011.

⁶⁹ Stockwell, J. In Search of Enemies...

⁷⁰ Ibid.

бовку для Южного фронта проводил ветеран войны во Вьетнаме чернокожий Лэри Митчел, организация которого называлась «Афроамериканская техническая помощь Анголе».

Помимо подразделений регулярной армии ЮАР (на юге) против бойцов МПЛА воевало около 4-6 тысяч заирских солдат (на севере), а также от 300 до 1000 португальцев так называемой «Португальской освободительной армии» (наследницы колониальных войск Португалии) и приблизительно 1,5 тыс. перебежчиков из МПЛА под командованием Даниэля Чипенды.

К середине сентября война разгорелась всерьез. Страна оказалась разделенной на три зоны влияния:

1) ФНЛА: провинции Заире, Уиже, часть Северной Кванзы, граница с Заиром и клин на северо-востоке, в районе алмазных копей. Три главных центра – Порту-Амбриш, Амризет и Кармона. Штаб-квартира в Кармоне;

2) МПЛА: Луанда, начиная от района Луанды – широкая полоса в центре страны до замбийской границы, атлантическое побережье вплоть до границы с Намибией. Крупные города, кроме Луанды – Маланже, Энрике-ди-Карвалью, Лобиту, Бенгела, Мосамедеш. Штаб-квартира в Луанде;

3) УНИТА: к югу от Бенгельской железной дороги, весь центрально-южный район, вплоть до границ с Замбией и Намибией. Штаб-квартира в Нова-Лижбоа (Уамбо).

Цель у каждого из соперников была одна и та же – установить контроль над Луандой (в случае МПЛА – сохранить его) до 11 ноября и провозгласить от своего имени независимость нового государства. Сделавшего это ожидало международное признание, его власть сразу становилась легитимной. Потому не удивительно, какие силы были задействованы для этого самими противоборствующими сторонами и их могущественными союзниками.

Что касается краткой предыстории непосредственного участия в этой войне Советского Союза и Кубы, которые оказывали активную поддержку МПЛА, то важно остановиться на следующем. Ангольский историк Афонсу Кагомбе отмечает, что «начиная с 1960-х годов в основном советско-ангольские отношения носили военно-политический характер, так как советско-коммунистическое руководство стремилось получить надежный форпост социализма на юге Африки»⁷¹. Впервые руководители МПЛА прибыли в СССР 22 июля 1961 года, и в результате переговоров с членами Политбюро получили определенную финансовую, гуманитарную и военную помощь, а также возможность подготовки кадров на территории Советского Союза. В 1961 году эта помощь составила около 25 тыс. долларов, в 1966 – около 145 тыс., в 1973 – до 220 тыс. долларов. Российский историк В. Г. Шубин утверждает: то, что МПЛА получало большое количество помощи, породило отсутствие желания что-либо производить самостоятельно. Однако, вероятно, проблема была все же не столько в размерах советской помощи, сколько в особенностях местного самосознания и культуры.

Впервые то, что Москва поставляет МПЛА «оружие, транспорт, коммуникации, одежду и прочие вещи, необходимые для успешной борьбы» для освободительных движений, и что ангольские военные и гражданские специалисты обучаются в СССР, было озвучено в 1970 году в интервью, которое дал газете «Правда» руководитель советской делегации на Международной конференции поддержки португальских колоний в Риме профессор В. Солодовников⁷². В то же время советское руководство имело контакты и с остальными национально-освободительными движениями. Однако когда проамериканская направленность ФНЛА и УНИТА стала очевидной, контакты завершились.

⁷¹ Кагомбе, Афонсу. Советско-ангольские отношения (1975-1991 гг.) / А. Кагомбе: автореф. дис.... канд. ист. наук. – М., 1994. – С. 16.

⁷² Shubin, V. The Hot „Cold War“. – P. 15.

К началу 1970-х годов СССР делал ставку на то, что ведущую роль в независимой Анголе должна играть МПЛА. Это имело свой смысл: МПЛА было наиболее массовым среди всех освободительных движений, и в своей программе ориентировалось не на племенные связи, а на политическое объединение всей страны: «От Кабинды до Куне не – один народ, одна нация!»

Так или иначе, на момент перерастания хрупкого мира между ФНЛА, УНИТА и МПЛА в открытые вооруженные столкновения обозначились и векторы международной помощи противоборствующим лагерям – оружием, деньгами и людьми. О «спонсорах» ФНЛА и УНИТА мы уже писали. Среди союзников МПЛА просматривалось четкое «разделение труда». СССР посылал для МПЛА сначала только боевую технику и средства, после провозглашения Анголой независимости – специалистов и советников для помощи в создании регулярных вооруженных сил. Куба же направляла регулярный воинский контингент, который на советской технике успешно воевал за ангольскую революцию против внешних интервентов – войск Заира и ЮАР.

Существуют разночтения в ответе на вопрос, кто же был инициатором непосредственной военной помощи МПЛА, то есть «кто кого затянул в Анголу»: Фидель Кастро Леонида Брежнева или наоборот? Как отмечает В. Г. Шубин, «архивные документы и воспоминания очевидцев позволяют утверждать, что решение Гаваны было самостоятельным..., хотя ради достижения исторической правды нужно отметить, что предпосылки этого решения Москве были известны (*имеется в виду генеральный вектор внешней политики Кубы. – А. К.-Т.*)»⁷³. Таким образом, кубинские руководители послали в Анголу свои войска, не поставив Москву в известность, однако прекрасно понимая, что советское руководство их в итоге поддержит. Голландский исследователь Б. ван дер Меер оказывается прав, утверждая, что в данном случае Советский Союз стал жертвой самим же им созданного мессианского образа самоотверженного борца против империализма.

Решение о предполагаемом командировании советских военных специалистов в Анголу было принято накануне провозглашения ее независимости. В начале октября 1975 года «на стол советского руководства легла аналитическая записка, в которой... делался вывод, что без помощи извне МПЛА не сможет удержать столицу и контролируемые ей 12 провинций⁷⁴». Положение МПЛА было критическим, поскольку на стороне ее противников воевали хорошо подготовленные иностранные военные подразделения: с севера наступали войска Заира, с юга – ЮАР. И те и другие были хорошо укомплектованы (в том числе наемниками) и вооружены.

Как указывает в своих воспоминаниях сотрудник советской разведки Олег Негин, лишь в конце октября 1975 года руководство СССР окончательно приняло решение признать законным правительство Анголы, сформированное только из представителей МПЛА (до самого последнего момента еще рассматривались возможности создания коалиционного правительства), и оказать ему масштабную, в том числе и военную, помощь. И только в начале ноября об этом стало известно руководству МПЛА. А. Нето просил тогда об организации поставок советского оружия для тех кубинских добровольцев, которые уже прибыли в Луанду. Лидер МПЛА утверждал, что «португальские власти... готовы закрыть глаза на поставки МПЛА советского оружия до 11 ноября, а потом это уже будет нашим внутренним делом»⁷⁵. Тогда же кубинцы передали список вооружений, которые нужно было поставить в Анголу для их контингента.

⁷³ Shubin, V. The Hot „Cold War“. – P. 54.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Негин, О. В огненном кольце блокады (воспоминания разведчика) / О. Негин // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 2. – С. 32–37.

Решающая битва начального периода войны произошла 9-10 ноября 1975 года в нескольких километрах от Луанды, в районе местечка Кифангондо на реке Бенгоо⁷⁶. Точнее, бои в этом месте велись с 23 октября, но именно 9-10 ноября отряды ФНЛА (вместе с заирскими подразделениями) потерпели окончательное поражение. Решающую роль в этом сыграла своевременная поставка в Луанду батареи советских РСЗО БМ-21 «Град», а также прибытие первого батальона кубинского спецназа. Несмотря на то, что противники были вооружены не хуже – бойцы ФНЛА и Заира имели в распоряжении южно-африканскую артиллерию, БТР АМІЛ-60 и АМІЛ-90, и даже легкую авиацию – удар установок «Град» оказался слишком неожиданным. Как писал С. А. Коломнин, «выжившие в боях под Кифангондо солдаты ФНЛА и Заира из-за больших потерь назвали дорогу из Кашито на Луанду «Дорогой смерти» (на языке киконго «Nshila wa Lufu»). Только ФНЛА официально заявил о 345 погибших под Кифангондо (не считая заирских военнослужащих)⁷⁷. Таким образом, МПЛА сохранила контроль над Луандой и получила возможность провозгласить независимость страны от своего имени. Вскоре Ангола и ее новое правительство было признано Организацией Африканского Единства и ООН. И с этого момента гражданская война окончательно превратилась де-факто в международный конфликт, затянувшийся на долгие годы.

⁷⁶ Подробно обстоятельства битвы под Кифангондо и начального периода гражданской войны в Анголе в целом описаны в книге С. А. Коломнина «Русский след под Кифангондо. Неизвестные страницы истории Черной Африки» / С. А. Коломнин. – М.: Этника (ИП Трошков А. В.), 2014.

⁷⁷ Коломнин, С. А. Победа при Кифангондо: триумф советского оружия в Африке / С. А. Коломнин // Союз ветеранов Анголы: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://veteranangola.ru/main/nauka/Qifangondo>. – Дата доступа: 06.05.2010.

Еще одна «странная война»

Территория Анголы была и остается разделенной на 18 провинций, которые в годы гражданской войны входили в состав шести основных военных округов: 1-й – Негаже, 2-й – Кабинда, 3-й – Луэна, 4-й – Уамбо, 5-й – Лубанго, 6-й – Менонге. В зависимости от интенсивности боевых действий округа делились на боевые и небоеые. На протяжении всей войны боевыми считались 3-й и 6-й округа, в разные периоды к ним причислялись 1-й, 4-й, 5-й. Количество военных округов могло меняться и достигать до десяти, в конце 1980-х годов округа были реорганизованы во фронты. Наглядно административное и военно-территориальное деление страны представлено в табл. 1.

*Таблица 1. Состав провинций и территории военных округов*⁷⁸

⁷⁸ Таблица составлена М. Г. Поваляевым. – *Прим. А. К.-Т.*

Провинция	Столица провинции	Количество муниципалитетов	Территория военного округа (с 1987 года – зона ответственности фронта)
Кабинда	Кабинда	4	Второй военный округ (с 1987 года – Отдельная оперативная группа)
Заире	Мбанза Конго	7	Первый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Северного фронта)
Уиже	Уиже	18	Первый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Северного фронта)
Луанда	Луанда	2	Седьмой военный округ (с 1987 года – Отдельная оперативная группа)
Северная Кванза	Ндалатанда	12	Девятый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Северного фронта)
Южная Кванза	Нгунза	8	Седьмой военный округ (с 1987 года – зона ответственности Центрального фронта)
Бенго	Кашито	5	Седьмой военный округ (с 1987 года – зона ответственности Центрального фронта)
Бенгела	Бенгела	8	с 1987 года – зона ответственности Центрального фронта
Мосамедиш (Намибе)	Мосамедиш	6	с 1987 года – зона ответственности Южного фронта
Уамбо	Уамбо	15	Четвертый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Центрального фронта)
Уиле	Лубанго	13	Пятый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Южного фронта)
Кунене	Онджива	7	Пятый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Южного фронта)
Квандо –Кубанго	Менонге	11	Шестой военный округ (с 1987 года – зона ответственности отдельной оперативной группы)
Мошико	Луэна	10	Третий военный округ (с 1987 года – зона ответственности Восточного фронта)
Бие	Куито	6	Четвертый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Центрального фронта)
Южная Лунда (Лунда Сул)	Сауримо	6	Восьмой военный округ (с 1987 года – Отдельная оперативная группа)
Северная Лунда (Лунда Норте)	Лукапа	7	Десятый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Северного фронта)
Маланже	Маланже	15	Девятый военный округ (с 1987 года – зона ответственности Восточного фронта)

Территориями, относительно свободными от боевых действий, традиционно считались провинции Кабинда, Заире (районы нефтедобычи, отданные в концессию иностранным кампаниям) и Уиже. В провинции Уиже дислоцировались многие учебные части и подразделения ФАГОТА, которые занимались подготовкой технических специалистов, экипажей БМП, БТР и танков. Состав боевых частей в этой провинции был крайне незначительным. Советские военные советники называли эту провинцию «учебкой» для ангольской армии. В городе Негаже находилась летная школа, где ангольских курсантов-летчиков обучали также и румынские военные специалисты⁷⁹.

⁷⁹ Информация предоставлена бывшим военным советником, полковником в отставке В. А. Аванесовым. Записано М. Г. Поваляевым. – *Прим. А. К.-Т.*

В 1987 году (в связи с усилением боевой активности УНИТА и угрозой открытой агрессии ЮАР на юге) высшим военно-политическим руководством Анголы, опять же по рекомендации Главного военного советника, было принято решение о создании на базе уже существующих военных округов новых оперативных объединений, предназначенных для решения оперативных задач для условий военного времени – *фронтов*. Это решение было принято в целях централизации всей полноты власти (военной, гражданско-административной) в руках командующих фронтами и укрепления роли и авторитета органов военного управления власти на местах, более четкой координации действий органов военного управления на период проведения полномасштабных операций на всей территории страны. Руководители провинций – провинциальные комиссары, являвшиеся членами правительства и одновременно председателями военных советов военных округов, были переподчинены командующим фронтами. В ноябре 1987 года на базе десяти военных округов были созданы следующие фронты:

Северный (создан на базе 1-го и 9-го военных округов) со штабом в Маланже;

Восточный (создан на базе 3-го и 8-го военных округов) со штабом в Луэне;

Южный (создан на базе 5-го и 6-го военных округов) со штабом в Менонге. Из состава войск Южного фронта была создана передовая оперативная группа (Кuito-Куанавале) в составе трех пехотных бригад со средствами усиления.

Центральный (создан на базе 4-го и 7-го военных округов) со штабом в Уамбо.

Отдельные оперативные группы, непосредственно подчинявшиеся Генеральному штабу ФАГОТА, были созданы в Луанде, Кабинде (на базе 2-го военного округа) и Южной Лунде (на базе оперативной группы 8-го военного округа).

В 1988 году в организационно-штатную структуру фронтов ФАПЛА были введены должности 1-го и 2-го командующих войсками фронта. 1-й командующий фронтом отвечал за решение военно-политических и административно-хозяйственных задач в полосе фронта и подотчетных ему провинциях. 2-й командующий отвечал за решение оперативно-боевых вопросов и непосредственно за организацию и ведение боевых действий с группировками УНИТА в зоне ответственности фронта. Такое разделение функций между должностными лицами фронтов просуществовало практически до 1991 года⁸⁰.

В среднем срок командировки советского военнослужащего любой категории продолжался два года, для советников и специалистов, которые приезжали с женами, – три. По свидетельствам ветеранов, 100 % оклада выплачивалось только тем, кто привозил с собой жен (если условия службы позволяли это сделать), остальным – только 80 %.

Из двух лет (раз в год полагался отпуск сроком на сорок пять суток) и специалисты, и переводчики обязаны были год провести в боевом округе, после чего могли перевестись в более спокойное место, в том числе в столицу. На практике так получалось далеко не всегда. Кого-то просто оставляли служить два года в одном и том же месте, а кто-то добровольно отказывался от перевода и возвращался в свою бригаду, даже если она дислоцировалась в зоне боевых действий.

Основным средством доставки личного состава, оружия, боеприпасов и продовольствия в районы ведения боевых действий, как показал опыт боевых действий в Анголе периода 1975-1989 годов, являлась авиация (вертолеты и самолеты военно-транспортной авиации). Поэтому немаловажным фактором поддержания боеспособности воинских частей ангольской армии (ФАГОТА) являлось состояние полевых аэродромов и взлетно-посадочных площадок для самолетов военно-транспортной авиации, транспортных вертолетов. В 1984 году в стране насчитывалось более 25 аэродромов, полностью оборудованных необхо-

⁸⁰ Информация предоставлена М. Г. Поваляевым. – *Прим. А. К.-Т.*

димым навигационным оборудованием. К 1988 году их уже насчитывалось более 30, не считая посадочных площадок для вертолетов. Эти аэродромы были способны принимать почти все типы летательных аппаратов, как в дневное, так и в ночное время. Практически все столицы провинциальных центров Анголы имели собственные аэропорты, где базировались вертолеты, истребительная и транспортная авиация. Самым крупным аэропортом страны считалась Луанда⁸¹.

Предлагаем ознакомиться с представленными в табл. 2 основными характеристиками аэродромной сети восточной части Анголы.

По свидетельствам очевидцев, война эта была достаточно странной, скорее, некоей смесью войны и мира. Наступательные операции с внешних сторон (в частности ЮАР) осуществлялись приблизительно раз в полгода. Соединения ФНЛА и УНИТА минировали дороги, проселки, поля, обстреливали колонны правительственных войск (ФАПЛА), сбивали самолеты и вертолеты из ПЗРК. Авиация ЮАР осуществляла бомбардировки – в основном, в южных провинциях Анголы. Как отмечает М. Г. Поваляев, зачастую военно-политическое руководство Анголы при планировании крупномасштабных операций против УНИТА не ставило в качестве главной цели таких операций разгром основных сил УНИТА, а заранее ориентировало командование военных округов к ведению боевых действий преимущественно оборонительного характера. Этим самым у командного состава ангольской армии убивались инициатива и заинтересованность в достижении максимально возможного военного разгрома противника, и, как правило, боевые действия против контрреволюционных группировок УНИТА в большинстве провинций со стороны правительственных войск велись вяло. Все это является ярким примером того, как политические пристрастия партийных руководителей МПЛА доминировали над чисто военными вопросами⁸³.

Таблица 2. Аэродромная сеть в провинциях Мошико и Южная Лунда⁸²

Населенный пункт	Вид покрытия	Длина ВПП, м	Емкость площадки	Количество ангаров
Луэна (центр провинции Мошико)	Бетон	2250	24 самолета	9
Кангамба	Гравий	1250	12 самолетов	4
Лумбала Нгимбу	Грунт	1000	4 самолета	
Темпус	Грунт	1500	4 самолета	
Сауримо (центр провинции Южная Лунда)	Бетон	2500	40 самолетов	6
Дала	Грунт	1000	4 самолета	
Дунда	Бетон	1250	12 самолетов	4
Луау	Грунт	1000	4 самолета	
Казомбо	Грунт	1250	4 самолета	

К сожалению, далеко не все граждане Анголы понимали, для чего им нужны и эта война, и эта революция. Многие видели преимущества независимости только в том, что теперь им разрешили жить в городах, а при португальцах лишь изредка разрешали там появляться.

Набор в армию (как в ФАГОТА, так и в отряды УНИТА) осуществлялся добровольно-принудительно: окружали деревню и хватали всех, кто примерно подходил по воз-

⁸¹ Информация предоставлена М. Г. Поваляевым. – *Прим. А. К.-Т.*

⁸³ Из материалов М. Г. Поваляева. – *Прим. А. К.-Т.*

⁸² Информация предоставлена М. Г. Поваляевым. – *Прим. А. К.-Т.*

расту, в бригадах ФАГОТА встречались подростки 15-16 лет, а в отрядах УНИТА – даже 12-13. Многие шли в армию, потому что там давали хоть скудную, но регулярную еду, а также форму, то есть одежду. Большинство не знали, за что и во имя чего они воюют. Довольно частыми были случаи, когда солдаты и даже офицеры переходили от одной стороны к другой – в зависимости от того, где была возможность прокормиться. Еще одной характерной чертой был панический страх солдат ФАГОТА перед «белым воинством».

На протяжении всей войны в числе противников правительственных войск Анголы были не только оппозиционные формирования ФНЛА и УНИТА (к середине 1980-х годов осталось только УНИТА), но и самая боеспособная и хорошо вооруженная армия самой развитой страны Африки – армия ЮАР. Кроме того, США оставались негласным спонсором ЮАР в наращивании военного потенциала, расходы последней на военные нужды возрастали год от года. Это было обусловлено как возрастающей в самой ЮАР волной протеста против режима апартеида, так и борьбой национально-освободительного движения в Намибии (СВАПО), и проведением открытых интервенций на территории соседних («прифронтовых») государств, в особенности Мозамбика и Анголы. Хронологию гражданской войны в Анголе фактически можно выстроить по крупным операциям вооруженных сил ЮАР, вторгавшихся на территорию НРА со стороны Намибии (т. е. с юга) и Замбии (юго-востока).

Кроме непосредственно подразделений армии ЮАР, в боевых действиях принимали участие многочисленные наемники. В частности, именно они составляли отдельный 32-й батальон «Buffalo» – самое, наверное, известное подобное подразделение. Этот батальон имел разветвленную структуру, на его вооружении находились и тяжелая боевая техника, и бронев автомобили, артиллерия, противовоздушные и противотанковые комплексы. Каждая рота 32-го батальона имела «звериное» название: «Волк», «Гиена», «Лев», и т. д. В этом батальоне служили и португалоговорящие чернокожие, что позволяло им маскироваться под ФАГОТА. Батальон наводил такой ужас на правительственные войска, что, по свидетельствам очевидцев, стоило фапловцам услышать, что наступает «Buffalo», как они могли просто бросить технику и разбежаться⁸⁴.

Существовали и иные наемнические подразделения, которые проходили подготовку в военных лагерях на территории ЮАР и Намибии, перебрасывались на территорию Анголы: батальон № 101, укомплектованный чернокожими выходцами из Намибии, 44-я парашютно-десантная бригада, состоявшая из военных профессионалов – бывших военнослужащих армий США, Великобритании, Франции, Бельгии, имевших опыт боевых действий (предпочтение отдавалось ветеранам Вьетнама)⁸⁵.

В составе подразделений находились мобильные группы спецназа так называемых «охотников» (сacadores), основной задачей которых была охота за самолетами противника – то есть, непосредственно ангольскими, кубинскими и советскими. Советские самолеты, как правило, были перекрашены под «Аэрофлот», но это их не спасало. Точное количество жертв таких групп, погибших в сбитых ими самолетах, не известно до сих пор. Имена пилотов идентифицировать еще удастся, а вот имена пассажиров выявить гораздо сложнее. На вооружении групп находились как американские «Стингеры», так и советские ЗРК «Стрела-1» и ПЗРК «Стрела-2М».

У советских судов, военных и гражданских, был особый враг – южноафриканские боевые пловцы. По ночам они могли подплыть к кораблям и прикрепить к корпусам мины, которые позже – если их не удалось обнаружить – взрывались. Помимо самого факта потери корабля это было опасно еще и тем, что на многих судах находились военные грузы – оружие, боеприпасы, взрыв которых мог привести к настоящей катастрофе. Так были подорваны два

⁸⁴ Таблица составлена М. Г. Поваляевым. – Прим. А. К.-Т.

⁸⁵ Коломнин, С. А. Русский спецназ... – С. 25; Асоян, Б. «Дикие гуси» убивают на рассвете. – С. 59–73.

советских гражданских судна – «Капитан Вислобоков» и «Капитан Чирков» – и кубинский транспорт «Гавана» в ночь с 5 на 6 июня 1986 года⁸⁶. Чтобы избежать минирования судов, вахтенные должны были бросать за борт боевые гранаты⁸⁷.

Что касается службы в Анголе наших соотечественников и их участия в боевых действиях, мы считаем нужным разделить этот процесс на три этапа. Условно их можно обозначить как «легальный» (1975-1979 гг.), «нелегальный» (1979-1992 гг.) и «постсоветский» (1992-2002 гг.).

Если с последним этапом вопросов терминологии и датировки не возникает, то первые два нуждаются в пояснении. До недавнего времени официально считалось, что советские военные специалисты и советники (СВС и С) находились в Анголе только в 1975-1979 годах (хотя в официальной печати и о тех годах ничего подобного не сообщалось). Есть две версии, почему именно 1979 год стал своеобразным «водоразделом» в истории воинов-интернационалистов. Первая, наиболее часто упоминаемая – ввод «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан. Вторая – смерть 19 сентября 1979 года в Москве первого президента НРА А. Нето, с которой якобы окончилось прямое военное сотрудничество СССР и Анголы. Таким образом, далеко не все ветераны, служившие в Анголе в течение 1979-1992 годов, имеют доказательства своего участия в боевых действиях. И в любом случае, наши соотечественники находились в стране без документов, носили военную форму ангольских вооруженных сил (так называемую «фапловку») без знаков различия и имели строгий приказ: в плен не попадать и вообще ничем не выдавать своей принадлежности к Советскому Союзу. В то же время основная интенсивность боевых действий и участия в них советских военных советников и специалистов пришлась именно на второй – «нелегальный» – этап.

Как мы уже отмечали, ход войны целесообразно отразить через интервенции подразделений ВС ЮАР на территорию Анголы, поскольку именно в эти моменты боевые действия принимали наиболее ожесточенный характер. Мы выделим самые масштабные операции, повлиявшие на ход войны и потребовавшие максимального напряжения сил для их отражения.

⁸⁶ Ждаркин, И. А. «Такого не было даже в Афгане...» Воспоминания участника войны в Анголе (1986-1988 гг.) / И. А. Ждаркин. – М.: Memories, 2008.

⁸⁷ Коломнин, С. А. Смертельный укус «Цербера» / С. А. Коломнин // Союз ветеранов Анголы: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.veteranangola.ru/main/publikacii/nvo/cerber. – Дата доступа: 12.04.2010.

Хроника переломных моментов: операция «Саванна»

Операция «Саванна», начавшаяся 14 ноября 1975 года, – первое масштабное наступление войск ФНЛА, подкрепленных силами заирских подразделений с севера и УНИТА в союзе с мощной группировкой войск ЮАР с юга, на Луанду. На проведение в том числе и этой операции ЦРУ в 1975 году было потрачено около 32 млн долларов. Судьба молодой республики висела буквально на волоске, и спасли ее, как и всегда, советское оружие и отвага кубинских добровольцев.

В октябре 1975 – апреле 1976 года в Анголу, в том числе и через Конго-Браззавиль, для МПЛА и кубинцев было поставлено из СССР 200 танков Т-54, 50 плавающих танков ПТ-76, 70 танков Т-34-85, более 300 единиц БТР-152, БТР-60ПБ, БМП-1 и БРДМ-2, около 100 122-мм ракетных установок залпового огня БМ-21. Из СССР в Анголу также были направлены дальнобойные 122-мм артиллерийские системы Д-30, минометы, зенитные установки ЗИС-3-76, ЗГУ-1, ЗУ-23-4, ЗУ-23-2, ПЗРК «Стрела-2» и в огромных количествах современное стрелковое вооружение, боеприпасы. Солидно выглядели и поставки сложной авиатехники: 30 вертолетов Ми-8, 10 истребителей МиГ-17Ф, 12 самолетов-истребителей МИГ-21МФ⁸⁸. Доставка оружия и особенно сложной авиатехники осуществлялась сверхтяжелыми самолетами Ан-22 «Антей», которые базировались тогда в Иваново. В составе группы, обеспечивавшей транспортировку грузов этими самолетами, в течение декабря 1975 – февраля 1976 года был гражданин Беларуси *Б. И. Соболев*.

Что касается кубинцев, то самолеты с ними в ноябре 1975 года стали приземляться в аэропорту Луанды каждую ночь. Они прилетали в гражданской одежде, везли форму и личное оружие в рюкзаках и чуть ли не прямо с борта шли в бой: линия фронта проходила в 15 км от Луанды. Тогда же стали прибывать первые группы кубинских летчиков-истребителей, база которых была размещена в Лубанго (5-й военный округ, провинция Уила). Эта тщательно разработанная и подготовленная операция получила название «Карлотта⁸⁹». Отбор в кубинский экспедиционный корпус был довольно жестким: обращали внимание и на боевые, и на моральные качества кандидатов, причем предпочтение отдавалось чернокожим (из соображений маскировки). Вообще решение Кастро «помочь африканцам» вызвало энтузиазм среди кубинцев и повлекло за собой массовую запись добровольцев в интернациональные отряды, которые в спешном порядке перебрасывались в Анголу с целью освобождения африканцев от «белых расистов»⁹⁰.

Примечательно, что между лидером МПЛА Аугуштиньо Нето и Фиделем Кастро был заключен договор о предполагаемом выводе кубинских войск из Анголы, начиная с формального прекращения боевых действий в начале 1976 года, по 200 человек еженедельно! Однако, как отметил исследователь С. Лавренов, «этот договор остался на бумаге, а кубинский корпус – в Анголе, потому что гражданская война перешла в хроническую форму и временами резко обострялась⁹¹».

Первая группа советских военных советников (около 40 человек) во главе с полковником В. Трофименко прибыла в Луанду 16 ноября 1975 года; до этого они около недели

⁸⁸ Колоннин, С. А. Взрывы советских судов в Анголе / С. А. Колоннин // Союз ветеранов Анголы: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.veteranangola.ru/main/publikacii/nvo/vzrivsudov. – Дата доступа: 12.04.2010.

⁸⁹ Таким названием операции увековечили имя легендарной чернокожей рабыни Карлотты – одной из предводительниц восстания кубинских рабов 1843 года. – *Прим. А. К.-Т.*

⁹⁰ Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев. – С. ПО.

⁹¹ Лавренов, С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – С. 378.

провели в Конго (Браззавиле), буквально ожидая провозглашения независимости и возможности высадиться в столице Анголы. В составе этой группы были военные советники, специалисты и переводчики (курсанты ВИИЯ), в том числе белорусы *В. В. Костраченко* и *А. А. Григорович*. В начале 1976 года прибыла еще одна группа советских специалистов, в составе которой был уроженец г. Речица Гомельской области *В. К. Магоное*.

Если кубинцы прилетали в Анголу в основном воевать, то задачей наших специалистов было помочь создать правительственную армию, научить ангольцев воевать и обращаться с оружием. Высшее предписание командования было следующим: непосредственно в боевые действия не вступать. Доходило до того, что тем, кто находился не в воюющем округе, а, например, в столице, не полагалось носить оружие, хотя на улицах стреляли. Приходилось «разживаться» им у воюющих кубинцев, которые охотно делились с советскими «старшими братьями» своими трофеями: можно было найти практически любое оружие, от израильских автоматов «Узи» до американских и немецких (времен Второй мировой войны) пистолетов. В то же время, если начиналось полномасштабное наступление противника, особенно на территории боевых округов, советникам и специалистам приходилось не просто «советовать» или «учить личным примером» – приходилось в бою защищать свою жизнь.

После поражения операции «Саванна» на протяжении нескольких лет война носила затяжной позиционный характер. В эти годы было проведено несколько относительно успешных наступательных операций ФАПЛА, одна из которых – 28 февраля – 1 апреля 1978 года завершилась поражением группировки УНИТА в провинции Кванд о-Кубанго, пленением нескольких десятков человек и ликвидацией военных баз⁹².

В советской печати даже писали, что она практически закончена, только на юге продолжают «шевелиться сепаратисты»⁹³. В то же время значительно сократилась помощь УНИТА со стороны США, роль ФНЛА практически сошла на нет.

Но война тем не менее продолжалась: продолжались бои, продолжались бомбардировки южно-африканской авиации мирных объектов. В мае 1978 года вооруженные подразделения армии ЮАР в рамках проведения карательных операций против СВАПО (Народной организации Юго-Западной Африки) вторглись на территорию Анголы и разгромили лагерь намибийских беженцев в городах Кассинга и Четекера. В результате 876 человек были убиты, 200 ранены и несколько сотен человек взяты в плен⁹⁴. Годом позже президент Анголы А. Нето уже накануне своей смерти выступил в ООН с предложением о создании демилитаризованной зоны на протяжении 50 км анголо-намибийской границы – которое было отведено. Властям ЮАР крайне выгодно было использовать территорию Намибии как полигон и удобную базу для проведения наступательных операций на территории соседних «прифронтовых» государств.

В сентябре 1979 года произошло событие, получившее международный резонанс: южноафриканские «миражи» (бомбардировщики) разбомбили мебельную фабрику «Мадейраш де Уила» и военный склад⁹⁵. Очевидцем этого был бывший бортпереводчик Ан-26 ГВС *В. В. Шахноеича*, выпускник МГПИИЯ *А. С. Шлык*. Разбирательство этого дела проводилось под руководством Международного Красного Креста, как доказательства преступлений режима ЮАР.

В июне 1980 года южноафриканская пехотная бригада при поддержке трех эскадрилий истребителей-бомбардировщиков «мираж», двух десантно-транспортных самолетов, 20

⁹² Коломнин, С. Ангола: как все начиналось / С. Коломнин. – Режим доступа: // <http://www.veteranangola.ru/main/publikacii/soldieroffortune/angolanachalo>. – Дата доступа: 20.04.2010.

⁹³ Советская Белоруссия. – 1976-1979 гг.

⁹⁴ Африканский Юго-Запад: опыт миротворчества / Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 20 / под ред. А. В. Притворова. – М.: Издательский Дом «XXI век – Согласие», 2000.-С. 21.

⁹⁵ Паклин, Н. Ангола: поступь революции. Очерк второй / Н. Паклин // Азия и Африка сегодня. – 1978. – № 10. – С. 18–20.

вертолетов «Пума», 32 артиллерийских орудий и 40 бронемашин почти целый месяц удерживала ряд районов провинции Кунене. Официальное объяснение властей ЮАР гласило, что военная операция проводится в рамках борьбы с отрядами СВАПО. Однако в качестве мишени для точечных ударов были избраны не базы СВАПО, а те населенные пункты Анголы, где располагались важные для экономики сельскохозяйственные и промышленные объекты провинций Шангонго и Каама. Все они в той или иной степени пострадали⁹⁶.

⁹⁶ Фитунни, Л. Ангола: пять лет по пути социалистической ориентации.

От «Протеа» до «Навстречу Октябрю»

Второй крупнейшей операцией ВС ЮАР на территории Анголы после провала «Саванны» можно назвать операцию «Протеа» – нападение отрядов армии ЮАР на территорию граничившей с Намибией провинции Кунене (5-й военный округ), которая официально была направлена на ликвидацию лагерей СВАПО, базировавшихся здесь, где бойцы СВАПО проходили специальную подготовку.

Из газеты «Красная Звезда» от 29 августа 1981 года:

28 августа Ангола обратилась с официальной просьбой срочно созвать Совет Безопасности ООН для обсуждения вопроса об агрессии ЮАР против этой страны. В письме президента НРА Ж. Э. душ Сантуша генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму указывается, что положение ухудшилось.

От 3 до 4 бригад регулярной армии ЮАР атаковали подразделения ВС НРА, занимающих позиции на ангольской территории более чем в 100 км от границы с Намибией.

В письме далее сообщается, что город Онджива подвергся воздушной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу. В направлении к Шангонго войска расистского режима ведут при поддержке авиации наступление с участием примерно 125 танков и другой боевой техники.

С учетом серьезности обстановки, которая продолжает ухудшаться, говорится в письме, я прошу срочно созвать Совет Безопасности ООН, чтобы принять необходимые меры для предотвращения конфронтации еще большего масштаба. Совет должен потребовать немедленного вывода без всяких условий с территории НРА всех южноафриканских частей⁹⁷.

Вторжение отрядов ЮАР на ангольскую территорию началось около 22-24 августа 1981 года. 25 августа был окружен город Онджива. Сначала его обстреляли, а потом сбросили листовки приблизительно такого содержания: предъявителю сего при наличии при нем убитых офицеров, коммунистов и советских военных советников предоставляется право выхода из кольца⁹⁸. На раздумье давался один день. В свою очередь, советник командующего 5-м военным округом приказал держаться до последнего и в плен живыми не сдаваться.

Для выхода из окружения решили разделиться: в результате части советников вместе с остатками 11-й пехотной бригады ФАГОТА удалось с боями выйти из окружения и выжить, а часть – погибла, и один человек – прапорщик Николай Федорович Пестрецов – попал в плен. В числе погибших были две женщины – жены сотрудников советской миссии в Ондживе – и советник замполита 11-й бригады, уроженец г. Быхова Могилевской области БССР, подполковник *Иосиф Илларионович Важник*. Тело И. И. Важника вместе с телами других погибших было переправлено в ЮАР и около двух лет лежало в морге в Йоханнесбурге. После освобождения из плена Н. Ф. Пестрецову пришлось доставлять этот страшный «груз 200», в котором, кроме прочих, было тело его жены, на Родину. И. И. Важник похоронен в Минске на Чижовском кладбище. 21 ноября 2010 года его вдове, Евгении Григорьевне Важник (проживает в Минске), был вручен памятный знак Союза Ветеранов Анголы в Москве.

Из воспоминаний бывшего военного советника, подполковника запаса Е. П. Чернецова, участника боев на юге Анголы в провинции Кунене. «В гостинице встречаем чету Важников, Иосифа и Женю, из Нживы»⁹⁹. Тоже в отпуск (в июне 1981 г. – прим. А. К.-Т.). Поселяемся рядом. Женщины занялись своими делами, а мы с Иосифом отправились к

⁹⁷ Вышинский, Ю. Юг Африки: документы обвиняют. – С. 107.

⁹⁸ Коломнин, С. Русский спецназ.

⁹⁹ Вариант названия города Онджива – Нжива. – Прим. А. К.-Т.

Сунцову, доложились о прибытии. Он нам выдал наши офицерские удостоверения, вручил отпускные билеты и отправил в кассу за билетами на обратный путь, за 45 суток... Взяли мы билеты, доложили об этом и свободны, можем гулять!

В середине июля прибыл в управление, к Сунцову... Встретил Иосифа Важника. Он был в другой гостинице, приедет только к самолету. Так что не погуляли мы с ним по Москве, как планировали, направляясь в отпуск.

Проторенными маршрутами буры больше не пользовались, да и налетов на Лубанго больше не было. «Стрелы» тогда не пригодились. А вот сейчас! Очень уж много полетов авиации буров. И днем, и ночью. Ночью смотреть интересно, они даже не выключали аэронавигационных огней и не думали скрываться.... В конце августа... в одно из воскресений, утром заметил, что все антенны локаторов вертятся как ужасенные. И почти сразу же, около радиовысотометра, взрыв, но он продолжает работу... Бегом в дом, переодеться, а то в спортивном костюме воевать неудобно.

...В Кааме... новости оказались хуже некуда. 19-я бригада в Шангонго больше не существует, о советниках известий нет. 11-я бригада в Нживе сообщила, что окружена, но продолжает сопротивление. Говорят, что советник командующего округа послал в Нживу, советникам бригады, телеграмму с требованием сопротивляться до последнего, в плен не сдаваться. Но я этой телеграммы никогда не видел, и аналогичной нам в Кааме не зачитывали.

В один из дней пришла информация, что 11-я бригада разбита полностью, некоторые советники погибли, и женщины тоже, кто-то попал в плен к бурам. И якобы буры концентрируют войска около Каамы.

В один из дней... из штаба округа получили распоряжение для советников: прибыть в Лубанго на сборы. Приехали, ребята встретили, отправленные ранее в округ, жены. И вышедшие из окружения советники из Шангонго и Нживы. Так я узнал, что... погибли Иосиф Важник, Женя Киреев и его жена Лида, Галя (Ядвига) Пестрецова. Сам Коля Пестрецов попал в плен к бурам, и якобы они считают его советским разведчиком – спецназовцем. Нам рассказали очевидцы, где, как и что происходило¹⁰⁰».

Из дневника Татьяны Худоерко, жены военного советника Алексея Худоерко, участницы событий в Ондживе в августе 1981 года: «И вот всё ЭТО началось 21-го августа 1981 года. К вечеру мы узнали, что Касту, что севернее нас на 200 километров, сегодня днем бомбили, дорогу перекрыли и все пути к нам закрыты, но наш начштаба успел проскочить до бомбежки... На следующий день узнаем, что бомбили Шангонго – это уже 100 километров от нас на север.

25-го августа на нашу Нживу юаровцы сбросили листовки, что, мол, завтра, 26-го августа, ваш город будет снесен с лица земли. И те, кто хочет жить, пусть выходят на трассу без оружия в гражданской одежде и идут на север – никто вас не тронет. Но это была ловушка!

Мы всю ночь просидели в рефуже (убежище). Страшно вспомнить, что мы пережили, передумали тогда. И 26-го августа, как только солнце стало всходить, мы все покинули нашу миссию и переехали в убежище на КП: оно было больше и глубже. А то в нашем убежище стало тесно: туда привезли какой-то интернат. Бедные детки жили в нашем «красномуголке» и прятались в нашем убежище. Весь день 26-го и в ночь на 27-е августа было тихо, не было ни одного самолета. И вечером 26-го мы вернулись в нашу миссию успокоенные, что все утихло. По радио слышали, что ноту протеста послали и Москва, и Куба, и Португалия. Думаем, что, может, юаровцы испугались, да ушли и не тронут наш город. Спали ночь спокойно. Утром... Мы услышали гул самолета, выскочили на улицу и уви-

¹⁰⁰ Красная Звезда. – 1981. – 29 авг. – С. 3.

дели: летает над нами небольшой самолетик-рама и по нему анголане начали стрелять из зенитки. Нам показалось, что это кубинский самолет (а вдруг прилетел за нами!), а они по нему стреляют – даже жалели его! Но, увы, это был юаровский самолет-наводчик, и он сообщал данные истребителям, реактивным самолетам.

Прошло немного времени, и Коля (Н. Ф. Пестрецов. – А. К.-Т.) сказал нам, что если мы сейчас не выберемся из нашей миссии, то нам конец. Город весь полыхал. Мы, женщины, схватились за руки и стояли как вкопанные. Тогда он начал на нас кричать: «Вылазьте, говорю, а то нас сейчас тут всех перебьют к чертовой матери!» Мы все кинулись бежать. Я бежала самая первая, но только до первого дома: потом вдруг ноги стали ватные и совсем не было духу бежать, губы пересохли. С горем пополам добежали мы до дороги, а там нас уже догнал Коля на машине. Мы попрыгали в нее и поехали до главного КП, где были наши мужья. Убежище там было большое: длинный коридор и по обе стороны много комнатушек, завешанных занавесками. Говорили, что нам на помощь должны вот-вот подойти кубинские войска. А в городе шел сильный бой, и к 12 часам дня нам сказали, что в городе уже юаровские танки.

Ангольские войска начали отступление, а мы покидать убежище... Вокруг все грохотало, а мы бежали к своей машине: я ее не видела – Леша тащил меня за руку. Она, оказалось, была в маскировочной яме. В нашей машине были: Леша (муж Татьяны военный советник А. Худоерко. – Прим. А. К.-Т.) за рулем, я, Лида, Евгений, Томаш и еще несколько «сигуранцев» облепили ее снаружи, держась за борта. Мы ехали между деревьев по песку. Ехать было очень трудно. Нам вдогонку Федор – наш старший, кричал, чтобы мы ехали за техникой, а сам остался с переводчиком Леонидом. На другой машине ехали Коля за рулем, Галя, Вовка, Наташа, Юра, Рая и Иосиф (Важник. – Прим. А. К.-Т.).

Самолеты налетали каждые 5-10 минут, все вокруг бухало. А эта «рама» летала и летала. Наша машина ехала первой; мы ехали от дерева к дереву, и как только приближался самолет, мы все выскакивали и бежали подальше от машины. Так мы продвигались за техникой, которая от нас ушла очень далеко: она шла, не останавливаясь, и ее сильно побили самолеты. Потом мы спохватились, что не видно второй машины.

Рядом страшно так бабахнуло, что задрожал воздух и еще долго не было ни наших, ни Лешы. А потом видим, что едут они на нашей машине: свою они бросили, так как осколками пробило все шины. Все, естественно, мы в одну машину не поместились, да и страшно было на ней ехать: все равно приходилось часто из нее выскакивать. Коля ехал за рулем и вез все наши самые необходимые вещи, а мы все бежали за машиной, перебегая от дерева к дереву. Лида, бедная, Лидия Прановна Киреева! Ей тогда было 40 лет, и она страдала астмой. И каково ей было бежать!? Она постоянно отставала от нас, и ее муж Евгений Викторович тащил Лиду Прановну за руку, а мы добежим до ближайшего укрытия и ждем их. Лидия Прановна красная как рак.

А потом мы все вдруг стали кашлять, потому что у всех начало першить в горле. И тут мы увидели, что вдоль дороги вспыхивают небольшие желтые облачка, и поняли, что юаровцы применили химическое оружие. Мы сразу стали удаляться вглубь шан, подальше от дороги. Машину свою мы оставили, но впопыхах забыли в ней все продукты и воду! Хоть бы один лимон надо было взять! Никто тогда не подумал об этом – не до того было! И потом, мы не допускали мысли, что не вернемся больше к машине!

Мы залегли под дерево и небольшой кустарник, зарылись в листья, спрятав все белые, красные и прочие яркие полоски на наших платьях, у кого они были... Вертолет летал низко, очень низко – мы даже перестали дышать, а он все кружил и кружил над нами. Я лежала вниз лицом, а Леша вверх, и поэтому он рассказывал, что ему было видно: дверь вертолета была открыта, и здоровенный парень, белый, с закатанными рукавами стоял в проеме с

автоматом и стрелял под деревья и по кустам. Не знаю, сколько он летал над нами, может 15-20 минут, но нам это показалось вечностью.

Мужчины решили, что мой Леша, Иосиф и Томаш сейчас пойдут к дороге и оценят там обстановку, а потом и мы, если юаровцев там нет, присоединимся и пойдём через дорогу на север. Они встали и пошли. Но только они отошли на несколько десятков метров, как я, обернувшись, увидела позади нас юаровских солдат и закричала: «Так вот они!» Мы бросились врассыпную, а они начали по нам стрелять... Юаровцы выпустили по нам несколько очередей, а потом перенесли огонь в сторону дороги. Потом Леша рассказывал, что когда он увидел, что около тридцати юаровских солдат берут нас в кольцо, то он встал в полный рост и стал стрелять по ним из автомата. К нему присоединился замполит Иосиф Илларионович, и юаровцы, забыв про нас, вступили с ними в бой. А после того как Леша бросил в них гранату, они вообще не смогли понять, куда мы подевались, и двинулись в сторону дороги. Леша говорил, что пули свистели над головой и он видел, как Иосиф тоже перебежал через дорогу...

Стрельба удалилась и стихла, а мы лежали за этим злосчастным заборчиком: рядом со мной лежали Рая и Вовка Сытенко, а чуть правее от нас ближе к заборчику лежали друг за другом Галка, Толик и Коля. У Гали разорвало пулей правое плечо – прямо кость всю раздробило. Она прохрипела раза три и сникла, рука стала синей. Я вытащила из кармана стерильный бинт и хотела бросить его Толику, который лежал рядом с ней, но Толик сказал: «Уже не надо...»

Я очень хорошо слышала, как юаровцы подошли к Николаю: он им что-то говорил, а они смеялись, как жеребцы. Коля остался возле Галки: он был в таком невменяемом состоянии, что ему, видно, было все равно. Его взяли в плен. Боже! Какое страшное слово! И ведь накануне он говорил: «Братцы! Ничего не боюсь! Боюсь плена!» Временами раздавались выстрелы, но кто стрелял и в кого, мне было не известно. Заработала рация, юаровцы что-то передавали, но я слышала обрывки фраз, из которых поняла только отдельные слова: «Quarto tem! Onde estão os outros?» – «Четверо есть! Где остальные?».

Где-то на шестой или седьмой день дед привел к нам двух солдат ФАЛЛА. Один из них был курсантом из Луанды. Днём они ходили нам за водой, переодевшись в гражданскую одежду – кеды, трусы и голый торс.

Потом мы послали их в город, чтобы сходили и узнали, кто в городе. Они ушли, но вернулся только один курсант – его звали Матеуш, а тот, другой, сбегал. Вернулся он за нами с радостной вестью: нас на дороге ждёт санитарная машина из Нживского госпиталя... Мы сели в машину и поехали.

Потом мы по радио услышали, как юаровцы говорили, что во время операции убиты два советских подполковника и две женщины, а один взят в плен – П. Ф. Пестрецов. Мы были ошеломлены! Мы не верили! Не могло такого быть! Как убиты?! Наши товарищи убиты?! Тогда мы знали точно только про Галю. Потом, уже позже, мы узнали, что да, убиты и Лида, и Евгений, и Иосиф. А Коля точно в плену.

Через неделю нас, женщин, отправили в Москву, а мужчины остались»¹⁰¹.

Резонанс пошел по всей Анголе, повсюду начались нападения партизан-унитовцев на правительственные войска, столкновения с советскими советниками. Именно в одной из таких стычек получил черепно-мозговую травму, последствия которой позже привели к получению инвалидности П группы, переводчик, белорус, уроженец г. Лида Гродненской области С. П. Баягин, служивший достаточно далеко от Ондживы, в Сауримо (восток Анголы, провинция Южная Лунда, 3-й военный округ).

¹⁰¹ Чернецов, Е. П. Самые памятные дни. – С. 105–112.

Вопросы урегулирования конфликта в Анголе неоднократно обсуждались на высоком международном уровне, во время встреч министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и госсекретаря США в 1982 году – вплоть до попытки прийти к мирному соглашению. Именно Громыко принадлежит утверждение, что Юг Африки – одно из двух возможных направлений (наряду со сферой неприменения ядерного оружия), в которых Советский Союз и США способны взаимовыгодно сотрудничать¹⁰².

14 декабря 1983 года была объявлена операция «Сафари»: 22 декабря юаровцы достигли Кассинги, пройдя от намибийской границы 200 километров вглубь территории Анголы. 25 декабря 1983 года была начата крупная (силами трех южных военных округов) операция войск ФАЙЛА по разгрому формирований УНИТА и подразделений армии ЮАР. Одной из целей было полное освобождение от УНИТА провинции Маланже. Эта операция проводилась совместно ангольскими и кубинскими войсками и увенчалась успехом. К сожалению, конкретных сведений о принимавших в ней участие военных советниках, тем более о представителях Беларуси среди них, пока не найдено. В то же время, газета «Ранд дэйли мейл» (Йоханнесбург) сообщала: «По числу погибших солдат наше нынешнее вторжение в южную Анголу стало самым дорогостоящим после операции «Саванна» 1975-1976 гг.»¹⁰³.

Летом 1984 года произошло нарушение границы Анголы войсками южноафриканской группировки, сосредоточенной на севере Намибии, и вооруженные столкновения начались на территории 3-го, 4-го и 5-го военных округов. Ситуация стала по-настоящему опасной, поскольку, во-первых, ангольские бригады (особенно в округе Лубанго) несли большие потери, а во-вторых, в опасном положении оказались и кубинские соединения, которые базировались в районе Бенгельской железной дороги (провинция Бенгела), пересекающей Анголу, как и всю Африку, с запада на восток.

На уровне руководителей государств – президента Анголы Ж. Э. душ Сантуша и руководителя Кубы Фиделя Кастро – велась переписка по следующему вопросу: дать юаровским отрядам бой на юге страны, или отвести соединения ФАПЛА на рубеж Бенгельской железной дороги и дать юаровцам бой совместными силами. В итоге, под влиянием ГВС в Анголе генерала К. Я. Курочкина и консультанта ГШ СССР генерала В. И. Варенникова, было принято решение не отводить войска, провести операцию на юге страны, удерживая занятые рубежи и не пуская отряды ЮАР вглубь провинций 5-го военного округа, не далее приграничных с Намибией районов. Операция увенчалась успехом.

В течение 1984-1986 годов планировались и проводились отдельные операции по захвату неофициальной столицы УНИТА – города Мавинги в провинции Квандо-Кубанго. Это была территория 6-го военного округа, «самого боевого», в котором войска ФАПЛА контролировали только несколько населенных пунктов. Свообразным южным форпостом влияния ФАПЛА в этом регионе был небольшой городок Куито-Куанавале, на остальной территории господствовала УНИТА. Целью многочисленных локальных операций, как УНИТА, так и спецподразделений ЮАР, было захватить этот город, поскольку тогда им открывалась беспрепятственная дорога во всю южную и юго-западную часть Анголы. Однако ничьи планы – ни правительственных войск по захвату Мавинги, ни противника по разгрому Куито-Куанавале – так и не были в эти годы реализованы.

Одной из главных целей войск УНИТА было блокирование сообщения Куито-Куанавале с центром провинции Квандо-Кубанго – Менонге, как наземное, так и воздушное. Части УНИТА минировали дорогу, осуществляли нападения на колонны ФАПЛА, а группы юаровских «охотников» пытались прерывать воздушное сообщение, сбивать – и

¹⁰² Африканский Юго-Запад: опыт миротворчества. – С. 31.

¹⁰³ Худоерко, Т. Дневник / Т. Худоерко // Глазами женщины // Союз ветеранов Анголы: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/tatyana_hudoerko. – Дата доступа: 04.03.2016.

часто успешно – летательные аппараты, самолеты, вертолеты, на борту которых находились не только ангольцы, но и советские военнослужащие, и которые пилотировали часто советские же летчики. Именно из Куито-Куанавале летел самолет Ан-12, бортовой номер 11747, сбитый 25 ноября 1985 года группой «охотников» во главе с капитаном юаровского спецназа Андре Дидериксом. Весь экипаж и все пассажиры (которых было больше десятка) погибли. Среди них были уроженец г. Слонима командир экипажа капитан *Сергей Васильевич Лукьянов* и пассажир – советник начальника тыла 11-й пехотной бригады ФАГОТА майор *Михаил Михайлович Жерносек* (уроженец Витебской области, проживал в Бресте). В боях за Куито-Куанавале в 1986 году принимали участие бывший военный переводчик, выпускник МГПИИЯ, лейтенант (сейчас старший лейтенант запаса) *Сергей Петрович Демидчик*, бывший советник по артиллерии 13-й пехотной бригады ФАГОТА подполковник (ныне подполковник запаса) *Петр Павлович Бондаренко*.

Ангольский «Сталинград»

В июле 1987 года началась крупная наступательная операция отрядов ФАГОТА «Навстречу Октябрю» (иной вариант названия – «Приветствуем октябрь»), подготовленная совместно ангольским командованием и советским советническим аппаратом. Целью операции в очередной раз были объявлены взятие Мавинги и последующий окончательный разгром формирований УНИТА на территории Анголы. Однако у плана этой операции был один недостаток, отмеченный всеми участниками событий, и специалистами, и переводчиками. Советское командование планировало свои действия в расчете на такого солдата, к которому оно привыкло – то есть, на советского, который мог бы прийти в указанные сроки не только до Мавинги, но и, если поступит приказ, до Йоханнесбурга. Однако боевые качества солдат ФАГОТА были гораздо ниже, и военное мастерство – тоже. Конечно, за десять лет ФАГОТА стала вполне боеспособной армией, и с отрядами УНИТА ее подразделениям справиться было бы вполне по силам. УНИТА – но не регулярной армии ЮАР.

На юге Анголы разгорелись ожесточенные бои, о которых участники, побывавшие до Анголы в других горячих точках, отзывались примерно так: «Таких ужасов, как здесь, в Афгане мы не видели... Ъ». Бригады ФАГОТА поначалу завладели инициативой, и если бы не задержки в передвижениях и доставке боеприпасов и «издержки» ангольского командования, цель операции была бы достигнута. Но, не желая допустить окончательного разгрома УНИТА, в дело включились подразделения ЮАР, и, как вспоминал участник событий Игорь Ждаркин, «это стало началом провала операции, началом трагедии». В ход пошли тяжелые бомбардировки и обстрелы, применение химического оружия, в результате которого отравились десятки людей, в том числе и военные советники 49-й бригады ФАГОТА. Бригады попадали в окружение, ангольские солдаты бросали оружие и технику, разбежались, только услышав о том, что в наступление идет батальон «Буффало». Так преимущество оказалось на стороне отрядов УНИТА, которые совместно с подразделениями армии ЮАР попытались захватить город Куито-Куанавале. Сражение за этот форпост ФАГОТА продолжалось почти год.

Положение правительственных войск было спасено только благодаря кубинским союзникам. К 16 ноября наступление УНИТА было остановлено в 10-15 километрах от Куито-Куанавале, однако бомбардировки города и окрестностей продолжались. Взлетная полоса в городе была разбита, сообщение по воздуху почти полностью прекращено, добраться до Куито-Куанавале из Менонге можно было только по единственной дороге длиной около 200 километров. Эта дорога, которая постоянно минировалась и обстреливалась, стала местной «дорогой жизни», поскольку только по ней доставлялись продукты и письма.

Затяжные бои продолжались до конца марта 1988 года. 23 марта отряды УНИТА и ЮАР предприняли решающий штурм, с применением тяжелой артиллерии и танков «Олифант». Штурм был отбит, а стратегическая инициатива перехвачена кубинскими подразделениями и бригадами ФАГОТА. К концу мая 1988 года кубинцы практически подошли к границе Анголы с Намибией. Так было выиграно сражение, получившее звучное название «битва за Куито-Куанавале».

Претория запросила мира. В результате длительных переговоров между США, СССР, Анголой, Кубой и ЮАР 22 декабря 1988 года в Нью-Йорке было подписано соглашение о полном выводе войск ЮАР из Анголы и предоставлении независимости последней африканской колонии, Намибии – в обмен на вывод и возвращение на родину кубинского воинского контингента. Это серьезнейшее военное и политическое поражение ЮАР привело к смене политического курса в Южно-Африканской Республике и ускорило демонтаж режима

апартеида в этой стране. И Фидель Кастро, и первый чернокожий президент ЮАР Нельсон Мандела утверждали, что победа под Куито-Куанавале стала поворотным пунктом в борьбе чернокожего населения ЮАР за свободу от политики апартеида¹⁰⁴.

Исследователь-африканист О. В. Опанасенко утверждает, что эта дипломатическая победа СССР стала возможна, в первую очередь, потому что и для Советского Союза, и для США, и для остальных явных и тайных участников конфликта стало очевидно, что чисто военной победы добиться ни у одной стороны не получится. Кроме того, эта война требовала все больших и больших финансовых затрат: по самым приблизительным подсчетам, боевые действия на территории Анголы и Намибии обходились в 2 млн долларов в сутки¹⁰⁵.

Плюс ко всему, США и Великобритании стало невыгодно поддерживать Преторию – а без помощи извне экономика Южно-Африканской республики испытывала серьезные затруднения, особенно в условиях кризиса 1985 года и резкого падения цен на золото¹⁰⁶. Вывод войск ЮАР из Анголы завершился полностью к 1 сентября 1988 года: «Густые облака едкой желтой пыли висели над берегом Оваканго. Колонна танков, тяжелых бронемашин и тупорылых грузовиков с солдатами, скрежеща сталью, вползала на понтонный мост. А когда последняя машина пересекла реку и оказалась на намибийской земле, южно-африканские саперы принялись демонтировать мост... Конечно же, в глубине души каждый из них благодарил Бога, что остался жив. Ведь эти южноафриканские парни (их было около тысячи, почти половина – белые), последними пересекшие анголо-намибийскую границу, возвращались из-под Куито – Куанавал е»¹⁰⁷.

Кубинское руководство учредило для участников этой битвы специальную боевую награду, весьма почетную – медаль «За оборону Куито-Куанавале». Эти награды кубинские военачальники собирались вручить действительным защитникам города, своим военнослужащим – и советским, к которым они относились как к братьям. Они даже попытались, предвидя сложности и склонность отдельных «штабных» присваивать себе чужие подвиги, доставить медали в Куито-Куанавале в обход советского командования, однако утечка информации произошла, часть наград ушла в штаб советской военной миссии. И все же такой медалью награждено было около 90 советских советников и специалистов. На данный момент среди них выявлено пять представителей Беларуси:

уроженец Гомеля, советник командующего 6-м военным округом полковник *Владимир Ефимович Альтшуллер*:

житель Бреста, советник начальника политотдела 38-й десантно-штурмовой бригады подполковник (в настоящее время полковник запаса) *Анатолий Павлович Давыдовский*:

минчанин, специалист при офицере наведения ЗРК С-125, капитан (ныне майор запаса) *Юрий Михайлович Морозов*:

житель г. Барановичи, переводчик 25-й рейдовой бригады, лейтенант-двухгодичник (ныне старший лейтенант запаса, выпускник МГПИИЯ) *Олег Аркадьевич Грицук*;

уроженец Гомеля, переводчик 21-й пехотной бригады, младший лейтенант (ныне подполковник запаса) *Игорь Анатольевич Ждаркин*.

Участники этой битвы *Ю. М. Морозов* и *И. А. Ждаркин* были также награждены медалями «За боевые заслуги», *П. П. Бондаренко* – орденом Красной Звезды.

В последующие годы самым крупным военным событием стала операция «Зебра» – снова направленная на взятие Мавинги. Одновременно с этим продолжались военные операции локального значения, вывод кубинских войск из Анголы и сокращение советского

¹⁰⁴ Васильев, Б. Грязные дела черного петуха.

¹⁰⁵ Молев, В. За ночью приходит рассвет / В. Молев // Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 5. – С. 5–8.

¹⁰⁶ Ждаркин, И. А. «Такого не было даже в Афгане...». – С. 20.

¹⁰⁷ Молев, В. За ночью приходит рассвет. – С. 5.

советнического аппарата, что было завершено к 1992 году. Гражданская война была приостановлена. После захвата бригадами ФАПЛА Мавинги и завершения ряда прочих операций, при посредничестве Португалии, США и СССР Ж. душ Сантуш и Ж. Савимби подписали так называемые Биссекские соглашения. Савимби признал лидера МПЛА легитимным президентом, боевые действия были прекращены, обе армии сосредоточены в 50 специально отведенных населенных пунктах. Были назначены всеобщие демократические выборы, на которых населению страны предстояло выбрать новую власть. Ангольское командование наградило своих и нескольких советских офицеров боевой медалью «За взятие Мавинги»; среди награжденных ею – председатель российского Союза Ветеранов Анголы, выпускник Минского суворовского училища *Вадим Андреевич Сагачко*.

Сокращение советского военного присутствия в Анголе началось после 1988 года – после вывода из Анголы южно-африканских и кубинских войск. Сначала сокращалось число советников, позже – специалистов. Как правило, по возвращении на родину бывшие советские советники и специалисты после 1983 года получали удостоверения участников боевых действий. Но, к сожалению, не все. Причины тому следующие. Во-первых, отметок в личных делах о пребывании в «горячей точке» не ставилось (ставилось «отбыл в распоряжение 10 ГУ ГШ СССР»), а во-вторых, само пребывание в Анголе (в отличие, например, от Афганистана) не считалось участием в боевых действиях – таковым признавалось только участие в боевых операциях. Таким образом, залогом присвоения статуса ветерана войны становились добросовестность командования и собственная настойчивость.

Долгий путь к миру

Что касается заключительного этапа гражданской войны, который начался сразу после проведения президентских выборов 1992 года и стал едва ли не самым кровавым в истории этого долгого и изматывающего конфликта, то к истории независимой Республики Беларусь этот этап не имеет непосредственного отношения. Поскольку наша республика не содержит миротворческие войска, а наши граждане не служат в миротворческих миссиях ООН, официально они не могли командироваться в Анголу в этот период, когда миротворческие миссии осуществляли в стране так называемые *peace-keeping operations* – операции по поддержанию мира.

Однако в то же время в Анголу продолжали летать гражданские летчики, в том числе и из Беларуси. В течение 1996-1998 годов было отмечено несколько случаев гибели российских самолетов, обслуживавших по контрактам внутренние ангольские авиалинии, или попадания экипажей в плен к УНИТА. Впоследствии, если летчикам удавалось выйти на связь, оказывалось, что их переправляли на территорию Заира или Конго и там заставляли выполнять полеты на территорию Анголы – на аэродромы, находившиеся под контролем отрядов Савимби. Например, в октябре 1998 года во время полета из Нзаги в Луанду пропал без вести самолет Ан-12Б ГНЦ РФ ЛИИ им. М. М. Громова, работавший в Анголе по контракту с авиакомпанией Maweva. Судьба экипажа, командир которого – *Кутявин Юрий Иванович* – являлся гражданином Республики Беларусь, до сих пор остается неизвестной¹⁰⁸.

Этнические белорусы и уроженцы Беларуси, которые после развала СССР остались жить в России или в Украине и, соответственно, служить в российских или украинских вооруженных силах, могли быть командированы в Анголу для службы в составе контингента миротворческих миссий ООН. Точно так же белорусы и уроженцы Беларуси могли в разные годы эмигрировать в страны дальнего зарубежья и оказаться в составе тех же миротворческих миссий ООН уже по направлению тех государств, гражданами которых они стали.

Несмотря на подписание в 1994 году Лусакского протокола лидерами МПЛА и УНИТА Ж. Э. душ Сантушем и Ж. Савимби, боевые действия продолжались. В первую очередь – по вине Савимби. Именно Савимби ни разу не выполнил до конца обещание разоружить свои войска и всегда сохранял за собой в труднодоступных районах страны хорошо вооруженные и боеспособные отряды. После собственного проигрыша душ Сантушу на президентских выборах 1992 года Савимби отказался от предложенного ему поста вице-президента и возобновил вооруженное противостояние, поскольку хотел только одного – полной и безоговорочной собственной победы. Как высказались в интервью СМИ Франции и США 29 февраля 1992 года диссиденты УНИТА Тони да Кошта и Мигел Нзау Пуна, «пока Савимби будет находиться во главе руководства УНИТА, можете быть уверены, что в Анголе не наступит мир. Он против демократии, против всех и вся, против тех, кто мыслит иначе, чем он. Савимби приказал убить много людей. Жамба исключительно по воле Савимби превратилась в ад, застенки для заложников. Это хуже нацистского концлагеря. Савимби – предатель, предатель идеалов нашей борьбы, он предал наши принципы, предал наших друзей. Сегодня мы превратились в вооруженную группировку, которая не смогла приспособиться к демократическому режиму, и к открытому плюралистическому обществу»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Коломнин, С. «Ангольский Сталинград» / С. Коломнин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.veteranangola.ru/main/publiracii/angolastalin. – Дата доступа: 26.04.2010.

¹⁰⁹ Дореш Себастьяш, Б. Л. даш. Ангола. Современное состояние. Перспективы развития. Отношения с Россией / Ученые записки Ин-та Африки РАН. Выпуск 7. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 13.

Ангольский историк-исследователь Б. даш Дореш Себастьяш утверждает, что одной из причин, породивших военно-политический конфликт в Анголе в конце сентября 1992 года, стало полное и открытое игнорирование Контрольной миссией ООН в Анголе публичных разоблачений, сделанных накануне выборов М. Нзау Пуна и другими бывшими высокопоставленными руководителями УНИТА (диссидентами, позже перешедшими в открытую оппозицию Ж. Савимби). Они утверждали, что в распоряжении Савимби в г. Ликуа на юго-востоке страны была сосредоточена армия численностью в 20-25 тыс. человек, включая подразделения спецназа, находившиеся вне контроля международных наблюдателей. Как ни парадоксально, представители самой ООН выступили с публичным заявлением, отвергающим подобную информацию.

Между тем подразделения УНИТА действительно находились в состоянии боевой готовности и ждали только приказа к выступлению. Не признав волеизъявления народа, Ж. Савимби и подконтрольные ему силы развязали новую войну, которая за короткий срок унесла тысячи жизней ангольцев, вызвала огромные потоки беженцев. Количество убитых и оставшихся без имущества и крова с октября 1992 года превысило количество жертв за все годы гражданской войны 1975-1992 годов¹¹⁰. Кроме того, Савимби имел хорошую финансовую поддержку – поскольку УНИТА сохранил за собой контроль за крупнейшими месторождениями алмазов (в частности, в провинции Южная Лунда). Добытые старателями алмазы нелегально переправлялись в ЮАР, Израиль; есть сведения и о доставке их для огранки в Украину¹¹¹. В итоге кровопролитие затянулось еще на десять лет.

Савимби неоднократно получал предложение занять пост вице-президента и интегрировать свои вооруженные отряды в правительственную армию. Однако, желая лишь бесконтрольной единоличной власти, всегда отказывался от этого и возобновлял боевые действия.

Война продолжалась, несмотря на присутствие в стране миротворческих сил ООН. Поскольку МПЛА после развала СССР отказался от марксистской составляющей своей идеологии, западные страны, ранее поддерживавшие УНИТА, стали оказывать помощь ангольскому правительству, вкладывать средства в добычу полезных ископаемых и способствовать наступлению мира. В частности, в 1994-1997 годах в Анголе находились миротворческие войска ООН и гражданские силы в составе миссий (UNAVEM I–III), проводившие операцию по поддержанию мира в стране (peace-keeping operation)¹¹². Их обязанности заключались в том, чтобы контролировать процесс распространения власти центрального правительства над всеми регионами страны, наблюдать за разъединением сторон и соблюдением условий перемирия. При этом военный блок отвечал за проверку информации о численности и передвижениях боевых подразделений сторон, наблюдение за выводом, размещением и демобилизацией отрядов УНИТА, руководство процессом сбора и хранения вооружений. Гражданские силы ООН контролировали деятельность ангольской полиции, занимались вопросами ее реформирования и интегрирования в нее бойцов УНИТА, оказывали помощь в разминировании территории и координировали работу в гуманитарной сфере¹¹³.

Пик вооруженного противостояния пришелся на 1998-2002 годы: несмотря на достигнутые договоренности по мирному урегулированию конфликта и превращению УНИТА в обыкновенную политическую партию, Савимби сохранил несколько хорошо подготовлен-

¹¹⁰ Африканский Юго-Запад: опыт миротворчества. – С. 31.

¹¹¹ Лавренов, С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – С. 378.

¹¹² Подробнее о работе миротворческих миссий ООН в Анголе можно прочитать в воспоминаниях подполковника И. А. Ждаркина «Такого не было даже в Афгане...». – Прим. А. К.-Т.

¹¹³ Африканский Юго-Запад: опыт миротворчества. – С. 65.

ных вооруженных отрядов в состоянии боеготовности, желая сохранить за собой контроль над алмазодобывающими регионами и вообще иметь монополию на незаконный алмазный бизнес¹¹⁴. Работа миссии **ООН** фактически была сорвана действиями УНИТА. Тем более что мандат миссии **не предполагал** силовых действий. Участники операции по поддержанию мира (peace-keeping operation), в отличие от операции по принуждению к миру (peace-making operation), вообще не имеют права носить оружие.

Прекратилось же все практически в одночасье: как только некому стало отдавать приказы о наступлении. То есть – после убийства Жонаса Савимби. Дело в том, что внутри УНИТА после 1999-го года формировалась так называемая «обновленная» политическая оппозиция, главной целью которой были прекращение боевых действий и мирный конструктивный диалог с Луандой. Потому... не такой уж фантастической кажется гипотеза, что убили его свои же соратники, которым просто надоело воевать. Его преемник Антониу Дембо собирался продолжить вооруженную борьбу против МПЛА, однако вскоре он сам скончался от ранений, полученных в том же бою. Руководство УНИТА перешло к Паулу Лукамбе – стороннику компромисса с ангольским правительством. 30 марта 2002 года в городе Луэна – административном центре провинции Мошико – было заключено соглашение о прекращении огня. УНИТА была окончательно легализована и стала партией парламентской оппозиции во главе с ее лидером Исаяша Самакува.

¹¹⁴ Россия (СССР) в войнах второй половины XX века [участие российских (советских) военнослужащих в боевых действиях за пределами Российской Федерации (СССР) после Второй мировой (1946-2002)] – М.: Триада-фарм, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/rus_war/13.php. – Дата доступа: 13.12.2011.

Уважение или забвение, или Чем встретила Родина

По подсчетам Союза ветеранов Анголы, на протяжении только 1975-1992 годов в НРА было командировано приблизительно 12 тыс. советских военнослужащих, не считая гражданских специалистов (инженеров, медицинских работников, пилотов, журналистов и т. д.). Сколько среди них было представителей БССР, еще предстоит подсчитать полностью, как еще предстоит определить и само точное количество тех, кого по праву можно причислить к ветеранам войны в Анголе. Военные комиссариаты владеют только частью информации, остальное приходится устанавливать через архивы и личные связи, а многие документы до сих пор остаются засекреченными.

Многие участники войны в Анголе уже признаны воинами-интернационалистами, имеют соответствующие (хоть и небольшие) льготы, носят заслуженные награды. Но есть среди них и те, кто после возвращения на Родину попытался получить признание своих заслуг, однако столкнулся с непониманием и даже враждебностью, выраженными одной, ставшей, к сожалению, крылатой, фразой *«Мы вас туда не посылали»*. Есть и те, кого несколько раз представляли к боевым наградам, но по каким-либо причинам эти представления не доходили до вышестоящего командования. В основном это касается военных переводчиков: очень часто, когда их представляли к наградам, успехом почему-то это не увенчивалось. Публикация воспоминаний этих людей может снова привлечь внимание к этой проблеме и помочь восстановить справедливость.

Несмотря на относительно небольшие масштабы вовлечения наших соотечественников в вооруженный конфликт в Анголе, на протяжении 17 лет они направлялись туда, выполняли интернациональный долг в сложных климатических условиях, участвовали в боевых действиях против хорошо подготовленного противника, приобретали и теряли боевых друзей, а кому-то и вовсе не суждено было вернуться назад. Однако все эти люди достойны уважения и благодарности, их опыт, боевой и жизненный – изучения, понимания и перенимания, а их история – памяти.

Часть II. Человек на войне: воспоминания ветеранов войны в Анголе

Устная история давно признана перспективным направлением современной науки. Воспоминания непосредственных участников и очевидцев событий являются ценным историческим источником. Как отмечает в своих работах крупный специалист по психологии войны Е. С. Сенявская, «значение мемуарных и эпистолярных источников очень велико, и дело даже не в том, что по целому ряду вопросов они служат единственным свидетельством. Источники личного происхождения играют первостепенную роль в воссоздании «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо и само их понимание. Именно эти источники позволяют приоткрыть внутренний мир своих создателей, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным»¹¹⁵.

Конечно, нельзя быть уверенными в непогрешимой точности воспоминаний конкретных людей. Человеческая память избирательна, фиксирует лишь наиболее яркие и близкие человеку события, при этом могут перепутаться даты, забыться имена и точные названия мест. В то же время именно воспоминания способны предоставлять нам такие уникальные сведения, которых не содержат и не могут содержать документы и справки. А именно: личные впечатления непосредственных участников событий, подробности и обстоятельства, известные только им. И если хромающую достоверность фактов практически всегда можно уточнить, перепроверить по документам или свидетельствам других людей, то эмоции, мысли и чувства, которые испытывал именно в тот момент именно этот человек и которыми он готов поделиться с исследователем, бесценны. Воспоминания позволяют узнать отношение участников событий к тому, что с ними происходило, к поступкам, которые приходилось совершать, к решениям, которые приходилось принимать в тех или иных обстоятельствах.

Война – это всегда экстремальные условия, это всегда обстановка повышенной опасности, даже если речь идет не непосредственно о зоне боевых действий и эпицентре вооруженного противостояния, но и о достаточно тихих тыловых районах. У человека, побывавшего на войне, меняется психология, меняется отношение к жизни, даже если он сам этого не ощущает или ощущает не сразу. «Человек воюющий» – своеобразный социально-психологический и нравственный феномен. Однако военно-психологическая наука, по мнению Е. С. Сенявской, скатывается в изучении этого феномена к двум крайностям: либо сведению проблемы только к медицинским аспектам (физиологии и психиатрии), либо смешению психологии с идеологией, когда пропагандистские штампы подменяют собой подлинный анализ духовных явлений. Реальные мысли и чувства человека на войне остаются при этом за кадром¹¹⁶.

Пробел этот становится еще более очевидным в наши дни: ведь войны, к сожалению, продолжают почти во всех частях света. А участники боевых действий в той или иной стране, соответственно, возвращаются к мирной жизни, вливаются в общество, которое слабо (несмотря на многочисленные художественные книги и фильмы) представляет, что чувствуют и переживают эти люди, «обожженные войной». Как поведут они себя в мирной

¹¹⁵ Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М.: РОССПЭН. – 1999. – С. 19.

¹¹⁶ Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке. – С. 7.

обстановке, чего следует от них ожидать в той или иной ситуации, какое требуется к ним отношение? Все эти вопросы по-прежнему часто остаются без ответа.

Мы предлагаем вашему вниманию воспоминания советских офицеров – военных советников, специалистов, переводчиков – принимавших участие в гражданской войне в Анголе в разные ее периоды. Мы специально не ограничились записью одних лишь обстоятельств службы, а позволили себе, с согласия интервьюируемых, записать их рассказы о себе, о службе в армии, командировках в Анголу и последующей жизни после возвращения из Африки и увольнения из армии. Эти люди – воины-интернационалисты – достойны огромной благодарности: ведь они поделились с читателями частью себя и своей жизни.

Подборка интервью и воспоминаний получилась уникальной по нескольким критериям: в книге удалось представить воспоминания представителей практически всех категорий советских военнослужащих, служивших в Анголе: советников и специалистов из разных родов войск, переводчиков, летчиков и борт-инженеров, офицеров ВМФ; личные впечатления героев охватывают все ключевые периоды гражданской войны в Анголе: от первых дней после провозглашения независимости НРА в ноябре 1975 года до конца 1990-х годов, когда происходили очередные попытки примирения воюющих сторон. Такая палитра воспоминаний позволяет оценить особенности и различия хода боевых действий и тактики воюющих сторон в разные годы войны с точки зрения конкретных людей, принимавших в подготовке и реализации событий непосредственное участие; представлены воспоминания офицеров различных возрастных групп, в том числе участников одних и тех же событий (например, одного из ключевых сражений войны в Анголе – битвы за Куито-Куанавале). Это особенно важно, поскольку позволяет проследить, как меняется и меняется ли вообще восприятие людьми происходивших с ними экстремальных событий в зависимости от возраста и непосредственной вовлеченности в военный конфликт и боевые действия, отношение к жизни как таковой.

Не все герои интервью и авторы мемуаров непосредственно оказывались в зоне боевых действий. Единой линии фронта в Анголе, напомним, не было, и отдельные районы никогда не подвергались нападениям и обстрелам. Соответственно, далеко не всем приходилось принимать участие в боевых операциях, непосредственно находиться на передовой. Однако все они подвергались опасности, находясь на территории воюющей страны. Практически любой мог попасть в случайную перестрелку, подорваться на mine, погибнуть в сбитом самолете, попасть под бомбежку или артиллерийский обстрел. Кроме именно боевых опасностей, существовала угроза непоправимо подорвать здоровье экзотическими заболеваниями или умереть от укуса скорпиона или иного ядовитого насекомого. Многие получили ранения и увечья разной степени тяжести. Соответственно, на протяжении всей командировки люди осознавали ситуацию как экстремальную, опасную для жизни, и отношение к ней разнилось у каждого из них – а в чем-то ключевом совпадало.

Обращаем внимание: не все герои этой части книги официально являются воинами-интернационалистами. Причем выясняется, что получение или не-получение этого статуса не зависело ни от воинского звания, ни от того, кадровым военным был конкретный офицер или двухгодичником, направленным служить после гражданского вуза, ни от конкретного места пребывания в Анголе (т. е. боевого или небоевого округа), ни от собственно боевых заслуг. Практически всегда своевременное получение статуса воина-интернационалиста и соответствующих льгот зависело от внимательности штабных работников, отношения вышестоящего командования и собственной настойчивости. Эта публикация помогает восстановить справедливость и, возможно, привлечь определенное внимание к проблеме.

«Мг. – это не майор, а мистер»

Виктор Константинович Магонов, подполковник запаса, служил в Анголе в 1976 году в качестве военного специалиста¹¹⁷

– На территории Анголы я находился в составе самой первой группы советских военных советников и специалистов, в 1976 году.

Родился я 10 октября 1949 года в городе Речица Гомельской области, тогда БССР. Отец мой работал в органах МВД, мать сочетала деятельность домохозяйки с работой в этой же структуре. В 1966 году в Речице я окончил школу. Сразу после школы поступал в летное училище – не поступил, не прошел медкомиссию. Через год поступил в Военное училище связи, которое и окончил в 1970 году. Проходил службу в ГСВГ¹¹⁸, потом в КБВО¹¹⁹, в частях, относившихся к различным родам войск: пришлось послужить и в ракетных войсках, и в танковых, и в мотострелковых.

В 1975 году я прошел что-то вроде собеседования у командующего 28-й танковой армией, который предложил мне испытать свои силы в боевой обстановке. Эта беседа положила начало моей командировке в Анголу.

– *Расскажите подробнее, как проходила эта беседа. Как именно Вы узнали, что Вас могут направить в Анголу?*

– Беседа моя с командующим армией состоялась примерно в конце октября 1975 года. Я в это время находился на полигоне под Барановичами, в Обуз-Лесновском учебном центре. Проводились батальонные учения с боевой стрельбой.

Я был командиром роты связи танкового полка, старшим лейтенантом. Мы постоянно находились на полигоне. В один из дней, причем день был не по-осеннему жаркий, меня вызвали «на центральную вышку», – вызвал командир полка – а там находился начальник отдела кадров дивизии, который мне сказал примерно следующее: собирайся, тебя в Слониме, в штабе дивизии ждет командующий армией, генерал Вариченко. Я спросил, с чем это связано. Мне ответили, что все объяснят там. Второй вопрос, который я задал, был такой: можно ли мне хотя бы привести себя в порядок? Я-то был в х/б – обычном пропыленном хлопчатобумажном обмундировании, в яловых сапогах. Тем более, мы находились на полигоне около полутора месяцев безвылазно, так я даже не подстригался все это время. Не мог же я в таком виде показаться на глаза командующему армией! Но мне ответили, что это не имеет значения, садись в машину, и поехали.

Приехали в Слоним. Командующий в это время находился на обеде, в офицерской столовой, в отдельном кабинете. Мы вошли – командующий сидел за столом, обедал, китель висел на спинке стула рядом с ним. Не деловой вид, человек за обедом расслабился. Естественно, он нас обоих тут же выгнал, сказал, чтобы мы вошли через пять минут, и выговорил начальнику отдела кадров все, что он думает о подобных вторжениях. Начальник отдела кадров вышел – и лица на нем, что называется, не было.

Когда мы вошли через пять минут, тарелки были убраны, командующий был одет по форме, как полагается. Усадил меня, спросил, как идет служба. А моя рота как раз только что сдала осеннюю проверку, 99 % солдат у меня на «отлично» отстрелялось, все предмет,

¹¹⁷ Записи сделаны 18 марта 2011 и 21 января 2012 года в Минске А. В. Кузнецовой-Тимоновой. Отдельные дополнения внесены В. К. Магоновым собственноручно. Текст подготовлен А. В. Кузнецовой-Тимоновой.

¹¹⁸ Группа Советских войск в Германии, то есть, советские воинские части, которые располагались в ГДР (Германской Демократической Республике, так называемой «Восточной Германии») в 1945-1990 годах. – *Прим. А. К.-Т.*

¹¹⁹ Краснознаменный Белорусский военный округ. – *Прим. А. К.-Т.*

по сути, сдали на «отлично». Даже это командующему докладывалось. На то, что моя рота стала такой образцовой, были свои причины: танкисты сдавали стрельбу из танка, а результаты стрельб полка из стрелкового оружия засчитывалась по показателям разведроты и роты связи – и комполка все боеприпасы для стрелкового оружия выдавал нам. Естественно, мы каждый день тренировались, и при таком количестве боеприпасов обучить солдат было несложно. В конце беседы командующий спросил: как ты смотришь на то, чтобы поехать и испытать себя в боевой обстановке? На что я ответил, что, собственно, для этого и учился, поэтому готов. Это действительно было так. Не потому, что сейчас мне хочется сказать высокие слова, а потому что мы так были воспитаны, и все к этому готовились – что придется воевать.

Командующий мне тогда сказал: поезжай в полк, особенно ни с кем не делись, жди, когда тебя вызовут в Москву на собеседование. На этом наша беседа и закончилась. Хотя Ангола тогда еще и не получила независимости, уже готовилась почва для того, чтобы туда сразу же могли поехать наши советники и специалисты.

После этого наступила тишина. Когда я приехал в полк, там почему-то уже все знали, что меня отправляют куда-то в жаркую страну, в Африку, хоть информация и была вроде строго секретной.

Потом, на празднике 7 ноября, я познакомился со своей будущей женой. Дело у нас шло к свадьбе, мы подали заявления в ЗАГС, и 27 декабря у нас должна была быть свадьба. Я позвонил начальнику отдела кадров дивизии, с которым ездил тогда на беседу с командующим, спросил, что там с моей командировкой. Он ответил, что, наверное, все уже забыли и ничего не намечается. Мы с моей будущей женой, Магоновой Ольгой Сергеевной, смело начали готовиться к свадьбе. И вдруг, 24 декабря, меня вызывают в штаб полка и говорят: срочно переодевайся в гражданскую форму одежды, тебя ждут в Москве.

Я приехал тогда в 10-е управление Генерального штаба, пришел к своему так называемому направленцу, который как раз занимался этим регионом – Анголой, Мозамбиком, прилегающими странами – полковнику Дегтяренко. Он оказался моим земляком – оказывается, тоже был родом из Речицы Гомельской области, как и я! Естественно, отношения у нас сложились сразу дружеские. Забегу немножко вперед: у нас с ним даже родители похоронены на одном и том же кладбище, рядом, в соседних могилах, такая вот судьба получилась. А тогда мы с ним переговорили, он мне объяснил, что мне предстоит пройти беседу в ЦК КПСС, там же сдать свой партийный билет, потом пройти подготовку в течение 7-10 дней и сразу вылетать в Анголу. А когда я сказал ему насчет свадьбы, он ответил, что сам такой вопрос решить не может. Сказал: езжай завтра в ЦК, заикнись там об этом.

Я поехал в ЦК. Был на беседе с секретарем ЦК КПСС Сизовым, партбилеты мы все сразу сдали в отдел ЦК. Стоит отметить, что партвзносы у нас высчитывали в размере 25 долларов США в месяц. А зарплата у меня в Анголе была 520 долларов. По возвращении она переводилась в сертификаты Внешпосылторга, так называемые «чеки».

С товарищем Сизовым мы нормально поговорили, и когда я спросил у него по поводу своей предстоящей свадьбы, он ответил: если хочешь, можешь вообще отказаться и не ехать, раз такое дело. Тут я сказал, что просто не представляю, как же я вернусь в полк, когда там все уже знали, что меня готовили к отправке куда-то в длительную командировку, и вдруг я сообщу, что все это откладывается! И спросил: могу я сначала сыграть свадьбу, а потом ехать? Он согласился, при мне куда-то позвонил, не знаю, куда именно, очевидно, в 10-е управление Генерального штаба. И потом ответил: поезжай, спокойно женись, и чтобы 4 января был в Москве – полетишь со следующей партией военных специалистов.

После собеседования я вернулся в «десятку», там еще доделывались некоторые формальности. Там мне тоже сказали: поезжай, женись, и 4 января чтобы был в Москве.

Официальная версия нашей командировки была такая: выезжаем на учения в Северо-Кавказский ВО. Жене своей будущей я рассказал все как есть на самом деле. Я ей еще до свадьбы рассказал и сказал: выбирай, стоит ли вообще жениться или нет, потому что чем еще все это закончится – сам не знаю. В итоге свадьба состоялась (улыбается).

4 января я приехал в Москву. Там мы буквально неделю проходили подготовку. В группе было 19 человек. Получили на руки билеты, прошли инструктаж, как вести себя за границей, как распоряжаться валютой. Мы ведь этих долларов ни разу не видели, представления о них не имели! А первоначальные командировочные мы получили как раз в долларах, и нас предупредили, что за каждый потраченный на территории СССР доллар с нас будут высчитывать по 50 рублей – хотя стоил он тогда 78 копеек! Мы расписались за это дело. Естественно, страшнее всего было их потерять. Помню, я ходил по Москве, носил с собой эти пятьсот долларов и больше всего на свете боялся, что я их потеряю. Тем более что я их увидел первый раз в жизни.

Еще нам делали прививки от всяких тропических заболеваний. Потом, когда я получил билет в кассе Аэрофлота, смотрю – там написано «Mr. Magonov». Я говорю кассиру: знаете, здесь ошибка, написано «майор», а я старший лейтенант еще. Она улыбнулась и ответила, что это не «майор», а «мистер» (улыбается).

Прошли еще некоторую дополнительную подготовку: немного изучили рельеф Анголы, вероятного противника. Все это происходило очень быстро, занятия проходили интенсивно. Ежедневно ездили в прививочный пункт, нам там делали прививки против холеры, против малярии, против лихорадки желтой, еще против чего-то. Предупредили, что в течение определенного времени после прививок нельзя употреблять алкоголь, минимум три недели, нужно было выждать такой карантин.

Накануне дня отлета нас построили и сообщили, что связь с Анголой потеряна, какая там сложилась обстановка, никто не знает, поэтому нашу группу сокращают. Вместо первоначальных 19 человек нас в итоге вылетело 7 человек.

Вылетали мы 12 января 1976 года. У меня даже билет сохранился. Билет был до Бразавиля – официально мы летели туда как специалисты по сельскому хозяйству. Сохранились и все посадочные талоны, и сертификат прививок: правда, там записана только пятая часть всех тех прививок, которые нам сделали.

К сожалению, от той командировки у меня почти ничего не сохранилось, ни вещей, ни фотографий. Мы все оставили в машине у товарища, который нас встречал и возил по Москве, и договорились встретиться на Белорусском вокзале перед отходом поезда – но, к сожалению, не встретились мы больше никогда. Может, у него что случилось... Не верю, что он просто так забрал себе наши вещи, мало ли что могло у парня произойти, что он не смог попасть к нам. В порядочности этого человека я уверен.

– Каким маршрутом летели?

– Москва – Каир – Хартум, столица Судана, – Банги, столица Центрально-африканской Республики – Браззавиль. Летели гражданским самолетом «Аэрофлота», как обычные пассажиры. До этого в 10-м управлении ГШ нас переодели: из вещей ничего не выдали советского производства, все было импортное. В Москве было в это время минус 28 градусов, а нас одели в белые плащи и летние костюмы! Правда, у нас с собой были спортивные вещи, мы все это постарались на себя натянуть, чтобы было хоть как-то потеплее. Из головных уборов на выбор дали черные шляпы и береты, кто что хотел, тот то и надевал.

В аэропорт нас везли автобусом, но автобус, как обычно бывает, на полпути сломался, и пришлось добираться на метро. В метро на нас, конечно, смотрели, как на психов: на дворе минус 28 градусов, а мы в белых плащах и летних шляпах! Причем все мужики примерно одного роста, и все одинаково одетые (смеется)!

В аэропорту, в Шереметьево, мы прошли контроль, и доллары у нас никто не проверял, хотя предупреждали, что на таможне обязательно проверят, дадут расписки. Никаких расписок, естественно, нам тоже не давали, никого наши доллары не интересовали. Наверное, это было просто обычное предупреждение, рассчитанное на то, что после него мы на самом деле побоимся тратить доллары.

Вкладыш и посадочный талон В. К. Магонова на самолет до Браззавиля. Январь 1976 года

Вылет – не помню уже, по какой причине, – задержался часов на шесть. А так как мы прошли досмотр и фактически уже там, в Шереметьево, первый раз в жизни попали за границу и узнали, что такое duty-free. И естественно, как только мы увидели, что там есть в этом duty-free, нас уже никакие запреты, никакие прививки и никакие предупреждения сдержать не могли! Такое обилие всего незнакомого, особенно в разных бутылках (*смеется*)! Конечно, за эти шесть часов все, что в нас влезло, мы там, в баре, и попробовали. Доллары начали тратить прямо там.

Наконец, вылетели. Первая посадка была в Каире. Отношения у нас с Египтом уже тогда были напряженные. Нас выпустили только походить возле трапа, никуда дальше не

пускали. Летело нас, как я уже говорил, семь человек, из них только я и еще один парень были связисты, а остальные были из других родов войск. В Каире было уже плюс тринадцать, мы потихоньку начали раздеваться, снимать с себя все лишнее.

Когда мы приземлились в Хартуме, там уже было больше тридцати градусов тепла. Поразило, что прямо в аэропорту, в паре десятков метров от посадочной полосы, ходило два или три стада слонов. Очутиться сразу в другом мире – это было очень необычно, очень интересно.

Запомнился случай оттуда. В самолете мы получили талоны, во время стоянки самолета можно было пойти и отovarить их на определенную сумму. Зашли в бар, там отметились. Вышли на площадь, что возле аэропорта. А нас постоянно предупреждали: в Африке ничего нельзя трогать руками, ни к чему незнакомому нельзя приближаться, пока не адаптируешься и не поймешь, что к чему – в смысле, что кусается, а что нет. И вот вышли мы на площадь, и мой коллега – командир батальона связи, не помню, из какого округа, – увидел такие огромные цветы. Какая красота! Он наклонился к цветку – а хамелеон ему как выстрелит прямо в глаз! У него в итоге вскочил под глазом огромный фингал, а мы поняли, что нас больше инструктировать не нужно, на его опыте очень даже научились. На его примере мы действительно поняли, что нас ожидает что-то необычное.

Следующая посадка была в Банги – в Центральноафриканской республике. То же самое: погуляли по аэровокзалу, посмотрели. Страна была очень бедная.

Что поразило: уже по дороге из Банги на Браззавиль мы летели на сравнительно малой высоте, и под нами ничего не было, кроме джунглей и болот. Может, где-то там деревни аборигенов и находились, но настолько густыми были эти джунгли, что ничего не было видно, кроме зелени, которая растет в два-три этажа.

Когда мы прилетели в Браззавиль, нас встретил сотрудник советского посольства. Мы прошли санитарный контроль, нам выдали талончики, и тут же, минуя таможеню, нас провели черным ходом, подвели к самолету Ан-12, военно-транспортному, раскрашенному под «Аэрофлот». Рядом с ним уже дежурил экипаж.

Нам сказали, что до вылета еще пара часов, и что можно еще погулять. Мы погуляли по полю, прошли по аэропорту, посмотрели, что вокруг делается. Через два часа вылетели, пошли сразу на Луанду, но Луанда почему-то не принимала. И еще примерно два часа мы болтались над океаном в нейтральных водах, с приоткрытым десантным люком в самолете, потому что было очень жарко.

Океан я почему-то раньше представлял себе по-другому: думал, что когда летишь над океаном, видно, как кораблики по волнам весело качаются, что там всегда масса передвижений различного водного транспорта. А на самом деле оказалось, пока мы там два часа болтались, что ничего, кроме огромных волн, там больше и не видели. Хотя это было в пределах пограничной зоны.

Потом оказалось, что Луанда не принимала нас, потому что в аэропорту была повреждена взлетно-посадочная полоса. Потом мы все-таки пошли на посадку, приземлились в аэропорту Луанды. Тут же к трапу нашего самолета подъехал ГАЗ-66, нас прямо с трапа пересадили туда, в кузов, закрыли тентом, чтобы не просматривались наши белые лица. Нас сразу же отвезли в кубинский госпиталь, где нам еще сделали какие-то прививки, пару уколов и еще что-то. Когда мы приехали в госпиталь, я сразу понял, куда я попал. Все встало на свои места. Сразу стало подташнивать, потому что раненых не успевали принимать, множество их лежало прямо на асфальте, и это при почти пятидесятиградусной жаре. Рои мух... Сами представляете, что это могло быть за зрелище. Есть слова в песне: *«Война не кажется войной до первого убитого солдата»*¹²⁰. Романтика, даже если и была, сразу же пропала.

¹²⁰ Видимо, имеется в виду песня В. Горбачева «До первого убитого»: *«До первого убитого война нам кажется маль-*

После госпиталя мы сразу поехали в нашу военную миссию. Там нас быстренько переодели, вооружили как положено. В обычной службе, чтобы получить оружие, нужно было пройти массу инструктажей. А там инструктаж был один, и мы это знали: хочешь жить – делай все как положено.

– *Что вам выдали из оружия? Какая у вас в то время была форма: ангольская или кубинская?*

– Мы сразу получили автоматы Калашникова.

Форма на тот момент была «партизанская»: что было, то и надевали. У меня есть фотография, где я одет именно так: рубашка наша, брюки – португальский камуфляж, шляпа, автомат и босиком. Когда мой отец ее увидел, он только и спросил: «Кто тебя в таком виде пустил за границу?» Когда мы сформировали первую бригаду ФАГОТА, у нас тоже появилась ангольская форма. А работая с кубинцами, мы надевали кубинскую форму, чтобы ничем не выделяться.

Потом начались обычные будни. Приходилось заниматься всем подряд. Так как я командировался в Анголу как специалист по связи, основной моей задачей было обучение ангольцев работе на радиостанции Р-118, которые поступали на вооружение ангольской армии. У нас в группе было от сорока пяти до пятидесяти человек, и они все время менялись, кто-то приезжал, кто-то уезжал. Задачей нашей группы было формирование первой ангольской бригады. Был создан учебный центр – примерно в 20 километрах от Луанды, там проводились занятия и создавались первые батальоны. Эти батальоны формировались на базе партизанских отрядов.

Связью я занимался, честно скажу, очень мало. Потому что в основном нужно было выполнять ряд дополнительных обязанностей. Поскольку я был связистом, меня «закрепили» за прилетом каждого самолета-челнока Луанда – Бразавиль. Там обычно летал наш Ан-24, гражданский самолет, хотя с вооружением на борту, и экипаж тоже был там, как я понял, военный, хотя особо это не афишировалось. К каждому прилету я должен был прибыть в аэропорт, забрать почту, которая прибывала из Советского Союза; письма писались нам на адрес «Москва-400». Про этот адрес – «Москва-400» – есть даже песня¹²¹. Еще поскольку я в армии – до командировки – довольно часто водил автомобиль (у меня уже был «москвич» свой, который я купил после службы в Германии) и в командовании узнали, что я могу водить машину, то за мной закрепили отдельный ГАЗ-66. И я на нем ездил везде. Начиная от того, что мы с каким-то полковником из ГРУ ездили, собирали образцы оружия по складам. Кубинцы нам сообщали о захваченных складах оружия, и мы ехали выяснять, что же там за оружие, образцы загружали в самолет и отправляли в Союз. Короче, на меня возложили все, что можно было делать при помощи грузовой машины. Ездил и в гарнизоны, и в порт постоянно ездил, грузы встречать.

Связью тоже, конечно, приходилось заниматься, *готовить экипажи Р-118*, которые направлялись непосредственно на фронт. Кто-то из них есть на фотографии: там с ангольцами прапорщик Петя Мигуцкий и переводчик, Андрей Токарев. Петя Мигуцкий до командировки в Анголу служил в Борисове, потом я пытался его найти, у меня и адрес его был, но, к сожалению, никаких известий пока нет. Этот прапорщик был мастером спорта по скоростной передаче на телеграфном ключе и, соответственно, обучал этому ангольских солдат – именно морзянку изучал с ними. Причем не знаю, почему, может, потому что у ангольцев голова не была забита лишним, они буквально на лету схватывали все! Еще им, в отличие

чишеской игрою». – Прим. А. К.-Т.

¹²¹ Автор песни «Москва-400» – ветеран Анголы, член РОО «Союз ветеранов Анголы» А. Поливин. – *Прим. А. К.-Т.*

от наших радистов, нужно было передавать всего 24 знака¹²², может, потому им было легче. Уровень их подготовки рос быстро.

– *Где вы размещались в Луанде? Расскажите о бытовых условиях.*

– Мы жили в советской военной миссии, в коттеджах. Там раньше, до независимости, размещались португальские офицеры. Когда мы туда только заселились, они были разрушены, потом их восстановили. Как раз когда я приехал, в январе, наша группа переехала в эти коттеджи. Часть их все равно еще оставалась с разбитыми окнами, сломанными дверьми, то есть нежилыми.

Как-то вечером я и еще три младших офицера получили приказ проверить все помещения – на предмет оружия, боеприпасов – и вскрыть все комнаты, если они будут закрыты. Мы приказ выполнили и в одной из закрытых комнат, взломав дверь, обнаружили мебель, пишущую машинку, пачки бумаги, документы, канцелярские принадлежности. Мы добросовестно все в комнате перевернули, оружия, конечно, не нашли, но набрали канцелярских принадлежностей и бумаги. А наутро нас построили, вышел генерал (ГВС, генерал-лейтенант *Илья Филиппович Пономаренко*. – прим. А. К.-Т.) с каким-то очень прилично одетым негром и говорит: кто вчера разгромил офис – выйти из строя! Несмотря на то, что слово это – офис – мы слышали впервые, сразу поняли, что речь о нас. Оказалось, что этот негр был предпринимателем, сотрудничал с МПЛА, и ему оставили в пользование эту комнату. Нас для вида обругали, так как мы просто выполняли приказ и ни в чем непосредственно виноваты не были. А с предпринимателем конфликт каким-то образом был улажен. Обычно все конфликты с местным населением решались при помощи тушенки, поскольку в стране был ощутимый голод.

У нас была охрана – солдаты ангольской полиции. Впрочем, мы им особо не доверяли. Еще были свои часовые – три поста: два поста по периметру миссии и один пост, первый так называемый, был возле радиостанции. В круглосуточный караул мы заступали с шести вечера до шести утра. Никакого постоянного учета караульной службы, как в Советском Союзе, у нас не было, потому что не получалось назначать постоянно караул по расписанию: кто-то в разъездах, кто-то в учебном центре находился. Поэтому в караул заступали те, кто попался, что называется. Кто мог в настоящий момент нести службу, те и несли.

Службу караульную мы несли по 12 часов, с шести вечера до шести утра, как я уже сказал. Было, конечно, тяжело, особенно поначалу, но ночью там еще более-менее, температура нормальная. Еще у нас был такой закон: тот, кто заступал в караул, с утра прикармливал собак, и ночью они караулили вместе с часовыми, поскольку на территории миссии иногда попадались змеи. Это от португальцев остались три собаки, которые были приручены, и предупреждали нас: если на дороге была змея, собака становилась поперек этой дороги, предостерегала нас, и мы знали, что здесь где-то змея, и лучше постоять, пока она не проползет.

¹²² В португальском алфавите фактически активно используются только 24 буквы. – Прим. А. К.-Т.

В. К. Магонов стреляет из американского «кольта», выменянного на тушенку. Луанда, 1976 год

Собаки нас в карауле, конечно, развлекали. Рядом с миссией была свалка, еще дореволюционная, куда со всей округи сбегались кошки. Иногда, чтобы перебить сон, мы немножко отклонялись от маршрута, подходили к этой свалке и натравливали туда собак... Получалась такая потасовка дикая (*смеется*)! Можете представить, как собаки обычно к кошкам относятся. Вой, рев на всю округу стоял! Зато это помогало службе – спать в карауле не хотелось!

Среди обслуживающего персонала здания было несколько местных – уборщицы, в частности, рабочие. И случались такие моменты: идешь по периметру миссии, а это в общей сложности метров сто, проходишь все, обратно возвращаешься и видишь, что на стене, мимо которой ты прошел только что, написано «FNLA». Знак тех, которые воевали против нас. Так нам они стены расписывали, были случаи.

Еще помню забавный эпизод. У нас в коттедже была местная женщина, Фатима, комендант или горничная. И она каждое утро ставила на окно в комнатах ананасы. А я понятия не имел, что это такое, мы ведь тогда и мандарины раз в году на Новый год видели (*улыбается*)! Я и подумал, что это просто цветок. С утра она поставит, день он постоит, а вечером я его выброшу. Через неделю ставить перестала. А потом в столовой эти ананасы нам дали в разрезанном виде, и конечно, они мне понравились! Я спросил Андрея (*Токарева. – А. К.-Т.*), что это мы такое вкусное едим, и он засмеялся: неужели ни разу не пробовал, ведь каждое утро в номер приносят! Вот так я узнал, что такое ананасы!

– Как Вы переносили местный климат?

– У всех было по-разному, от здоровья зависело. Я-то хорошо переношу любой климат, и холод, и жару, и никакого дискомфорта не испытывал. Еще я заметил, что мы были гораздо

здоровее, крепче, чем ангольцы. Когда приходили наши суда с техникой и приходилось работать в трюме, разгружать их. Там находиться было вообще невозможно, судно раскалялось до предела. Мы работали в трюме по тридцать минут, потом выходили наверх, а ангольские солдаты больше двадцати минут не выдерживали, поскольку физически они были гораздо слабее нас. Ящики с боеприпасами, каждый массой до 50-70 кг, нужно было упаковывать, распаковывать, выгружать их из трюма, потом выгонять технику на поверхность, технику же нужно было освобождать от креплений, крепления эти рубить большими ножницами... Труд был адский, и тем более в такой жаре. И мы работали в трюме по тридцать минут, а ангольцы работали от силы минут пятнадцать-двадцать, и то, многие прямо в трюме теряли сознание.

Пристрелка оружия в учебном центре неподалеку от Луанды. Февраль 1976 года

– Возникали ли у вас какие-нибудь сложности в работе с ангольскими военными? Как они обучались, как они относились к советским офицерам?

– Относились они к нам нормально. Дело в чем: что у человека на самом деле на душе, не всегда поймешь. Я не помню, чтобы у нас были где-нибудь какие-то противоречия. Подчинение было достаточно четкое и строгое, все команды выполнялись.

В той же роте связи, которую я вроде курировал, я часто сталкивался с командиром роты, с начальником связи. Мы как раз с Андреем готовили экипажи для радиостанции. Для подготовки нового экипажа брались новые солдаты. Стали выяснять, откуда взялись двое новых солдат. Спрашиваем командира роты, а тот говорит: мол, они вчера к нам из УНИТА перешли – от противника! Мы только плечами пожали. Вызвали их к себе на беседу, спрашиваем, почему перешли из УНИТА в правительственные войска. А они: «Нам сказали, что здесь лучше кормят». Вот такие дикие случаи были. Или другое: солдаты могли уйти в увольнение – и вернуться через неделю. В этом отношении дисциплины еще не чувствовалось, они ведь в лучшем случае к партизанской войне привыкли.

Первую мотопехотную бригаду мы сформировали уже в феврале 1976 года, потому что тогда было наступление с севера, со стороны Заира, который еще был тогда союзником ФНЛА. Вместе с кубинцами этот бой принимал и ангольский батальон.

Нас, конечно, старались оберегать непосредственно от боев. И командование приказывало не соваться на передний край, и кубинцы нас оберегали от этого дела. Но когда находишься на территории воюющей страны, где, по большому счету, все стреляют и везде идет война, то от этого особо не спрячешься. Так что под обстрелы попадали довольно часто. Хватало всего. Был ранен наш старший переводчик, когда обстреляли машину ГВС, генерала Пономаренко. Я тогда встречал их, как раз стоял на посту, у ворот миссии, они возвращались, и смог посчитать, сколько пробоин было в машине – то ли семь, то ли девять. Генерал меня тогда попросил их посчитать, я докладываю: «Девять пробоин, товарищ генерал!» Пономаренко мне отвечает: «Смотри, не стреляй, как они стреляют!» То есть, не промахивайся – это так он сказал о плохой огневой подготовке противника: почти все мимо, только чуть зацепило переводчика. Так как на машине передвигался, под обстрелы попадал.

– *То есть, непосредственно в бой вступить Вам не приходилось?*

– Нет. Мы на фронт выезжали только для того, чтобы отремонтировать технику, в нашем непосредственном участии в боях не было необходимости, нас было слишком мало.

– *Сколько всего человек насчитывала группа советских специалистов?*

– Когда я прилетел, нас было около 45-55 человек. В нашу же группу входил корреспондент Владимир Дунаев¹²³, который потом долгое время работал в Штатах, он умер в начале девяностых. Больше из гражданских лиц с нами никого не было. Отдельно от нас жили гражданские летчики, которые перевозили раненых на легкомоторных самолетах. Мы с ними даже не общались, я с ними познакомился, только когда мы уже летели обратно в Союз, потому что вместе с нами обратно летели еще трое из этих летчиков.

– *Как проходило обучение ангольских военнослужащих? Выработали через переводчика?*

– Конечно. Переводчиком со мной работал, как я уже говорил, курсант Военного института Андрей Токарев. Мы с ним тогда очень сдружились. Много времени проводили вместе, он был фактически закреплен за связистами, и в основном работал с нами.

– *В работе «специалист – переводчик» какие-нибудь сложности возникали?*

– К Андрею у меня претензий не было (*улыбается*) Он хорошо владел материалом, которому мы обучали ангольцев. Вообще, там были переводчики, которые учились в Военном институте по семь-восемь лет: никак не могли закончить, потому что постоянно болтались по командировкам. Я помню, там был даже один майор, который никак не мог окончить последний курс, постоянно находился в какой-нибудь горячей точке.

Очень много нам приходилось работать с кубинцами.

– *Среди кубинцев было много тех, кто говорил по-русски?*

– Да. По крайней мере, я работал с начальником связи кубинского полка, так у него жена, оставшаяся на Кубе, была ленинградка – он оканчивал в Ленинграде Военную академию связи. Мы с ним там достаточно хорошо сдружились. Когда я улетаю, он даже обещал приехать проводить меня в Союз, но не приехал, не знаю, по какой причине. К сожалению, больше мы с ним так и не встретились.

¹²³ Дунаев, Владимир Павлович (1929-1988 гг.) – известнейший советский журналист-международник, политический обозреватель, киносценарист. В последние годы жизни работал в США в качестве собственного корреспондента Центрального телевидения. Отмечен несколькими премиями и государственными наградами. – *Прим. А. К.-Т.*

У кубинцев была очень жесткая дисциплина, куда жестче, чем у нас. Например, когда этот Хуан приезжал ко мне, то мы могли с ним выпить хоть пива, только если он оставался у нас в миссии ночевать. А если бы он чуть выпивши вернулся к себе в гарнизон, то мог попасть под трибунал.

Среди ангольцев тоже попадалось достаточно офицеров, которые говорили по-русски. В основном это те, кто учился в Союзе в учебном центре Перевальное возле Симферополя – там готовили ребят из Африканского Национального конгресса, из освободительных движений Мозамбика, Анголы, в основном, из стран Африки. Они попадали ко мне, уже зная радиостанцию, зная нашу технику и хоть немного зная русский язык. Например, с командиром роты можно было общаться по-русски.

– *Были ли в вашей группе проблемы с тропическими заболеваниями?*

– «Малярийная палочка» практически у всех сидела. Я пил таблетки еще около трех месяцев после того, как вернулся в Советский Союз – делагил, кажется. Очень отрицательно они действуют на печень. Очень много таблеток нам давали там, в Луанде, и очень строго это контролировалось: нас собирали по четыре человека, давали каждому «горсть» таблеток, и за каждым следили, чтобы эту горсть выпил. Периодически там нас возили к кубинцам в госпиталь – на обследование. У некоторых все-таки начиналась малярия, начинало трясти.

– *С президентом Анголы, Аугуштиньо Нето, приходилось встречаться?*

– Приходилось. Трижды за руку здоровался (*улыбается*) В первый раз – когда он проверял учебный центр, я ему показывал, как солдаты работают на радиостанции Р-118, как разворачивают эти радиостанции, как передают знаки телеграфной азбуки, как связываются с южным фронтом, с Кабиндой – анклавом на территории Заира, где тоже шли достаточно активные боевые действия.

Президент на все это смотрел. Он тоже понимал по-русски. Вот тогда он мне пожал руку, поблагодарил.

Во второй раз мы встречались, когда он приходил на занятия в учебный центр, здоровался с нами за руку. И в третий раз он пожимал нам руки, когда формировали нашу первую мотопехотную бригаду и встал вопрос выбора образца строевой подготовки. Кроме нас, были инструктора, которые проходили службу в португальской армии, были те, кто учился у американцев, у румын, еще у кого-то, не помню точно, помню, что выбирали из трех вариантов. В итоге выбрали все-таки нашу строевую подготовку, советскую. Мы показывали строевые приемы с оружием, без оружия, прохождение строем и так далее. Из нас сформировали отдельный взвод, одели в «полусоветскую форму»: фуражки, рубашки без погон, солдатские брюки навывпуск. После этого показа президент всем нам пожал руки и поблагодарил за то, что мы все это показали.

Еще встречался с другими президентами, совершенно случайно. Я тогда приехал к самолету за почтой, а в аэропорту встречали высоких гостей: в Луанде проходил симпозиум глав соседних государств, по-моему, именно бывших португальских колоний – прилетели президенты Островов Зеленого Мыса, Гвинеи-Биссау и еще чего-то третьего, не помню точно. Помню, что было три президента. Я им помогал выгружаться из самолета, их должна была встречать целая кавалькада машин, только машины задержались минут на пятнадцать. Мы помогли им выгрузить вещи, помогли выйти из самолета, посидели с ними немного, пообщались, они нас угостили сигарами, покурили вместе. После этого за ними, наконец, примчались машины. Я спросил у экипажа самолета, кто это, и мне ответили, что это президенты трех стран. Вот такой был случай.

– *Сколько времени продолжалась Ваша командировка?*

– Командировка длилась около пяти месяцев. В мае 1976 года мы уже уехали. Наши командировки были недолгими, позже уже наши выезжали в командировки и с семьями, и без, на два-три года. Мы же были без документов, без ничего, и срок командировки нам обещали вообще три месяца. Мы все, первые, вылетали сроком на три месяца, а кто-то вернулся через год, кто-то через полгода. Из тех людей, кто прилетел в ноябре-декабре 1975 года, отправлять в Союз начали уже в феврале 1976-го. Первыми вылетали обратно солдаты срочной службы. У меня сохранилась в записной книжке отметка, что первые 8 человек улетели в Союз 23 января.

Еще помню, как прилетел к нам политработник. Он нас очень сильно отругал, у меня даже в записной книжке записано: *«Научились у кубинцев, устроили браваду с оружием, а так делать нельзя, ведут себя неправильно»!* Имелось в виду, что нельзя постоянно носить оружие с собой, держать на виду. Заставил нас оборудовать оружейную комнату и сдавать оружие. Естественно, это делалось до первой перестрелки, которая произошла возле нашей миссии. Да и на самом деле, оружия мы могли сдать еще десять комплектов сверх того, что нам по штату выдавалось! Потому что оружие там можно было просто найти на улице! А бригада оружием была просто вся завалена, всех типов. Даже израильские «узи», которые тогда были большой редкостью, и то у нас попадались. У меня есть фотография, где я целюсь из трофейного кольта. Этот «ковбойский» пистолет я выменял у командира роты за две банки тушенки!

Еще помню случай, когда мы ехали с подполковником *Гороховым А. И.* (он тоже был из Беларуси, из Бобруйска, служил в Анголе в качестве советника начальника связи ФАГОТА) на ГАЗ-66, кузов которого был полон ящиками с АКМ. По дороге один ящик вылетел из кузова, разбился, автоматы, естественно, рассыпались. Вдруг откуда-то выскочил негритенок лет 12-13, схватил автомат и бежать! Я хотел его догнать, а Анатолий Иванович мне говорит: да не трогай ты ребенка, оставь ему игрушку, их и так белые долго обижали (*смеется*)!

– *Припомните обстоятельства Вашего убийства из Анголы.*

– Пришла радиограмма, и нас отправили буквально за день. Отзывали восемь человек. Мне утром, втихаря, первому сказали: «Вас восьмерых отзывают». Официально ничего не объявляли, но я товарищам своим сказал, и они мне ответили: как хочешь, но проставляйся. Вечером, когда у нас было что-то типа планерки, генерал назвал фамилии тех, кто утром улетает. И как проставляться? Нужно было ехать в пригород Луанды, где жили те самые гражданские летчики: только у них можно было достать спиртное, «выпросить», что называется. Ночью, без разрешения! В полном смысле самоволка – за вискарем, который они из Конго привозили! Это был самый страшный маршрут за всю командировку, без преувеличения. Хотя до этого приходилось часто ездить, и днем, и ночью.

– *В одиночку поехали?*

– Да. Мне там вообще много приходилось одному ездить.

Был случай, когда змея спасла мне жизнь. Я ехал по дороге в четыре часа утра на «уазике» в учебный центр, что под Луандой. Змея переползала дорогу, на всю ширину дороги растянулась. Стало интересно. Я переехал ее машиной – ощущение было, как будто шланг с водой переезжаешь. Остановился, смотрю – она дальше поползла. Я развернулся, стал возвращаться обратно, там оставался только ее хвост, несколько метров. Я снова ее переехал, этот хвост. В это время мимо проезжал кубинский ЗИЛ-157. Помахали мне руками, показали знаки «Победа», Victory. Так мы друг друга поприветствовали. А метров через двести раздался взрыв – они подорвались на mine... То есть, эта мина могла быть моей.

– *При убийстве производилась какая-либо процедура передачи дел?*

– Нет. Что касается техники, то ее тогда шло много, и никто ее особо не считал. Например, кубинцам технику я передавал без всякой росписи. Ко мне приезжал их начальник связи, Хуан, я с согласия руководства передавал им несколько Р-118. Техники было много. Она шла

и морем, и по воздуху. Когда стали поставлять установки «Град» и разобранные самолеты МиГ-21, их на «Антеях» поставляли. Это тяжеленные *самолеты Ан-22*. Когда такая громадина садится, то кажется, что земля провалится сейчас.

Был случай, когда морем пришла техника. Судно называлось «Вера Лебедева»¹²⁴, оно было гражданским. Экипаж, естественно, на берег не выпускали. День был, кажется, пятница. Нам сказали, что в субботу будем выгружать технику. А мне мой начальник сказал: съезди в бригаду, возьми ангольский взвод, выгони с ними технику на берег, и мы в субботу утром перегоним ее и будем свободны. Я так и сделал: взял ангольских солдат, приехал один с ними. Экипаж, конечно, когда мы подъехали, весь столпился у трапа, им ведь все было интересно, поскольку на берег не выпускали. Ангольцев я пропустил вперед, поднялся последним по трапу. Там стояли женщины – поварихи, наверное, стоял дежурный с повязкой, и я, когда поднимался, услышал, как женщина одна говорит дежурному: смотри, мол, среди них даже белые попадают. Я им ответил: и даже русские! После этой фразы мне уже стало не до техники – с трудом с того судна вырвался! В результате все наши Р-118 выгружали уже без меня. А я очень хорошо провел время с экипажем (*смеется*)

Вообще, насчет выпивки там у нас был сухой закон. Организованно отмечался только наш праздник – 23 февраля. Вспомнил: еще раз за руку здоровался с президентом Анголы 23 февраля (*улыбается*) То есть, получается, четыре раза, а не три.

23 февраля получилось так, что генерал давал прием в честь этого праздника. Был приглашен Нето. Как раз тогда у нас стояла эта «Вера Лебедева», и пригласили капитана и старшего помощника с этого судна. Еще были какие-то политические деятели... Ведь посольства у нас в Анголе тогда еще не было, все это еще только создавалось. Кто-то прилетал из СССР – замминистра иностранных дел, жили они в резиденции президента. Они тоже на банкет прибыли.

Во время банкета президента охраняли кубинцы, нашу миссию охраняла конная полиция, были ангольские телохранители, еще наш «почетный» караул непосредственно вокруг того здания, где проходил прием. Я тоже попал в охрану, потому что когда готовился прием, стали устанавливать аппаратуру – там планировался шведский стол, к которому все подходили бы, говорили бы тосты. И один микрофон забарахлил. Нужно было срочно проверить, и я как один из специалистов оказался рядом, меня генерал попросил сходить, проверить, что с микрофоном. Я сходил, исправил его, отремонтировал – там просто какой-то контакт отходил. И после того, как я доложил, меня поставили в караул на входе в это здание. Когда Нето мимо проходил, снова пожал мне руку (*улыбается*) А когда начался сам банкет, мне сказали, что нужно зайти в ту комнату, где стояла вся озвучивающая аппаратура, и находиться там, следить, чтобы все работало исправно. То есть, с поста меня сняли, от охраны отстранили, и я сидел там. А потом ко мне зашел старший помощник капитана того судна, потому что ему стало уж очень тоскливо – все ведь больше говорили, никто не пил. Там ходили официанты, разносили на подносах спиртное, бутерброды маленькие на спичках. Одного из этих официантов старпом и перехватил с подносом, затащил в эту комнату, где были аппаратура и я, мы с ним поднос оставили у себя и до конца вечера беседовали. Интересный оказался мужик, такой приятный. Говорил: да мне там делать нечего, на этом приеме, я там никого не знаю, с ними не интересно, что они говорят, совершенно не понимаю, лучше здесь посидеть! Вот что приходит в голову из таких запоминающихся моментов.

¹²⁴ «Самую высокую оценку получает в Анголе работа советских специалистов.... На судно «Вера Лебедева» пришла делегация ангольских рабочих, чтобы выразить глубокую благодарность экипажу за самоотверженный труд. У ангольцев в то время не было транспорта, чтобы принять доставленный судном груз. Выручили советские моряки. Они сначала выгрузили автомобили, а потом на них же перевезли груз к месту назначения» // Кузнецов, Л. Уверенная поступь независимой Анголы / Л. Кузнецов // Азия и Африка сегодня. – 1977. – С. 2–5.

Еще тогда же узнали, что такое кокосовые орехи. Поехали за ними после этого праздника. Чтобы забраться на кокосовую пальму, *Петя Мигуцкий* взял монтерские «кошки», ведь ствол у пальмы твердый, цепляться не за что. Петя добрался почти до верха, как эти «кошки» сорвались, и он прямо съехал по этой пальме вниз! Рубашка разодрана, весь в крови! А за нами наблюдал какой-то местный, негр, и как-то странно ухмылялся! Потом он нам помог: мы только и увидели, как он обхватил руками пальму и забрался на нее, как обезьяна, и накидал нам полкузова этих орехов. И мы ведь не знали, как эти орехи открывать: привезли домой, пробовали и молотком, и зубилом. На самом деле открыть его довольно просто – там, где он к ветке крепится, есть слабое место, можно ножом поддеть, вылить молоко, а потом раскрыть скорлупу. В итоге кто-то из наших показал, как вскрывать орехи.

– *Немного подробнее расскажите, на какой технике непосредственно Вам приходилось работать в Анголе?*

– Я ехал туда в качестве специалиста по радиостанции средней мощности *P-118*. А на деле я там техники испробовал больше, чем за все оставшееся время службы в армии (*улыбается*). Перегоняли туда *БРДМ-2*. Танки *T-34* я не перегонял, это танкисты перегоняли. «*Зилы*», *ГАЗ-бб*, *уазики*, очень много *БТР-бО-ПБ*. Из порта в бригаду нужно было перегонять технику самим, так что садились за руль и ехали. Оружия там через мои руки тоже прошло очень много – я уже говорил, как мы с тем полковником из ГРУ ездили по захваченным складам собирать образцы, которые направлялись в Союз.

Там было много всякой опасной живности. Особенно мы боялись скорпионов – почему-то какого-то из них называли «вдова», укус был смертельным. Кубинцы так этого скорпиона прозвали, вроде на Кубе он тоже водится. Помню, в столовой на потолке появился скорпион – обедавших как ветром сдуло, никого не осталось.

Однажды мы с Хуаном поехали на захваченный унитарский склад с оружием посмотреть, что там могло быть из техники связи. Приехали, видим, стоят радиостанции переносные, чехлы к радиостанциям. А поехали мы налегке: для хождения по траве или по пересеченной местности мы, конечно, старались ботинки надевать, а для повседневной носки у нас были кеды вьетнамские, в этих кедах мы и поехали. И брюки были короткие – я никак не мог себе форму на свой рост подобрать, размеры были маленькие! Сбрасываем мы чехлы, и я не заметил, как из-под чехла эта «вдова» выскочила. Хуан меня резким ударом в плечо как опрокинул! Я к нему – что такое, что с тобой случилось? А он мне: еще немного, и тебя бы «вдова» укусила, чуть на голову не прыгнула! А она среди этих чехлов притаилась.

Других тварей там тоже хватало. Одних хамелеонов несколько разновидностей, они и по комнате ползали. Тараканы там были такие огромные, раза в четыре-пять больше наших, африканские. Если ночью по груди пробежит, кажется, что гул стоит (*улыбается*). А тропическая ночь наступает быстро, не так, как у нас, там перемена резкая: только что было светло – и тут же темнота. И звезд таких, как у нас, там нет, только Южный Крест и висит над головой. И только что все было спокойно, а ночь наступает, и тут же все начинает шевелиться, ползать, пищать! Я в первую ночь в карауле забрался в кресло с ногами и до утра просидел: пусть хоть все враги наступают!

– *Каким маршрутом возвращались обратно?*

– Обратный полет был специфический. Мы летели тоже самолетом, нашим *Ан-24*, сначала до Браззавиля, там еще успели погулять по городу. Неприятный там был случай, когда работники посольства – с тех времен питаю к ним чувства не очень уважительные – грубо говоря, «надрали» нас на деньги, которые нам выдали в Луанде на дорогу, и сами исчезли, прекрасно зная, что мы улетаем через сутки. Мы брали, кто сколько хотел, в допустимых пределах. Я себе на дорогу взял двести долларов, потому что хотел в Каире купить часы швейцарские, ну и по мелочовке набрать что-нибудь на сувениры. У этих сотрудников посольства я обменял примерно сто долларов, они нам дали местные деньги, сказали, что доллары в

Браззавиле не в ходу. А на эти деньги я смог купить только один блок «Мальборо» и все, хотя стоит он буквально копейки. А летчики, которые летели с нами, меняли долларов по пятьсот-шестьсот, у них валюты было больше, они вывозили, которую заработали, мы-то чеки свои уже в «десятке» получали. Неприятный случай, короче, который не хочется вспоминать. А потом нам сказали, что они все уехали куда-то отдыхать, и что их не будет три дня.

Дальше мы летели точно также: Банги – Хартум – Каир – Москва. В Египте как раз тогда произошел переворот¹²⁵, и когда мы приземлились в Каире, оттуда спешно эвакуировали семьи наших военных советников. Семьи подвозили прямо к самолету на грузовиках, солдаты женщин и детей просто выбрасывали к трапу. Даже избивали прикладами... Нас из самолета не выпустили, даже на трап. Сам самолет оцепили, приказали не высовываться, и нашими людьми самолет загрузили так, что мы сидели прямо на полу! Женщины были в трансе полном, плакали, потому что мужья их еще оставались там, судьба их была неизвестна, их без приказа не эвакуировали. В такой обстановке мы летели от Каира до Москвы.

– *Как прошла акклиматизация на родине? Вы прилетели, когда уже была весна, особой смены климата не почувствовали?*

– Смены климата – нет. Скорее бросалось в глаза, что я за время командировки сбросил порядка восьми килограммов, по мне в прямом смысле слова можно было анатомию изучать. Во-вторых, у меня волосы выцвели, выгорели, и в-третьих, загар... Тогда ведь еще ни Кипра у нас, ни прочих курортов не было, сильно загоревшие очень выделялись.

– *Вы вернулись после Анголы на прежнее место службы или Вас перевели куда-то?*

– Мне уже в «десятке» предложили ехать инструктором в учебный центр Перевальное возле Симферополя и учебу в академии. Так что я приехал из Анголы и практически сразу же поехал поступать в Академию Связи в Ленинграде, нынешнем Санкт-Петербурге.

После академии я на пять лет попал снова в ГСВГ, был начальником штаба батальона, старшим офицером в штабе 2-й гвардейской армии. Последнее мое место службы – Минское военно-политическое училище, я восемь лет преподавал там предмет «Организация и средства связи» на кафедре тактики. Оттуда и уволился на пенсию в 1993 году в звании подполковника. Когда я увольнялся, мне, в принципе, еще можно было служить. Но тогда и в стране, и в армии была такая обстановка, что нужно было решаться: либо оставаться служить, либо поскорее адаптироваться на гражданке. Я выбрал второе.

– *Пребывание в Анголе как-то отразилось на Вашей карьере, на дальнейшей жизни?*

– Отразилось только тем, что я получил льготы. В 1976 году я там служил, а в 1983-м признали, что мы там были, и я наконец-то получил удостоверение участника боевых действий. Запись в личном деле была, с красной печатью, я ее видел, когда увольнялся. Другое дело, что это не афишировалось. Был такой случай, что когда я преподавал в училище в Минске, и там были среди преподавателей офицеры, которые служили в Анголе в 1983 году, так они мне говорили, что чуть ли не они там были первыми, а в 1976-м туда еще никого не посылали! Я и докладывать не стал о своем пребывании в Анголе. Из тех, кто был там со мной в первой группе, я кроме нашего старшего переводчика *Александра Григоровича*¹²⁶ и моего товарища *Андрея Токарева* никого не смог найти. Там с нами были белорусы. Был еще парень из Витебска, по фамилии *Гусенок*, имя не помню, сапер, даже на фотографии

¹²⁵ 14 марта 1976 года было прекращено действие советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ (Арабской Республикой Египет) от 27 мая 1971 года. Договор был аннулирован египетскими властями (фактически лично президентом А. Садатом) в одностороннем порядке. Руководству СССР был предоставлен один месяц для эвакуации из Египта своих граждан и вывоза их имущества. Вся тяжесть организации этого процесса легла на сотрудников советского посольства в Каире и лично посла В. П. Полякова. – Прим. А. К.-Т.

¹²⁶ Воспоминания подполковника запаса А. А. Григоровича, белоруса, проживающего в настоящее время в Москве, приведены ниже. – Прим. А. К.-Т.

остался. У меня был адрес его сестры, я в прошлом году пытался его найти, но там теперь живут совершенно другие люди. Многие адреса изменились.

Я особо и не распространялся об этом, потому что в то время что-то доказывать было сложно. Там нас не награждали, документов у нас не было. Был случай, когда специалисты из нашей группы отбились от юаровского взвода, «уазик» полностью разбомбили. Тогда, в 1976 году, думали, что участников боя представят к наградам, но... за Анголу наград не давали. Компенсировалось материально, что называется. Другое дело, что нас признали участниками боевых действий – в 1983 году, в первом указе была только наша группа, те, кто был позже, там не упоминались. Постепенно стали давать льготы и остальным, правда, тоже не всем.

Владимир Дунаев, о котором я упоминал, снимал там, в Анголе, документальный фильм. Этот фильм назывался «*Фронт Анголы*», его показали один раз, в 1976 году, в июне, вскоре после моего возвращения, и больше я его не видел. Он снимал и партизанский отряд, и учебный центр. Когда я выезжал с ним на съемки, он говорил: мол, будете смотреть фильм – увидите этот кадр. Мы в кадр там не попали, конечно.

«Мне почему-то хотелось попасть на войну... Может, потому что я потомок белорусских партизан?»

Александр Анатольевич Григорович, подполковник запаса, служил в Анголе в 1975-1976 годах в качестве военного переводчика¹²⁷

– По отцовской линии я белорус. Правда, не совсем чистый – бабушка, мама отца, была чистокровная полька, с Пинщины. А дедушка – чистый белорус, и естественно, отец считается белорусом. Я себя считаю белорусом – с примесью польской крови. А мама моя – москвичка, с Сухаревки, там до сих пор еще дом стоит фамильный, чистая русская.

Когда я был мальчишкой, мы постоянно ездили на родину к бабушке с дедушкой. Дедушка с бабушкой жили в Мозыре, у них там был свой дом, рядом со станцией «Мозырь», своя корова, куры, хрюшки, сад шикарный. Я с удовольствием туда ездил. Они настолько были хлебосольные, всегда к завтраку, к обеду – молочко, яички свежие, сыр своего собственного изготовления. Они трудоголиками были настоящими. Поэтому Беларусь мне очень близка, это моя родная земля. Когда бабушка с дедушкой умерли, грустно было еще и из-за того, что я потерял то место, куда можно было приезжать свободно и чувствовать себя как дома.

– *По службе, по работе позже случалось ли приезжать в Беларусь?*

– Да, ездил достаточно много раз с делегациями в Минск. Там уже были приемы на высшем уровне, и в основном потом я Беларусь видел уже из окна лимузина. Впечатления были очень хорошие: удивительно чисто, не людно, спокойно, очень ухоженные города, особенно Минск ухоженный, чистенький, спокойный, нет этой толчеи и суеты, которая наблюдается у нас в Москве, нет этой грязи, дороги все хорошие, все отремонтировано.

– *После смерти бабушки и дедушки остались еще какие-то родственники в Беларуси?*

– Какие-то дальние остались. Но дело в том, что два брата моей бабушки едва не стали жертвами Катынской трагедии. Они были офицерами польской армии. Расстрела избежали чудом, успели уйти в Англию. То есть, их не постигла участь остальных офицеров, кого расстреляли в Катынском лесу. И все родственники, которые остались от бабушки, тоже переехали в Англию. Честно говоря, я их не искал. Долгая история, почему. А потом умер отец, бабушка умерла, все связи оборвались, хотя я знаю, что в Англии есть мои дальние родственники. Просто нужно искать.

– *А по белорусской линии?*

– По белорусской... Мой дед просидел 10 лет в сталинских лагерях, и был репрессирован не только он, но и все его родственники. А когда он вышел, он был в таком, я бы сказал, деморализованном состоянии, и когда я ему задавал вопрос – дед, а где твои братья? – он отказывался об этом говорить, потому что боялся повторения сталинской эпохи. Поэтому не было смысла в поисках родственников с этой стороны – мне о них просто не рассказывали.

По материнской линии у меня дед тоже сидел. Но здесь проще – дед по матери так в Котласе и умер.

– *Вы родились в Москве?*

– Нет, я родился в Германии. У меня и мама, и отец были активными участниками Великой Отечественной войны, оба закончили войну офицерами. Там их и оставили, в Германии, потому что отец работал сначала в штабе армии шифровальщиком, потом в КЭЧ (ком-

¹²⁷ Запись сделана 23 июля 2010 года А. В. Кузнецовой-Тимоновой в Москве. Текст подготовлен к печати А. В. Кузнецовой-Тимоновой. Впервые воспоминания А. А. Григоровича об участии в арабо-израильской войне 1972 года и в гражданской войне в Анголе, записанные Г. В. Шубиным, опубликованы в сборнике воспоминаний Куито-Куанавале. Неизвестная война. Мемуары ветеранов войны в Анголе / под ред. А. А. Токарева, Г. В. Шубина. – М.: Memories, 2008. – С. 7–28.

мунально-эксплуатационная часть), а потом его переквалифицировали, и он дома строил. А мама работала в госпитале, была врачом высокой квалификации. В этом госпитале я и родился. В 1949 году.

– *Как Вы оказались в Москве?*

– В Москву я приехал только в 1965 году, когда отца туда перевели служить. До этого мы жили по гарнизонам. Сначала на полигоне в Пржевальском, в Киргизии, лет пять. Потом – в Венгрии, Чехословакии, Польше.

– *Перед тем как поступить в ВИИЯ, Вы были призваны в армию на срочную службу?*

– Да, в 1968 году.

– *В каких войсках Вы служили?*

– В войсках связи. Это было интересное стечение обстоятельств – моя служба. До армии у меня была своя группа, мы назвались «Веселые ребята». Но это не те «Веселые ребята», ВИА, который был потом на эстраде. Наши «Веселые ребята» были раньше, чем появились они. И мы давали концерты, в основном, в Подмосковье, в Москву мы не попадали. А по всему Подмосковью мы гремели. И когда командир элитного полка связи Генштаба МО СССР узнал, что рядом с его полком живет товарищ, который возглавляет группу музыкантов, которые гремят по всей Московской области – а мы выступали даже и в самой этой части – то он решил взять меня к себе. А плац, по которому я маршировал, располагался как раз напротив моего дома. И мама, когда я выходил на плац, видела меня в бинокль.

Поэтому мне с одной стороны повезло, а с другой – совсем не повезло. Когда какой-нибудь капитан заступал дежурным по полку, начальник штаба его инструктировал: там есть такой Григорович, который живет напротив, смотри, чтобы он в самоволку не ушел! И каждый раз проверяли меня, как по описи, в караульном помещении. Приходит дежурный в казарму: где Григорович, ноги его покажи! Ночью, в двенадцать часов. Но я потом стал хитрым, изображал свои ноги на постели, «мастерил» их из одеяла, а сам уходил в самоволку! Но это было очень редко, потому что я был примерный боец.

Я быстро стал сержантом, командиром отделения, замкомвзвода. Был очень примерным служакой. У меня даже были награды. Самое большое поощрение – фотография у развернутого знамени части. Но мне было очень тяжело в моральном плане. Я полгода служил в учебке, был еще секретарем комсомольской организации, должен был служить примером. На меня это налагало большую ответственность. В то же время мой дом был напротив, я с плаца смотрел на маму, она махала мне рукой из кухни, а я не мог ничего сделать, убежать, например!

Хотя один раз все-таки был момент: на Новый год. Я был начальником караула, тогда уже был старшим сержантом. Ребята сидели хмурые, пятнадцать минут до Нового года осталось, а праздника не чувствуется. Я сказал: ребята, прикройте меня! И я – начальник караула, с автоматом, с патронташем – прыгаю через забор, врываюсь домой, а там сидит компания друзей нашей семьи, испуганными глазами смотрит на меня! Я схватил со стола все, что было, и бегом обратно! За десять минут – туда и обратно, через забор! Вот и встретили Новый год, порадовал своих ребят.

А в увольнение ходил на общих основаниях, как и все.

– *То есть, можно сказать, что Вы были самым взаврадашим связистом, а не таким, как наши некоторые знаменитые ныне музыканты, которые служили в различных военных ансамблях?*

– Именно так. У меня была своя машина связи – командно-штабная машина ГАЗ-51 с радиостанцией 125-МТ, с аппаратурой «зас» («засекречено»). Внутри было шикарно, там был стол. В машине было два отделения: в одном я сидел, а еще у меня было два помощника-солдатика; и плюс кунг, где сидели офицеры. Я участвовал во всех учениях, был отлич-

ником по работе с азбукой Морзе – мы тогда ключом работали, и у меня лучшие показатели. Когда я участвовал в соревнованиях, выдавал такие показатели, что сейчас сам удивляюсь!

Получается, что я был передовым в плане службы. А еще, когда были какие-нибудь праздники или мероприятия торжественные, я выступал как руководитель ансамбля. Вместе со мной призвали не всех моих ребят из группы – потому что играли с нами и ребята постарше, которые свое уже отслужили – но во всех концертах мы принимали активное участие, я играл и просто соло на гитаре, и с оркестром полковым. Меня даже хотели потом перевести в музвзвод, но я отказался. Потому что у меня были планы поступить в ВИИЯ.

– В связи с этим вопрос: а как Вы узнали про ВИИЯ?

– У меня там брат учился, двоюродный. Он был старше меня, и уже учился там, когда я только пошел в армию. И он мне рассказал, что *есть такой институт, в котором готовят разведчиков!* Это меня заинтриговало. А еще он сказал, что *после того как окончишь этот институт, то пойдешь работать в разведку и обязательно попадешь на войну.*

А я бредил войной с детских лет. Попасть на войну – для меня это был предел мечтаний! Я все книжки о войне перечитал, причем читал их с самого малого возраста, лет с семи. Мама спрашивала: что ты этой войной все время бредишь? А мне сны снились, как я бегу с автоматом, под бомбежкой, под обстрелом! Самое интересное, что все это потом реализовалось.

– В каком году Вы поступили в ВИИЯ?

– Это был 1970 год. Как раз на втором году службы. Поступил из армии. И попал как раз в самое пекло. Я поступил на отделение арабского языка, а на Ближнем Востоке уже готовились военные действия. В 1972 году я поехал туда, а в 1973 году началась война.

– Вы сами выбирали арабский язык или Вас распределяли?

– Когда сказали, что идет большой набор именно на арабский язык, на восточный факультет, и что именно оттуда есть огромный шанс попасть в «мясорубку», я с удовольствием пошел туда! Потому что через год мы уже должны были ехать работать. Как правило, все выпускники – я не беру курсы португальского языка – ехали работать только лет через пять. А тут – гарантия: через год вы точно едете на серьезное дело!

Как я сейчас вспоминаю, это был самый напряженный период моей жизни, потому что мы с утра до ночи учили язык. По шесть-восемь часов в день у нас были занятия по языку, не считая самоподготовки. Причем арабский язык – это ведь не простой язык, написание справа налево, без гласных! И в то же время, это был очень романтический период жизни! С одной стороны, было трудно, с другой – очень интересно. Конечно, не все у нас мечтали попасть на войну, но я-то чувствовал, что уже скоро-скоро я попаду туда, о чем я грезил! Так и получилось. В 1972 году, когда я приехал в Сирию, арабы готовились к войне – не израильтяне, а арабы! Они хотели отомстить за «шестидневную войну», за 1967 год¹²⁸.

Так что, повторяю, в 1973 году я попал в самое пекло. Могу честно сказать: так, как я начинал войну, никто из моих коллег не начинал! Потому что наша бронетанковая бригада, в которой я служил, когда наступала, все шли на танках, а я со своим советником – на машине ГАЗ-69, который был покрыт только брезентом. И вот мы зашли на израильскую территорию с арабскими частями, под бомбежками, под напалмом... Но это уже другая история. Как я это вспоминаю – сейчас уже, конечно, было бы страшно, жутко, и, наверное, я ни за что не

¹²⁸ «Шестидневная война» – одна из самых коротких войн в истории, продолжалась с 5 по 10 июня 1967 года. Противниками были, с одной стороны – Израиль, с другой – Египет, Сирия, Иордания, Ирак, Алжир. Она стала результатом многолетнего политического противостояния на Ближнем Востоке. Такая невероятно скорая победа вооруженных сил Израиля над объединенной армией арабской коалиции оказалась возможна за счет быстрого уничтожения арабской авиации прямо на аэродромах Египта массированными бомбардировками израильских ВВС: в результате с оставшейся без поддержки с воздуха арабской армией израильтянам удалось справиться за 6 дней. Эта победа впоследствии была описана во многих книгах и учебниках по военному искусству. Однако повторить подобный успех армии Израиля больше ни разу не удалось. – Прим. А. К.-Т.

поехал бы вот так! А тогда был какой-то романтизм. Я же все это даже снимал, у меня есть заснятые на пленку моменты, когда там идут бомбежки, самолеты летят...

– Про Вашу службу в Сирии уже опубликованы достаточно подробные Ваши воспоминания в сборнике «Куито-Куанавале. Неизвестная война». Как долго Вы там пробывали?

– Почти два с половиной года.

– Почему в качестве второго языка вам дали именно португальский?

– Потому что мы вернулись в очень интересное время. Это был 1975 год, когда я вернулся из Сирии. А в 1974-м случилась революция в Португалии, и португальские колонии были на пороге обретения независимости. Уже было понятно, что туда поедут советские военные специалисты, и соответственно, понадобятся переводчики. Поэтому приоритет при распределении на португальский язык отдавался тем, у кого уже был реальный боевой опыт¹²⁹, потому что именно там намечались новые «горячие точки». *И мою фамилию подали на португальский даже без спроса, то есть без моего первоначального согласия. Но мне сказали главное, когда распределяли на португальский: молодой человек, скоро опять под знамена, и вперед и с песней!* Мне этого было достаточно.

Итак, португальский язык. Естественно, мы понимали, что в Португалию мы точно не поедем. Но оставались португальские колонии. И мы поняли, что, скорее всего, нам светят Ангола, Мозамбик или еще что-то в этом роде. Во мне опять заиграл мой непреходящий романтизм. И когда мы уже проучились месяцев семь, к нам в класс заходит майор Борис Кононов¹³⁰ – а это был октябрь 1975 года – и говорит: ребята, мне даже не хочется об этом говорить, но мне нужно пять человек на серьезное дело (*смеется*) Я сразу первым поднимаю руку, он – ага, один есть. А остальные молчат! А нас было восемь человек в группе. Он тогда: ну ладно, парни, раз, два, три, четыре. Выбрал сам, короче. И вот, мы впятером поехали в Анголу.

Причем мы сначала прилетели в Конго-Бразавиль. Там мы пробывали недолго, где-то с неделю – ждали провозглашения независимости Анголы, до 11 ноября. И как только это свершилось, нас сразу посадили в самолет Ан-12 и он пошел на Луанду. А когда прилетели – самолет стоит, никого нет, и что там за бортом – не известно¹³¹.

– Назовите точные сроки Вашей командировки в Анголу.

– Прилетели мы в Луанду 11-12 ноября 1975 года, и весной, в марте-апреле 1976-го, не помню точно уже, мы улетели обратно. Пробывали там около полугода.

Как раз это был период создания ФАПЛА. Именно в нашу бытность там состоялся самый первый парад, который, собственно, снял на кинопленку по-настоящему только я. Во всех фильмах об Анголе показывали этот парад. Его снимали, только не понятно, кто и как снимал, потому что съемка сохранилась только у меня. Куда они свои экземпляры дели – не понятно. Что делать, это очень по-африкански – полный беспорядок во всем. Когда я уже приехал оттуда, мне в Москве телевидение за 20 тысяч рублей предлагало продать эту пленку с парадом. За эти деньги можно было купить две квартиры! Я не согласился: это касалось меня, это была моя память, я не хотел ее продавать. Это кино я потом на занятиях показывал своим курсантам – когда уже сам стал преподавать португальский язык в ВИИЯ. Многие из моих учеников позже тоже прошли Анголу.

¹²⁹ За службу в Сирии А. Григорович был награжден двумя сирийскими орденами: орденом Отечественной войны 1973 года и орденом «За Мужество». Подробнее об этом можно прочитать в сборнике «Куито-Куанавале. Неизвестная война»... – Прим. А. К.-Т.

¹³⁰ Преподаватель португальского языка ВИИЯ Б. А. Кононов упоминается в воспоминаниях многих военных переводчиков – выпускников ВИИЯ. В 1983 году он служил в Анголе в качестве переводчика-референта ГВС. Б. А. Кононов является также автором учебника военного перевода португальского языка, по которому учились как курсанты ВИИЯ, так и студенты гражданских вузов. – Прим. А. К.-Т.

¹³¹ Подробнее см. в сборнике «Куито-Куанавале. Неизвестная война»... – Прим. А. К.-Т.

– Был ли у Вас подготовлен боевой расчет на случай срочного бегства из Луанды?

– Сначала про фильм немного. У них была такая подготовка спецназа, что – в кадре это есть – когда солдат бежал, на параде, по нему стреляли из пулемета боевыми патронами. Конечно, ложилось все рядом с ногами, но вдруг у пулеметчика дрогнет рука, вдруг солдат дернется не в ту сторону? Но когда там были португальцы, подготовка спецназа проходила у них именно боевыми патронами, не холостыми, а реальными! У меня на пленке видно все это.

А что касается расчета нашего – да, такое было. *Андрей Токарев* должен был, отстреливаясь из пулемета, запрыгивать в самолет, который уже двигался по взлетно-посадочной полосе, Ан-12 или Ил-76. Но это, если честно, была такая глупость! Мы же не имели специальной подготовки. Хорошо еще, я имел армейскую подготовку, потому что я служил в армии, я умел обращаться с автоматом. А тот же *Андрей Токарев* – он ведь с гражданки поступал, и никакого понятия не имел о военной подготовке! Да, мы были в лагерях, на сборах, но в лагерях мы только учились ходить строевым шагом. Потому что в ВИИЯ, *когда мы там учились, основной упор был на языковую подготовку. То есть, мы только носили погоны – а на самом деле были гуманитариями до мозга костей.* Нас не загружали какими-то военными занятиями. Это сейчас в нашем институте военные занятия на первом месте.

– Применять этот расчет, как я понимаю, не пришлось?

– Нет, слава богу (улыбается).

– В чем состояли обязанности Ваши как переводчика в Анголе?

– Чем мы только не занимались! Положение в то время было угрожающим, и с юга, и с севера наступали наемники. Особенно с юга, там наступали юаровцы, плюс там был Савимби – так называемый ставленник Вашингтона, который организовал свои войска УНИТА. С севера шел Холден Роберто. Луанду просто сжимали в кольцо, ближайший фронт находился в 14 километрах от нее, с севера.

Наша задача была подготовить ангольские войска, помочь сформировать армию. Мы же сами, советские, не могли напрямую участвовать в боевых действиях! И кубинцы к тому моменту еще не подросли, кубинцев тогда еще были единицы. И наше «мудрое» руководство – я имею в виду руководство СССР – разработало следующий план действий: доставлять на самолетах Ил-62 под видом туристов по двести кубинцев на каждом самолете. А самолеты прилетали через каждые два часа по ночам. Тоже мне, туристы – такие хлопцы бравые, с армейской выправкой! А мы должны были готовить ангольцев на зенитки, ЗУ-23, или на пушки ПТ-76, противотанковые. То есть, мы готовили расчеты разных калибров, а кубинцы поставляли живую силу.

Лично моя, например, задача была такова: подготовить ангольский боевой расчет ПТ-76. Причем у меня был соответствующий специалист, молодой парень, но так как времени нам отвели буквально неделю для подготовки этого расчета – представляете, неделю, и это на подготовку людей, которые были совершенно неграмотными – то работать с переводчиком означало тратить время два раза на одно и то же. А так как я служил в армии, с этой пушкой я был знаком, то мой специалист – не помню уже, как звали – сидел, курил, отдыхал, а я сам готовил ангольцев.

Расчет этот состоял из семи человек. И как можно было подготовить абсолютно неграмотных людей? Мы достаточно зло шутили, что это ребята, которые только слезли с пальмы и которым только что отрезали хвосты и пустили в бой. Когда мы поехали стрелять в первый раз, это была комедия! Потому что когда мы с ними готовились, то все было условно: условно заряжай, условно подноси, условно стреляй, «огонь» – но выстрела, как такового, нет. А когда поехали стрелять, они все испугались! А это уже был бой, колонна противника наступала – в то время они наступали только по дорогам, потому что влево-вправо от дороги

увязала любая техника. Война шла по дорогам. Нужно было преградить колонне противника путь, подбить хоть какой-нибудь танк. Первый выстрел – и весь расчет разбежался! Когда стали искать, не нашли никого. Они настолько испугались выстрела этой пушки.

Основные тяготы отражения агрессора, как с севера, так и с юга, легли, конечно, на кубинцев. Когда уже стало понятно, что ангольцы в этой войне вообще никакие не помощники в отражении агрессии, кубинцы и технику стали привозить свою, танки Т-55 и прочее, сначала и этого не было. То есть, кубинцы все взяли на себя. Приходило два корабля в неделю, доставляли по 50 танков на борту. Еще машины поставляли и так далее. Если б не кубинцы, Луанда была бы взята без вопросов, и пришлось бы нам срочно эвакуироваться оттуда, и Токареву – бежать с пулеметом.

– *Для Вас чем отличалась служба в Анголе от службы в Сирии?*

– Основное отличие заключалось в том, что в Сирии была конкретная линия фронта. Попадал в окружение, выходил из окружения, были бомбежки, танковые атаки. То есть, все было по-настоящему, война как война. В Анголе война была на тот момент фрагментарная, и скорее партизанская, все было непонятно. Едешь, например, по Луанде... Я часто ездил по Луанде, потому что я был переводчик, знал язык, у меня была машина, которую я умел водить, и мне давали карт-бланш. Наша группа сидела на базе аэродрома Луанды, и никто никуда ни в коем случае не имел права выходить за пределы базы. А мне разрешали выезжать на машине куда угодно. Я и к кубинцам ездил, и еще куда, у меня не было ограничений. Более того – периодически меня отправляли «на промысел», раздобыть еду или спиртное¹³².

И вот, едешь по Луанде – а город вымирал абсолютно, и иногда раздавались выстрелы, то там, то сям. Кто стрелял, в кого стрелял – непонятно. Ангольцы – они ведь безбашенные товарищи, они могли пукнуть в кого угодно, когда угодно и откуда угодно. Едешь – и не знаешь, вернешься назад или нет. У меня всегда с собой были пистолет, автомат, ящик гранат в машине. Была такая неопределенность, откуда ждать опасности.

И в то же время – авантюризм некий. Вот едешь и думаешь: а вот туда я смогу проехать, или подстрелят? А что вот там находится?

– *А как ангольцы относились к нашим советникам, переводчикам?*

– Вообще, у нас с ангольцами достаточно странные отношения, и тогда были, и сейчас. Волею судеб, сейчас приходится часто общаться с ангольцами, и с посольством, и не с посольством. Как будто судьба сводит. Отношения специфические, которые сначала складываются хорошо, а потом возникают какие-то недопонимания, и отношения ухудшаются. Начинается взаимное непонимание сути происходящего, как в Анголе, так и в России, и понять никто даже не пытается всерьез, попытаться сблизить точки зрения. Наверное, скоро Ангола отойдет от России, как все остальные страны, и будет вести какую-то свою политику.

Хотя свою политику Анголе вести трудно, потому что они этому так и не научились. Чем и хороши были для них португальцы! Настолько правильно и умно они вели свою политику в колониях, что когда они ушли из Анголы – я это воочию видел – ангольцы как будто лишились своих матерей. Потому что португальцы были для них мамами. Ангольцы работали все в сфере обслуживания, а сфера управления полностью принадлежала португальцам. И после получения независимости своей ангольцы не знали, что делать. Они до сих пор не знают, как управлять страной. Это не их прерогатива, потому что они живут еще в каком-то там пятнадцатом-шестнадцатом веке, и понять, как управлять страной, они не могут. Поэтому после того как режим более-менее устоялся, хотя война еще продолжалась – где-то уже в восьмидесятые, девяностые годы – они снова стали приглашать португальцев на управленческие должности. Потому что сами – не справляются. Однако португальцы приезжали неохотно, потому что там еще шли боевые действия.

¹³² Подробнее см. в сборнике «Куйто-Куанавале. Неизвестная война»... – Прим. А. К.-Т.

А ведь все, что было создано в Анголе – города, инфраструктура – все это было сделано португальцами, ангольцы практически ничего не добавили. Потому они должны быть благодарны своим колонизаторам. Ангольцы сами не знали, зачем они воевали с португальцами. Просто поддались этому всеобщему настроению – «национальным революциям», «завоеванию независимости», движению «За свободную Африку». Что называется, «тлетворное влияние» всех остальных колоний – английских, французских, прочих. Потому что более умело, чем португальцы, колониями никто не управлял.

Например, на *Кабо-Верде*, где я потом служил, там ведь тоже была бывшая португальская колония. И политика там была совсем другая. Никакой революции, никакого массового исхода португальцев, они там как работали, так и продолжали и продолжают работать, успешно живут и процветают. И *Кабо-Верде* процветает так, как ни одна другая страна. Правда, хитрые кабовердианцы кричат на весь мир, что у них дети умирают от голода на дорогах, им присылают по шесть тысяч тонн зерна, они его подержат у себя, а потом раз – и продадут другим африканским странам. Так зарабатывают деньги государственной казне.

А ангольцы допустили ошибку, изгнав португальцев. И между нами – *наши тоже допустили огромную ошибку, даже не попытавшись понять, как португальцы управляли своими колониями*. Хотя сделать это можно было без всяких проблем. Не попытались вникнуть в суть – как работать с населением Анголы. В Генштабе у нас рассуждали как: Ангола, полезные ископаемые есть – хорошо, населения шесть миллионов – мало, что с ними делать, с этими шестью миллионами? Что скажем, то они и будут делать! Шапкозакидательское такое было отношение.

А ангольцы не такие простые, у них – характер. Они сначала улыбаются, и создается обманчивое впечатление, что ими можно руководить, как заблагорассудится. А ничего подобного! У них есть при всем при этом гордость, самолюбие, какие-то свои взгляды. И еще они чувствуют, что они богаты – а они действительно богаты, у них есть и кофе, и золото, и железо, и алмазы, и все, что хочешь. И они считают, что раз они богаты, то кто богат – тот и заказывает музыку. В чем они, собственно, порой и правы.

Поэтому отношения у нас стали достаточно натянутыми. Я работал с ангольским послом в 2008 году, с генералом *Нгонго*. Мы и тогда, во время моей командировки в 1975-м, были знакомы. Он и тогда был такой: вроде хи-хи, ха-ха, улыбался, только в душу к себе не пускал и позиции свои отстаивал до последнего! К ангольцам нужно найти особый подход. С ними по-простому, как наши пытались, нельзя, нужно осторожно, и кнутом и пряником – именно так и делали португальцы. Даже португальцы действовали еще тоньше.

Ко всему прочему, португальцы совсем не были расистами. У многих были жены-анголанки, они не гнушались этим совершенно, не пытались сепарироваться от местных на 100 %, как это было в других колониях. Отсюда и проявилась – если вспомнить снова Кабо-Верде – такая нация, как кабовердианцы, которые почти все поголовно мулаты, причем в них больше даже европейской крови. А отсюда – и ум, и отношение к жизни, и обучение в Португалии, и так далее. Если бы португальцы остались в Анголе, то там постепенно сложилось бы то же самое, лет через сто было бы уже не понятно, кто португалец, а кто анголец или мозамбиканец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.